

ЭДВАРД ГИББОН

УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Эдвард Гиббон

**Упадок и разрушение Римской
империи (сокращенный вариант)**

«Центрполиграф»

Гиббон Э.

Упадок и разрушение Римской империи (сокращенный вариант) /
Э. Гиббон — «Центрполиграф»,

Эдвард Гиббон – автор величайшего исторического труда по истории позднего Рима. Эта книга – сокращенный вариант многотомного труда знаменитого историка. Сочинение, до сих пор не потерявшее своей ценности, охватывает период с конца II века (правление императора Коммода) до падения Константинополя в 1453 году. Философские взгляды Гиббона, художественные достоинства его стиля, тонкий анализ событий, живые и образные портреты повлияли на формирование целой эпохи в науке, литературе и искусстве.

Содержание

Введение	5
Пролог	12
Глава 1	15
Глава 2	19
Глава 3	35
ВЫЗОВ СТАРОМУ ПОРЯДКУ	46
Глава 4	46
УСИЛЕНИЕ ВОЕННОЙ АВТОКРАТИИ И НАЧАЛО	54
ОРИЕНТАЛИЗМА	
Глава 5	54
Глава 6	60
РАСКОЛ ИМПЕРИИ	71
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Эдвард Гиббон

Упадок и разрушение Римской империи

Введение

Сокращенный вариант книги «Упадок и разрушение Римской империи» был составлен в надежде привлечь к ней новых читателей, а тем, которые с ней знакомы, дать что-то меньшее по размеру, чем полное сочинение, которое редко умещается даже в шести томах, так что чаще всего томов бывает больше чем шесть.

До наших дней ничто не оказало большего влияния на ход истории Европы и Ближнего Востока, чем Римская империя, и, в частности, ее упадок и разрушение. А о событиях того времени нигде не рассказано лучше, чем в книге Гиббона. Все признают, что в ней сочетаются редкостная эрудиция и несравненное литературное мастерство. Но не так часто говорят о том, какой мощной опорой эти два качества являются друг для друга. Хотя книга Гиббона была написана давно и с тех пор открыто и написано много нового, все единогласно признают, что она не потеряла своего значения – еще и потому, что благодаря своим художественным достоинствам книга прекрасно читается. Потеряй «Упадок и разрушение...» свою историческую ценность, было бы напрасно надеяться, что кто-нибудь станет читать эту книгу ради одной красоты стиля – может быть, только несколько литературных критиков, любителей препарировать тексты. Поэтому в сокращенный вариант надо было отобрать такие фрагменты, где были бы видны обе стороны произведения. Любой метод, при котором надо было бы разрезать книгу на отрывки и потом складывать их заново, учитывая только ценность описанных фактов, искалечил бы это великое сочинение и скрыл бы от читателей его истинную красоту. Нужно было рассматривать книгу как нечто единое и при этом помнить о необходимости сократить, насколько возможно, ее объем, не разрушая возникающего при чтении чувства целостности.

Первым человеком, который сравнил «Упадок и разрушение...» с мостом из Античности в современный мир, была мадам Неккер. Сам Гиббон заявлял, что рассказывает о триумфе варварства и религии. Какими бы ни были взгляды или религиозные верования читателя, ему

трудно будет усомниться в верности этих слов. На том конце своего моста, который смыкается с древностью, Гиббон очень предусмотрительно поместил три написанных с большим мастерством обзорных главы, где обрисовал место действия и перечислил темы своего сочинения. Эти главы были включены в сокращенный вариант почти полностью, поскольку без них нельзя понять намерения и выводы автора. Выброшены были, например, куски, где речь шла о римских провинциях и войсках, эти темы интересны лишь специалистам, и с ними можно лучше ознакомиться по работам исследователей нашего времени. После такой «расстановки декораций» повествование движется вперед, описывая основные повороты и события имперского правления до упразднения Западной Римской империи около 476 года. Из этой части исключено целиком несколько глав, а некоторые особенно сложные по строению куски заменены кратким изложением их содержания.

Во второй части книги рассказано о примерно тысячелетнем периоде, в отличие от первой, где описанное время гораздо короче – от 180-го до 476 года н. э. Повествование Гиббона неизбежно стало очень быстрым и часто сжатым, а ограниченность его знаний и несовершенство оценок истории Византийской империи известны уже давно. Несмотря на это, не следует забывать, что значительная часть самых лучших с литературной точки зрения мест книги находится именно во второй ее половине, а мастерство, с которым автор выстраивает свою центральную тему, ведя рассказ к падению Константинополя, до сих пор не имеет равных. При сокращении эта центральная тема была сохранена, но некоторыми второстепенными пришлось пожертвовать. Однако даже от них было оставлено основное содержание. Например, рассказ о возникновении и усилении ислама сюда вошел, а о завоеваниях, распространивших власть арабов и арабскую цивилизацию на запад до Испании, которая тогда не входила в империю, – нет. Подобным же образом были исключены или сокращены места, где рассказано о развитии современных европейских народов и Священной Римской империи. С другой стороны, описание вторжений в Италию и разграблений Рима, произошедших после падения Западной империи, представлено в нашем варианте достаточно полно. Рим всегда в какой-то степени оставался главным городом империи, и Гиббон никогда не забывал надолго о его бедах.

Одно из многочисленных достоинств Гиббона-историка – ощущение вечности Рима. В его ощущении Римской империи как единого целого было больше уверенности, чем проявляли в этом случае иные, более поздние авторы. Даже после того, как территория империи была поделена между западным и восточным правительствами, это все-таки была одна империя, а не две; хотя в Константинополе постепенно перестали говорить на латыни, греки – граждане империи по праву считали себя римлянами и называли свой язык ромейским. Так до сих пор называется в разговорной речи современный греческий язык. Поэтому, когда в 1453 году завоеватель Мехмед II въехал на коне в Константинополь, город не просто пал, а окончательно исчезла с лица земли Римская империя, временем возникновения которой условно можно считать 27 год до н. э. Но рассказ Гиббона на этом не кончается.

Он рассказывает нам в своем знаменитом отрывке о той минуте, когда его озарила мысль написать «Упадок и разрушение...», что первоначально планировал «ограничиться упадком города, а не империи». Прошло немало времени, прежде чем Гиббон разработал тот план, который потом выполнил. Первоначальное озарение не было забыто: на протяжении всей книги автор время от времени обращается к описанию постепенного упадка города, а после трогательного и красочного рассказа об окончательной гибели Нового Рима наносит на свой шедевр последний мазок – спокойный эпилог о состоянии Рима в Средние века и в XVI веке; оно в основном мало отличалось от той городской жизни, которую он сам очень подробно изучал во время своего единственного приезда в Рим. Когда Гиббон писал эти элегические главы, он, несомненно, переносился мыслью в то далекое прошлое, но одновременно с этим возвращал читателей к начальным главам, где так хорошо расставил декорации и определил тему. «Упадок и разрушение...» действительно напоминает какую-то огромную по размеру мрачную симфо-

нию, где мотивы, заявленные в начале, подхватываются и разрешаются в конце размышлением об ужасной катастрофе, к которой все это привело в результате, и о том, что над общей картиной гибели все-таки уже светит несколько лучей зари – предвестников Возрождения и того современного мира, в котором историк должен был жить и работать. Так тесно переплетались между собой жизнь и творчество этого человека.

Не каждый, кто начинал читать «Упадок и разрушение...», дочитал эту книгу до конца, а недочитавший мог не разглядеть совершенство ее планировки. Поэтому есть надежда, что одним из достоинств сокращенного варианта будет то, что здесь начало и конец оказались под одной обложкой.

Редактор, конечно, не забывает, что, сочиняя начальные главы, Гиббон еще не собирался довести свое историческое сочинение так далеко – до 1453 года. Но это соображение не должно умалять того совершенства, которое автор в итоге осознанно придал структуре своей книги.

Знаменитые 15-я и 16-я главы, где описаны возникновение и рост христианства, включены сюда полностью: у редактора было чувство, что, изымая что-либо из этого важнейшего повествования, он в какой-то степени поставил бы собственное мнение между идеями автора и читателем. Начиная с 1776 года, когда был издан в формате инкварто первый том книги, умело рассчитанной кульминацией которого являются эти главы, они остаются самым известным – а для многих людей и единственным известным – трудом Гиббона о христианстве. Это была несчастливая случайность, поэтому сюда включены большие куски последующих глав, посвященные развитию богословия и церкви. Рассказ о вторжениях варваров и истории внутриимперских дел на Востоке нельзя понять в отрыве от распространения арианства и от различий во взглядах на Троицу и на Боговоплощение. Здесь будет уместно вспомнить слова кардинала Ньюмена, с сожалением отметившего, что Гиббон – наш единственный историк церкви. Время и человеческое трудолюбие исправили этот недостаток. И все же те историки церквей, кого ценят наиболее высоко, единогласно осуждают вместе с Гиббоном слепую доверчивость, не имеющую под собой основы суеверия и сознательный обман, оплакивают то падение с высоты первоначальных идеалов до светского честолюбия, которое так часто встречается в истории всех религий. Гиббон первый сделал историю религии светской наукой. Его преемники в большинстве случаев отличались от него лишь методом и интонацией. На эту тему нужно кое-что сказать. Некоторые авторы, судя о Гиббоне поверхностно, говорят о его нелюбви к христианству. Он действительно с легким сердцем писал о том, что Джилберт Муррей в наше время назвал бы «пагубным вздором». Но ни одной нападки на «чистые и простые заповеди Евангелия» у Гиббона нет. Он никогда не бросает вызов христианской морали, как делали некоторые более поздние агностики. Гиббон всегда уважает искренность и отвагу тех, кто верен своим идеалам. Посмотрите, как он пишет о Киприане, Афанасии и Иоанне Златоусте. Заметьте также, с какой иронией Гиббон сумел описать и взгляды, и поступки Юлиана Отступника в области религии. Но при всем этом было бы ошибкой заявлять, что у Гиббона было много общего собственно с церковью и ее жизнью. Его ум развился и достиг зрелости в кругу тех философов континентальной Европы, о которых Литтон Стрэчи в своем очерке, посвященном мадам Дюдефан, написал так: «Скептицизм этого поколения был самым бескомпромиссным скептицизмом в мире: он отгораживался голой стеной полного равнодушия и от тайн нашего мира, и от их разгадок».

Если долгое применение Гиббоном «серьезной и сдержанной иронии», которой он научился у Паскаля, в конце концов начинает нас утомлять, мы должны вспомнить вместе с Дж. Б. Бари, что язык иносказаний был необходимой предосторожностью в XVIII веке, когда церковь могла очнуться от своей дремоты и привлечь человека к суду за богохульство.

Современные Гиббону священнослужители и тем более некоторые из тогдашних мирян не поняли и не могли понять того, что он делал. Они и не пытались понять. Их раздражало то, в чем они видели нападки на учреждение, составлявшее часть существующего порядка. За

неимением лучшего повода эти люди использовали классический прием – стали оскорблять адвоката, который защищает истца. На первый взгляд это была легкая мишень: Гиббон был человеком тучным и при этом модником, а ум англичанина с трудом прощает человеку такое сочетание. В течение ста лет было привычкой подчеркивать смешные черты его внешности и при этом упорно порочить его характер. За время, прошедшее с тех пор, его душевные качества были оценены более трезво. Эта оценка показала тем, кто потрудился ее выслушать, что хотя мы и можем по-прежнему смеяться над забавными и странными чертами внешности Гиббона (не смеяться мог бы лишь ученый сухарь), но должны признать, что Гиббон отличался духовной цельностью и в области морали, и в области интеллекта. По свидетельству близких друзей, он также был очень человечным, и в этой работе эти три свойства его души чувствуются на каждой странице.

Вполне естественно сравнивать события жизни Римской империи с современной историей Европы. Шестьдесят лет назад, в более приятные для европейцев времена, лорд Брюс провел интересную параллель между Римской империей времен Августовой колонизации и Британской империей. Сегодня те, кто чувствует себя людьми разрушающейся цивилизации, могут найти много материала для сравнений в истории упадка Римской империи. Читателям предоставляется возможность сделать это самостоятельно, однако можно предположить, что здесь будут уместны один или два комментария о подходе Гиббона к избранной им теме.

Гиббон, до того как начать эту работу, провел молодость и начало зрелости за изучением античной литературы, прежде всего римских авторов; его взгляды сформировались на основе тех стандартов, которые он видел в их сочинениях. Почти всю свою работу Гиббон пишет так, как если бы был высокообразованным сенатором лучших дней империи. Его концепция упадка и разрушения была бы естественной для такого сенатора при условии, что время правления Антонинов действительно было золотым веком и что это мнение не могут поколебать более поздние исследования, показавшие, что безмятежный покой в экономике был обманчивым. Приняв теорию скатывания вниз, в упадок не только с вершины процветания, но и с вершины классических стандартов в литературе и философии, Гиббон ведет свой рассказ (по крайней мере, до падения Западной империи) без грубых логических неувязок. Его традиционные жалобы на потерю политической свободы не мешают с большой проницательностью описывать многие политические и административные нововведения, начиная от принципата Августа и кончая организационными мерами Диоклетиана и Константина. Кстати, нелюбовь к придворному церемониалу азиатского происхождения, который был заимствован Диоклетианом и его преемниками, а потом распространился по всей Европе, у Гиббона не менее заметна, чем безразличие к религии.

Естественно, со своей сенаторской или римской точки зрения Гиббон видит во вторжениях варваров чуть больше, чем волны уничтожающей стихии. Но с другой точки зрения, например с той, на которой стоял Бари, можно разглядеть и понять, что вторгавшиеся не всегда желали все уничтожать; иногда они хотели просто переселиться на более благоприятные для жизни земли империи и включиться в ее жизнь. Такое различие точек зрения может привести к расхождениям во взглядах на заселение германскими народностями приграничных областей империи. Более того, германцы привезли с собой много приспособлений, которые сделали жизнь европейцев удобнее, но которых не изобрел греко-римский мир.

Но сильнее всего принятая Гиббоном теория упадка уводит его с верного пути там, где он пишет об истории византийской цивилизации. В этом случае нужно почитать в качестве «противоядия» современных авторов. Читатель может выбрать себе в качестве руководства один вопрос: как получилось то, что сказано в одном метком изречении: «Константинополь постоянно был в упадке и при этом тысячу лет оставался бастионом Европы»?

И все же остается правдой то, что и Западная, и Восточная империи пришли к своему концу. Позднейшие историки больше занимались выяснением причин этого падения, чем

просто рассказывали о нем. Между этими исследователями нет полного согласия, поэтому читатель может выбрать Гиббона – хладнокровного наблюдателя за угасанием Западной империи. В этом случае мы обнаруживаем, что он не столько искал причины разрушения, сколько удивлялся, как такая сложная структура могла не распасться столько веков. Мы, видевшие, как имперские системы, которые считались прочнее римской, рассыпались за немногие годы, можем только похвалить Гиббона за мудрость и разделить с ним его удивление.

Если сделать все эти поправки, то место, занятое Гиббоном для ведения рассказа внутри римского мира, фактически становится достоинством, а не недостатком. Он вводит нас в самую середину этого мира и рассказывает нам о нем, никогда не теряя из виду свою цель и опираясь на авторитетные работы древних авторов и такое количество взятых оттуда подробностей, которое нельзя найти ни в одной современной работе. В конечном счете книга Гиббона стала чем-то большим, чем собрание подробностей жизни Римской империи. Многими признано, что она является эпической поэмой в прозе, где весь исторический опыт рассматривается в масштабе целого мира. Хотя Гиббон и смотрел на историю только как на «список преступлений, безумств и несчастий человечества», благодаря широте обзора и состраданию его взгляд на историю ставит автора на ту ступень искусства, выше которой поднимаются лишь великие поэты.

Порядок частей текста в сокращенном варианте тот же, что у Гиббона, но из этого правила есть одно заметное исключение – начальный отрывок, озаглавленный «Пролог». Как указано в тексте, он взят из конца главы 3 и казался лучшим началом, чем текст, с которого начинается глава 1. Включить же оба отрывка сразу помешал недостаток места, поэтому редактор, не претендуя на то, что его мнение важнее мнения самого автора, решил в этот единственный раз сделать исключение и изменить порядок текста. Поскольку каждая глава представляет собой аккуратно спланированный и заботливо реализованный кусок того, что уже было названо здесь «великой симфонией», как бы одну из ее музыкальных частей (такая часть, как правило, завершается четко оформленным впечатляющим финалом), целью редактора было по возможности включать главы в сокращенный вариант книги целиком. За это пришлось расплачиваться тем, что другие главы были выброшены из текста тоже целиком. Включенные главы имеют те номера, которые даны им в полном варианте книги. Таким образом, читатель может легко найти там полный вариант главы. Номера пропущенных глав указаны в примечаниях. Если глава попадала в текст полностью, этих обозначений казалось достаточно. Но в идеальное правило – включать в сокращенный вариант только полные главы – пришлось внести значительные изменения. Там, где были опущены части глав, применяются два вида обозначений-указателей. Если пропуск не сильно влиял на непрерывность повествования, опущенные абзацы заменялись тремя строками отточий. Если разрыв в тексте был большим, на место пропуска вставляли краткое изложение содержания пропущенного отрывка, выделенное курсивом. Размер этих изложений доведен до наименьшей величины, при которой еще возможно уместить в них необходимую информацию. Из-за того, что в тексте сделаны эти разнообразные вырезки, оказалось невозможным сохранить первоначальные названия глав, и их заменили другими. В целях экономии при печатании книги пришлось также убрать подзаголовки абзацев, которые в полном варианте стояли на полях. Вместо них в текст были вставлены в ограниченном количестве подзаголовки, размещенные посреди страницы, которые должны делить текст на равные по длине отрывки и служить читателю указателями. Во многих случаях они совпадают или почти совпадают с первоначальными заголовками абзацев.

Этими фразами, расположенными вне основного текста, ограничилось наше вмешательство в работу Гиббона. Основной текст нигде не был ни изменен, ни исправлен для соединения отдельных отрывков. Нашей целью было напечатать в точности то, что написал Гиббон, осовременив только орфографию, поскольку все уже давно так делают. Этот текст был взят из

переизданного доктором Уильямом Смитом издания, которое впервые было опубликовано в 1854–1855 годах деканом Милменом. В целом оно считается самым правильным вариантом книги. В изданиях, вышедших при жизни Гиббона, есть явные опечатки, в современных же воспроизведена часть этих ошибок, а иногда еще добавлены и новые разночтения. Совершенно невероятно, что существует издание, где текст «Упадка и разрушения...» воспроизведен по-настоящему точно¹. В наш текст мы внесли несколько исправлений, о которых умолчали; еще одно предложено в сноске. В модернизации правописания сделан еще один шаг вперед, но несколько устаревших форм речи, которые придают тексту колорит XVIII века, все же не были принесены в жертву идеалу единообразия и связности.

Ранее уже выходили в свет сокращенные варианты «Упадка и разрушения...» и сборники избранных отрывков из этой книги. Ни в одном из них не было ни сносок, ни хотя бы такой большой выборки из них, как здесь. В эту книгу вошли лишь те сноски, которые представляют интерес для всех и, в большинстве случаев, не перегружены цитатами на греческом и латыни. Они остались такими, как написал их Гиббон, с тем лишь исключением, что были убраны ссылки на авторитетных для него авторов, которые, естественно, цитировались по устаревшим с тех пор изданиям или труднодоступным теперь сочинениям. Эти примечания не только делают текст понятнее. Они отражают все стороны характера автора и могли бы, собранные вместе, составить единую застольную беседу. Они информировали, забавляли, а иногда, как слышал редактор, и шокировали не одно поколение читателей. Отпечаток личности автора, лежащий на всей книге, в каком-то отношении был бы частично стерт, если бы ее текст не получил должного сопровождения в виде сносок.

Д.М. Лоу

¹ Более подробную текстологическую информацию см. у мисс Дж. Е. Нортон «Библиография работ Эдварда Гиббона» (Оксфорд, 1940), с. 40. В большом издании Дж. Б. Бари, к сожалению, воспроизведены примерно шестьдесят восемь давних ошибок. В одном из современных репринтных изданий есть серьезные искажения текста, допущенные его собственными издателями.

Пролог

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНТОНИНОВ

(отрывок из главы 3)

Если бы кого-то попросили назвать период в мировой истории, когда человеческий род жил наиболее счастливо и в наибольшем процветании, этот человек несомненно назвал бы время от смерти Домициана до вступления на престол Коммода. Огромная территория Римской империи находилась под абсолютной властью добродетельного и мудрого правителя. Армию сдерживали крепкой, но мягкой рукой четыре правивших друг за другом императора, чьи характеры и авторитет внушали невольное уважение. Гражданские формы управления страной бережно сохранялись Нервой, Траяном, Адрианом и Антонинами: эти императоры наслаждались видом свободы и с удовольствием считали себя слугами закона, ответственными перед ним. Такие правители заслужили бы себе почетное имя восстановителей республики, если бы римляне в их время умели разумно пользоваться свободой.

Труды этих монархов были с избытком оплачены огромной наградой, которая ждала их после удачного завершения дел и была неотделима от успеха: законным правом гордиться своей добродетелью и высоким наслаждением видеть созданное ими всеобщее счастье. И все же одна справедливая, но печальная мысль отравляла эту благороднейшую из человеческих радостей: они должны были часто вспоминать, что счастье, зависящее от душевных свойств одного человека, непрочно. Мог быть уже близок роковой момент, когда развратный юноша или завистливый тиран, злоупотребляющий абсолютной властью, которую они применяли на благо своему народу, использует ее для разрушения. Не имевшие под собой реальной силы ограничения сената и законодательства могли служить средствами для добродетелей императора, но были совершенно не в состоянии исправлять его пороки. Войска были слепым и всемогущим орудием угнетения, а падение нравов у римлян всегда должно было порождать и льстецов, охотно рукоплещущих страху или скупости, похоти или жестокости своего господина, и подручных, готовых служить этим порокам.

Эти мрачные предчувствия уже были оправданы предыдущим опытом римлян. Летописные повествования об императорах представляют нам мощное и разностороннее изображение человеческой природы, которое мы напрасно стали бы искать среди описаний нецельных и колеблющихся характеров персонажей современной истории. В поведении тех древних монархов мы можем разглядеть крайние проявления порока и добродетели – высочайшее совершенство и самую низкую степень вырождения нашего вида. Золотому веку Траяна и Антонинов предшествовал век железный. Будет почти излишним перечислять здесь недостойных преемников Августа: неодинаковость их пороков и великолепие сцены, на которой они действовали, спасли их от забвения. Мрачный, безжалостный Тиберий, свирепый Калигула, слабый Клавдий, развратный и жестокий Нерон, звероподобный грубый Вителлий и трусливый бесчеловечный Домициан навечно приговорены к бесславию. В течение восьмидесяти лет (за исключением единственной короткой и сомнительной передышки при Веспасиане) Рим стонал от непрерывной тирании, которая уничтожала древние семьи республиканской знати и губила почти любую добродетель и любой талант, возникавшие в это несчастливое время.

К рабскому положению римлян под властью этих чудовищ добавлялись два особых обстоятельства: первое было обусловлено их прежней свободой, а второе огромным размером завоеванных ими территорий, делавшие несчастье этого народа более полным, чем у жертв тирании в любое другое время и в любой другой стране. Следствиями названных причин были очень высокая чувствительность страдавших и невозможность уйти от руки угнетателя.

I. Когда в Персии правили потомки Сефи, которые часто в беспричинной жестокости обагряли кровью любимцев свой зал совета, свой стол и даже свою постель, был записан анекдот о том, как один молодой аристократ Рустан никогда не уходил от султана, не проверив, есть ли еще голова у него на плечах. Повседневный опыт мог оправдать этот скептицизм Рустана, но все же смертоносный меч, висевший над ним всего на одной нитке, похоже, не мешал персу спать и не нарушал его спокойствия. Рустан хорошо знал, что хмурый взгляд монарха мог превратить его в пыль, но удар молнии или апоплексия могли быть также смертельны, так что мудрому человеку следовало забыть о неизбежных тревогах человеческой жизни и наслаждаться мимолетным настоящим. Он был удостоен почетного звания «царский раб», возможно, был куплен у неизвестных родителей в совершенно незнакомой ему стране и с раннего детства воспитывался в серале, где царит строгая дисциплина. Его имя, богатство и почет, который ему оказывали, были подарком господина; господин мог взять обратно то, что дал, и в этом не было несправедливости. Знания, которыми обладал Рустан, если они *вообще* были, могли лишь закрепить его привычки с помощью предрассудков. В его языке не было слов для обозначения иной формы правления, чем абсолютная монархия. История Востока сообщала ему, что человечество существовало так всегда². Коран и толкователи этой священной книги внушали ему, что султан – потомок пророка и наместник Неба, что терпение – главная добродетель мусульманина, а безграничное повиновение – великая обязанность подданного.

Умы римлян были совершенно по-иному подготовлены к рабству. Сгибаясь под тяжестью своей собственной коррупции и насилия военных, они еще долго оставались верны чувствам или, по крайней мере, взглядам своих рожденных свободными предков. Гельвидий и Тразея, Тацит и Плиний получили такое же образование, как Катон и Цицерон. Из греческой философии они усвоили самые справедливые и либеральные понятия о природном достоинстве человека и о происхождении гражданского общества. История собственной родины научила их чтить свободное, добродетельное и победоносное республиканское государство, чувствовать отвращение к успешным преступлениям Цезаря и Августа и в глубине души ненавидеть тех тиранов, перед которыми они склонялись, доходя до самой низкой лести. В качестве должностных лиц и сенаторов они были членами многочленного совета, который в прошлом диктовал законы всему миру, имя которого и теперь давало силу постановлениям монарха, который очень часто пятнал себя продажностью, способствуя своим авторитетом самым гнусным целям тирании. Тиберий и те из императоров, кто руководствовался его правилами, пытались прикрыть свои убийства формальной видимостью правосудия и, возможно, втайне радовались тому, что делают сенат не только своей жертвой, но и своим сообщником. Именно этот совет выносил последним римлянам приговоры за мнимые преступления и истинные добродетели. Их бесчестные обвинители говорили языком независимых патриотов, обвиняющих опасного гражданина перед судом его страны, и такая служба обществу вознаграждалась богатством и почестями. Эти раболепные судьи заявляли, что обеспечивают безопасность государства, которое пострадало в лице своего первого чиновника, и громче всего рукоплескали милосердию этого «чиновника» тогда, когда особенно сильно дрожали в страхе от приближения его неумолимой жестокости. Тиран смотрел на их низости с заслуженным презрением и отвечал на их тайное отвращение искренней и нескрываемой ненавистью ко всему сенату в целом.

II. То, что Европа разделена на много государств, независимых, но связанных между собой сходством религии, языка и нравов, имеет очень благоприятные последствия для свободы человечества. Современный тиран, если бы не встретил сопротивления себе ни в своей душе, ни среди своего народа, скоро почувствовал бы, что его мягко ограничивают пример равных ему, страх перед осуждением современников, советы союзников и оценки врагов. Тот, кто

² Шарден сообщает, что путешественники-европейцы дали персам некоторое представление о свободе и о мягкости наших правительств, чем оказали им очень плохую услугу. (*Здесь и далее цифрой отмечены примеч. Д. Лоу.*)

вызвал его недовольство, может бежать за узкие границы его владений и легко найдет под более ласковым небом надежное убежище, новое богатство соответственно своим достоинствам, возможность свободно жаловаться, а может быть, и способ отомстить. Но империя римлян охватывала весь мир, и, когда она оказывалась в руках одного человека, для его противников мир становился прочной мрачной тюрьмой. Раб имперского деспотизма, был ли он приговорен носить свои позолоченные цепи в сенате Рима или влачить жизнь изгнанника на голой скале Серифа³ либо на холодных берегах Дуная, ожидал решения своей судьбы в безмолвном отчаянии. Соппротивление означало гибель, а бежать было невозможно: со всех сторон его окружали большие пространства моря или земли, и несчастный не имел никакой надежды пересечь их так, чтобы его не обнаружили, не схватили и не возвратили разгневанному господину. По ту сторону границы взгляд не мог разглядеть ничего, кроме океана, негостеприимных пустынь, враждебных варварских племен, нрав которых свиреп, а язык ему неизвестен, и зависимых от Рима царей, которые, чтобы купить себе защиту императора, охотно принесут в жертву неприятного беглеца⁴. «Где бы ты ни находился», – сказал Цицерон изгнанному Марцеллу, – помни, что ты всюду во власти завоевателя».

---

³ Сериф – маленький скалистый остров в Эгейском море, жителей которого презирали за невежество и дикость. Место изгнания Овидия хорошо известно по его справедливым, но недостойным мужчины жалобам. Похоже, что он лишь получил приказ выехать из Рима в течение определенного количества дней и переселиться в Томи, а стража и тюремщики не понадобились.

⁴ При Тиберии один римлянин из сословия всадников попытался перебежать к парфянам. Его остановили в Сицилийском проливе, но этот пример показался так мало опасным, что тиран, ревнивее всех тиранов оберегавший свои права, с презрением отказался наказывать беглеца за эту вину.

Глава 1

РАЗМЕРЫ И ОБЩАЯ ИДЕЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

...

Основные завоевания римлян были совершены ими во времена республики, а императоры по большей части довольствовались тем, что сохраняли владения, которые были приобретены политическими трудами сената, активным соперничеством между консулами и воинским энтузиазмом народа. Семь первых веков Рима были почти непрерывной чередой триумфов, но затем Августу выпало на долю отказаться от честолюбивых планов покорить всю землю и внести дух умеренности в народные собрания. Ему, которого влекли к мирной жизни и натура, и положение в обществе, было легко обнаружить, что Рим, при своем тогдашнем высоком положении в мире, испытывая удачу на войне, имел гораздо больше причин для страха, чем для надежды: войны, которые теперь шли вдали от Рима, с каждым днем становились все труднее, исход их был все менее ясным, а завоевания менее прочными и менее выгодными. Этим полезным мыслям придавал вес опыт Августа, убеждавший императора, что тот благодаря разумию и энергии своих советников легко добьется даже от самых грозных варваров любой уступки, которая могла бы понадобиться от них для сохранения достоинства Рима. Вместо того чтобы подставлять себя и свои легионы под стрелы парфян, он с помощью почетного договора добился возвращения штандартов и пленных, захваченных при разгроме Красса.

В начале правления Августа полководцы Рима пытались покорить Эфиопию и Счастливую Аравию и прошли примерно тысячу миль на юг от экватора. Но жаркий климат скоро заставил захватчиков повернуть обратно и спас невоинственных коренных жителей этого уединенного края. Северные области Европы едва ли стоили того, чтобы тратить средства и труд на их завоевание. Леса и болота Германии были населены племенами отважных и выносливых варваров, которые презирали жизнь, лишенную свободы. При первом нападении они, казалось, согнулись под давлением могучей силы Рима, но вскоре великолепным отчаянным рывком возвратили себе независимость и напомнили Августу о переменчивости счастья. После смерти этого императора в сенате было публично зачитано его завещание. Август оставил своим преемникам как ценное наследство совет сохранять империю в тех границах, которые ей, казалось, дала природа в качестве постоянных форпостов и рубежей: на западе – Атлантический океан, на севере – Рейн и Дунай, на востоке – Евфрат, а на южном направлении песчаные пустыни Аравии и Африки.

К счастью для спокойствия человечества, это правило умеренности, рекомендованное мудрым Августом, было усвоено его пугливыми и порочными ближайшими преемниками. Первые цезари, гонясь за удовольствиями или тиранствуя, были так заняты этим, что редко появлялись перед армией или в провинциях. Не хотели они и терпеть, чтобы триумфы, которыми они сами пренебрегали в своей лени, были незаконно присвоены умевшими руководить доблестными заместителями. Военная слава подданного считалась дерзким присвоением права, принадлежащего одному императору, поэтому долг и интересы каждого римского полководца теперь были в том, чтобы охранять вверенные его попечению границы и не пытаться осуществлять завоевания, которые могли оказаться для него такими же губительными, как для побежденных варваров.

Единственным прибавлением к Римской империи за первое столетие христианской эры стала провинция Британия. В этом случае преемники Цезаря и Августа были убеждены, что, отвергая наставление последнего, следуют примеру первого. Похоже, что близость этой страны к берегам Галлии соблазняла их применить военную силу. Приятные, хотя и недостоверные сведения, что в британских водах добывают жемчуг, были привлекательны для их скупости, а поскольку на Британию смотрели как на отдельный островной мирок, ее захват вряд ли мог

считаться исключением из общей системы действий на континенте. После примерно сорокалетней войны, которую начал самый глупый, продолжал самый распутный, а закончил самый робкий из всех императоров, основная часть острова попала под власть римлян. Многочисленные племена бриттов обладали доблестью без умения руководить и любовью к свободе без духа единства. Они с диким бешенством хватались за оружие и с сумасбродным непостоянством складывали его или обращали друг против друга; сражаясь поодиночке, племена были покорены одно за другим. Ни стойкость Карактака, ни отчаяние Боадицеи, ни фанатизм друидов не смогли ни уберечь страну от рабства, ни противостоять неумолимому продвижению полководцев империи, которые поддерживали славу своей нации, даже когда ее трон позорил самый слабый или самый порочный из людей. В то самое время, когда Домициан, запершись в своем дворце, дрожал от страхов, которые вызвал сам, его легионы под командованием добродетельного Агриколы разбили объединенные силы каледонцев у подножия Грампианских гор, а его моряки, с риском для себя обучаясь плаванию в незнакомых водах, провели его флоты вокруг всего острова, показав всем частям Британии мощь римского оружия. Завоевание Британии считалось уже свершившимся, и Агрикола планировал завершить и упрочить свой успех легким покорением Ирландии, для чего, по его мнению, было достаточно одного легиона и небольшого количества вспомогательных войск. Этот западный остров можно было бы заботливым уходом превратить в ценное владение, а британцы с меньшим отвращением носили бы свои цепи, если бы зрелище и пример свободы были бы повсюду убраны из их пределов видимости.

Однако высокие достоинства Агриколы скоро привели к тому, что он был отозван с должности правителя Британии, а его разумный, хотя и широкомасштабный план завоеваний так и остался невыполненным. Перед отъездом этот осмотрительный полководец обеспечил безопасность римских владений в Британии. Он заметил, что этот остров разделен на две неравные части двумя противоположными друг другу заливами, которые теперь называются Шотландскими. Поперек этого узкого места, где ширина острова была примерно сорок миль, он расставил военные посты; позже, в правление Антонина Пия, эта линия была укреплена стеной из дерна, построенной на каменном фундаменте. Эта стена Антонина, проходившая почти между современными городами Эдинбургом и Глазго, стала считаться границей римской провинции. Каледонцы – коренные жители крайнего севера острова – сохранили свою дикую независимость и были обязаны этим своей бедности не меньше, чем своей отваге. Их набеги часто бывали отбиты и навлекали на них возмездие, но страна каледонцев никогда не была покорена. Владельцы земель с самым прекрасным и плодородным на земле климатом презрительно отвернулись от мрачных холмов, продуваемых зимними бурями, от озер, которые не видны за синим туманом, и от холодных, поросших вереском равнин, по которым толпа голых варваров гоняется за лесными оленями.

Таким было состояние римских границ и такими были основные правила римской политики, начиная со смерти Августа и до вступления на престол Траяна. Этот добродетельный и деятельный правитель получил образование солдата и имел талант полководца. Мирная политика его предшественников была прервана войнами и завоеваниями; после долгого перерыва легионеры увидели, что их командиром стал император-воин. Первые победы Траяна были одержаны над дакийцами, самыми воинственными из людей, которые жили за Дунаем и в правление Домициана безнаказанно оскорбляли величие Рима. К силе и ярости варваров у них добавлялось презрение к смерти, причиной которого была твердая убежденность в бессмертии души и ее способности к переселению в новое тело. Децебал, царь дакийцев, показал себя достойным противником Траяна: по свидетельству своих врагов, он не терял надежду на лучшую судьбу для себя и своего народа, пока не исчерпал возможности и доблести, и политического искусства. Эта достопамятная война продолжалась, с одним очень коротким перерывом в боевых действиях, пять лет; поскольку император мог бесконтрольно использовать все силы

своего государства, она завершилась полным подчинением варваров. Новая провинция Дакия, которая была вторым исключением из правила, завещанного Августом, имела границу протяженностью примерно тысяча триста миль. Эта граница проходила по естественным рубежам – Днестру, Теису (иначе Тибискусу), нижнему Дунаю и Эвксинскому Понту. До сих пор сохранились остатки римской военной дороги, которая тянется от берегов Дуная до окрестностей Бендер – города, знаменитого в современной истории и расположенного на нынешней границе Турецкой и Российской империй.

Траян был честолюбив; пока человечество будет рукоплескать своим губителям больше, чем своим благодетелям, жажда военной славы всегда будет пороком даже самых возвышенных душ. Хвалы в честь Александра, которые произносили, сменяя друг друга, многие поколения поэтов и историков, разожгли в душе Траяна опасное желание подражать ему. Как Александр, римский император пошел войной на народы Востока, хотя при этом вздыхал и жаловался, что его пожилой возраст почти не оставляет надежды на то, чтобы сравняться в славе с сыном Филиппа. Все же успех Траяна, хотя и кратковременный, был быстрым и ярким. Парфяне, выродившиеся и разрываемые междоусобной враждой, бежали от его меча. Траян с триумфом проплыл вниз по реке Тигр от армянских гор до Персидского залива. Ему принадлежит честь быть первым и последним из римских военачальников, кто плывал по этому столь далекому от Рима морю. Римский флот грабил берега Аравии, и Траян в своем тщеславии тешил себя мыслью, что подходит все ближе к границам Индии. Каждый день сенат с изумлением узнавал новые имена и названия новых народов, признавших власть императора. Сенаторам сообщали, что цари Боспорского царства, Колхиды, Иверии, Албании⁵, Осроены и даже сам парфянский монарх приняли свои венцы из рук императора, что независимые племена мидийских и кардучских⁶ гор умоляли его о защите, что богатые страны Армения, Месопотамия и Ассирия были понижены в статусе и сделаны провинциями. Но смерть Траяна быстро заставила римлян забыть о его широких замыслах: возникли справедливые опасения, что дальние народы, которых так много, легко сбросят непривычное ярмо, когда их уже не удерживает та мощная рука, которая это ярмо на них надела.

Существовало древнее предание, что, когда один из римских царей основал Капитолий, бог Терминус (который считался хранителем границ и которого в те времена изображал большой камень) один из всех низших божеств отказался уступить свое место самому Юпитеру. Из его поведения был сделан благоприятный вывод: авгуры истолковали это упрямство как верное предзнаменование того, что границы владений Рима никогда не будут сужаться. Долгие века это предсказание, как обычно происходит, само способствовало своему исполнению. Но Терминус, хотя и сопротивлялся величию Юпитера, покорился власти Адриана. Первым действием этого императора, когда он вступил на трон, был отказ от всех восточных завоеваний Траяна. Он возвратил парфянам право выбирать независимого государя, вывел римские гарнизоны из Армении, Месопотамии и Ассирии и, согласно завещанию Августа, вновь сделал границей империи Евфрат. Хулители, которые осуждают публичные поступки правителей и ищут личные причины для этих поступков, приписали зависти поведение, которое можно бы объяснить благоразумием и умеренностью Адриана. Переменчивый характер этого императора, который был способен проявлять то самые низкие, то самые возвышенные чувства, в какой-то мере может оправдать это подозрение. Но вряд ли он смог бы сильнее подчеркнуть величие своего предшественника, чем признав свою неспособность защитить то, что завоевал Траян.

⁵ Кавказская Албания – древнее название нынешнего Азербайджана. Древнейшее население этих мест говорило на языке, родственном персидскому. (Здесь и далее звездочкой отмечены примеч. пер.).

⁶ Караухи – одна из народностей, населявших Персидскую империю, предки нынешних курдов.

Воинственность и честолюбие Траяна составили весьма необычный контраст с умеренностью его преемника. Так же сильно бросались в глаза неумоимость и подвижность Адриана по сравнению со спокойным Антонином Пием. Жизнь Адриана почти вся прошла в пути: он, обладавший разносторонними талантами воина, государственного деятеля и ученого, выполняя свои обязанности, удовлетворял и свое любопытство. Не обращая внимания на время года и климат, император с непокрытой головой ходил пешком по снегам Каледонии и знойным равнинам Верхнего Египта; за время его правления в империи не осталось ни одной провинции, которую этот монарх не почтил бы своим присутствием. А спокойная жизнь Антонина Пия проходила в пределах Италии: за двадцать три года, что он возглавлял систему государственной власти, самыми далекими путешествиями этого добросердечного государя были переезды из его римского дворца в уединенную ланувийскую виллу.

Несмотря на эту разницу в поведении, Адриан и два Антонина одинаково признавали верным завет Августа и одними и теми же способами соблюдали его. Они упорно придерживались такого плана: поддерживать достоинство империи, не делая попыток расширить ее границы. Всеми достойными средствами они добивались дружбы варваров и старались убедить человечество, что власть Рима преодолела искушение завоевывать и ею движет только любовь к закону и порядку. В течение долгих сорока трех лет их добродетельные труды увенчивались успехом. Если не считать несколько небольших военных столкновений, которые помогали обучать пограничные легионы, годы правления Адриана и Антонина Пия представляют собой прекрасное зрелище всеобщего мира и процветания. Имя Рима с почтением произносилось самыми дальними народами. Самые свирепые варвары часто делали императора судьей в своих спорах, и живший в те времена историк сообщает нам, что видел послов, приезжавших просить о принятии в число римских подданных как о высокой чести, но получивших отказ.

Далее следует обзор вооруженных сил и состояния провинций.

Главная идея Римской империи

Это долгое перечисление провинций, обломки которых, когда они раскололись на части, дали начало стольким могущественным царствам, почти убеждает нас простить древним их невежество или тщеславие. Ослепленные своей огромной мощью, неодолимой силой и подлинной или внешней умеренностью императоров, они позволяли себе презирать, а иногда и забывать другие страны, которые Рим оставил наслаждаться их варварской независимостью, и постепенно присвоили себе не принадлежавшее им право – стали принимать римскую монархию за весь мир. Но темперамент и объем знаний современного историка требуют от него говорить более холодным и точным языком. Он может дать более точную картину величия Рима, отметив, что империя имела в ширину более двух тысяч миль – от стены Антонина на севере до гор Атлас и тропика Рака, а в длину более чем три тысячи миль – от Западного океана до Евфрата; что она находилась в наилучшей части умеренной климатической зоны – между двадцать четвертым и пятьдесят шестым градусами северной широты и предположительно занимала более миллиона шестисот тысяч квадратных миль земли, по большей части плодородной и хорошо возделанной.

Глава 2

ЕДИНСТВО И ПРОЦВЕТАНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. ПРОВИНЦИИ И ПАМЯТНИКИ. УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Не только по скорости и размеру завоеваний должны мы судить о величии Рима. Монарх русских степей правит более обширной частью земного шара. Александр Македонский на седьмое лето после своего перехода через Геллеспонт воздвиг македонские трофеи на берегах Гифасиса. Неодолимый Чингисхан и монгольские князья из его народа менее чем за сто лет подвергли жестокому опустошению и превратили в свою недолговечную империю территории от Китайского моря до границ Египта и Германии. Но прочное здание римской власти было построено и сохранено многолетней мудростью. Послушные провинции Траяна и Антонинов были объединены законами и украшены искусствами. Они могли временами страдать от частных злоупотреблений назначенных представителей власти, но общие принципы управления были мудрыми, простыми и благотворными. Их жители имели возможность сохранять религию своих предков, а в гражданских почестях и преимуществах были со справедливой постепенностью приравнены к своим покорителям.

I. Политика императоров и сената в отношении религии удачно нашла себе поддержку в размышлениях просвещенной части подданных и в привычках их суеверной части. Все разнообразные культы, преобладавшие в римском мире, народ считал одинаково истинными, философы – одинаково ложными, а чиновники – одинаково полезными. Таким образом, терпимость порождала не только снисходительность друг к Другу, но даже согласие между религиями.

Суеверие народа не имело горькой примеси богословского озлобления и не было сковано границами никакой отвлеченной системы. Благочестивый многобожник, хотя и был глубоко привязан душой к религиозным обрядам своего народа, слепо верил в истинность и других религий, существующих на Земле. Страх, благодарность, любопытство, сон или знамение, необычное расстройство здоровья или далекая поездка постоянно порождали в нем желание увеличить число предметов своей веры и расширить список своих защитников. Тонкое полотно языческой мифологии было соткано из разных, но совместимых между собой материалов. Как только было признано, что мудрецы и герои, которые жили или умерли во благо своего народа, после смерти обретают могущество и бессмертие, повсюду стали считать, что они заслуживают если не поклонения, то по меньшей мере уважения всего человечества. Божества тысячи рощ и тысячи рек спокойно пользовались ограниченным влиянием в пределах своей местности, и римлянин, презиравший Тибр за его ярость, не мог смеяться над египтянином, приносившим дары благотворному божеству Нила. Видимые человеческим глазом силы природы, планеты и стихии были одними и теми же во всем мире. Невидимые правители мира морали неизбежно оказывались вылеплены по одному и тому же образцу, созданному из вымысла и иносказания. Каждая добродетель и даже порок получили среди божеств своего представителя, каждое искусство и каждая профессия – покровителя, атрибуты которого во все времена, вплоть до самых древних, и во всех странах, вплоть до самых отдаленных, одинаково определялись характерными особенностями его приверженцев. Республика богов, жители которой имели такие противоположные друг другу характеры и интересы, при любых порядках в обществе требовала сдерживающей руки выборного главы, и по мере прогресса знаний и лести этот глава постепенно был наделен высочайшими совершенствами Вечного Отца и Всемогущего Владыки. Античная эпоха была в этом отношении такой мягкой, что народы обращали больше внимания на сходства своих религиозных культов, чем на различия между ними. Грек, римлянин и варвар, оказываясь рядом каждый перед своим алтарем, легко

убеждали себя, что под разными именами и с помощью разных церемоний чтят одних и тех же богов. Изящные мифы Гомера придали красивую и почти систематическую форму этому многобожию античного мира.

Философы Греции выводили свою нравственность из человеческой природы, а не из природы Бога. Однако они размышляли о природе божественного как об очень интересном и важном отвлеченном понятии и в этом углубленном и мудром исследовании проявили силу и слабость человеческого понимания вещей. Из четырех самых знаменитых философских школ стоики и последователи Платона занимались тем, что примиряли не совпадающие друг с другом интересы разума и благочестия. Они оставили нам величайшие доказательства существования и совершенства первопричины бытия, но поскольку для них было невозможно представить себе сотворение материи, в философии стоиков Творец был недостаточно четко отделен от творения, а Духовный бог Платона и его учеников, наоборот, был более похож на идею, чем на нечто вещественное. Взгляды академиков и эпикурейцев имели менее религиозный характер, но первых их скромная наука побуждала сомневаться в существовании господнего провидения, а вторых самоуверенное невежество заставляло отрицать это существование. Исследовательский дух, разжигаемый подражанием и поддерживаемый свободой, заставил преподавателей философии разделиться на разнообразные соперничающие секты, но неглупые и догадливые молодые люди, которые отовсюду съезжались в Афины и другие образовательные центры Римской империи, во всех школах учились одному и тому же – отвергать и презирать религию толпы. Действительно, как философ мог признать божественными откровениями сказки поэтов и туманные предания древности? И как мог он почитать как богов несовершенные создания, которых должен был бы презирать, будь они людьми?

Цицерон, снисходительный к таким недостойным противникам, сражался против них с помощью разума и красноречия, но сатира Лукиана была тут гораздо более подходящим и более эффективным оружием. Мы можем быть твердо уверены, что писатель, знающий свет, никогда не рискнул бы публично осмеять богов своей страны, если бы их уже втайне не презирала образованная часть общества.

Несмотря на то что в эпоху Антонинов господствовало модное неверие, в это время было достаточно уважения и к интересам священнослужителей, и к доверчивости народа. Античные философы в своих письменных сочинениях и беседах утверждали независимость и достоинство разума, но свои поступки подчиняли велениям закона и обычая. Глядя с полной снисхождением и жалости улыбкой на разнообразные ошибки грубого простонародья, они старательно выполняли обряды своих отцов, прилежно посещали храмы богов и временами, снисходя до того, чтобы играть роль на театре суеверия, укрывали свои чувства атеиста под облачением священнослужителя. Такие резонеры имели мало охоты спорить из-за своих видов веры или культов. Им было безразлично, какую форму выбирает для себя сумасбродство толпы, и они с одинаковым внутренним презрением и одним и тем же внешним почтением подходили к алтарю Ливийского, Олимпийского или Капитолийского Юпитера.

Трудно представить себе, из-за каких причин религиозная нетерпимость могла бы проникнуть на советы римской знати. Должностные лица не могли действовать в этом духе под влиянием слепого, хотя и искреннего фанатизма, поскольку они сами были философами, и афинские школы диктовали правила сенату. Честолюбие или скупость тоже не могли побуждать их к этому, поскольку светская и духовная власть была в одних и тех же руках: понтификов выбирали среди самых знатных сенаторов, а должность верховного понтифика все время занимал сам император. Они знали и ценили преимущества, которые дает религия в том, что касается гражданской власти, поощряли общенародные праздники, которые облагораживали манеры простых людей, владели искусством прорицания, поскольку это был удобный инструмент в политике, и уважали как самую прочную связь, скрепляющую общество, полезное убеждение, что ложная клятва – это преступление, за которое боги-мстители обязательно наказы-

вают или в этой, или в будущей жизни. Но, признавая эти общие для всех веры выгоды религии, они были убеждены, что все ее разные виды одинаково ведут к одной и той же спасительной цели и что в каждой стране та форма суеверия, которая прошла испытание временем, лучше всего приспособлена для местного климата и местных жителей. Скупость или хороший вкус очень редко толкали их на то, чтобы грабительски отнять у побежденного народа изящные статуи его богов и пышные украшения его храмов; наоборот, в том, что касалось выполнения обрядов религии, унаследованной от предков, побежденные всегда пользовались благосклонностью и даже защитой римских завоевателей.

Кажется, провинция Галлия была исключением, но единственным из этого всеобщего правила веротерпимости: под надуманным предлогом отмены человеческих жертвоприношений императоры Тиберий и Клавдий уничтожили опасную власть друидов. Однако сами эти жрецы, их боги и алтари продолжали существовать в мирной безвестности до окончательного крушения язычества.

Рим, столица великой монархии, непрерывно наполнялся подданными империи и иностранцами со всех концов мира; все они привозили с собой и практиковали в Риме различные верования своих родных стран. Каждый город империи имел право охранять чистоту своих старинных церемоний, и римский сенат, пользуясь этой всеобщей привилегией, иногда вставал на пути у затоплявшего города потока иноземных обрядов. Египетские культы, самые презираемые из всех, часто оказывались под запретом, храмы Сераписа и Изиды разрушали, а их почитателей изгоняли из Рима и из Италии. Но пламя фанатизма одерживало верх над слабыми стараниями холодной политики: изгнанники возвращались, верующих становилось больше, храмы восстанавливались в еще более великолепном виде, и в конце концов Серапис и Изида были приняты в число римских богов. Эта терпимость даже не была отступлением от старых принципов правления: в лучшие годы республики в Рим пригласили Кибелу и Эскулапа, отправив для этого торжественные посольства, и был обычай соблазнять богов – покровителей осажденного города обещанием оказать им большие почести, чем они имеют на родине. Постепенно Рим стал общим храмом всех своих подданных, и римская свобода была предоставлена всем богам человечества.

II. Политика поддержания чистоты крови древних граждан и недопущения никакой посторонней примеси своей узостью стала препятствовать ходу судьбы и ускорила гибель Афин и Спарты. Рим же в своем стремлении возвыситься жертвовал тщеславием ради честолюбия и считал более благоразумным и более почетным брать себе в приемные дети добродетель и заслуги отовсюду, где бы он их ни находил, – у рабов, иноземцев, врагов или варваров. За время наибольшего расцвета Афинской республики число ее граждан постепенно уменьшилось с тридцати тысяч до двадцати одной тысячи. Наоборот, если мы станем изучать рост Римской республики, мы обнаружим, что, несмотря на постоянную убыль из-за войн и колоний, число граждан, которых во время первой переписи при Сервии Туллии было не более чем восемьдесят три тысячи, перед началом общественной войны возросло до четырехсот шестидесяти трех тысяч мужчин, способных служить своей стране с оружием в руках. Когда союзники Рима потребовали себе равную с ним долю в почестях и привилегиях, сенат не зря решил лучше испытать удачу на войне, чем пойти на позорную уступку. Самниты и луканцы были сурово наказаны за свою неосторожность, но остальные итальянские государства по мере их постепенного возвращения к своим обязанностям были приняты в республику и вскоре внесли свой вклад в разрушение народной свободы. При демократическом правительстве верховную власть осуществляют граждане, но если эта власть отдана неповоротливой толпе, та сначала злоупотребляет ею, а потом теряет ее. Когда же администрация императоров уничтожила народные собрания, завоеватели стали отличаться от побежденных только первым и самым почетным местом среди подданных, и, хотя число подданных увеличивалось быстро, этому росту больше не угрожали прежние опасности. Тем не менее самые мудрые правители, которые усвоили пра-

вила Августа, с величайшей строгостью охраняли чистоту римского имени и раздавали римскую свободу щедро, но осмотнительно. До того как привилегии римлян, постепенно расширяя область своего действия, были распространены на всех жителей империи, сохранялось большое различие между Италией и провинциями. Италия считалась центром объединения граждан и прочной основой конституции и должна была быть местом рождения или хотя бы местом пребывания императоров и сената. Поместья италийцев были свободны от налогов, а сами италийцы – от судебного произвола наместников. Их муниципальным объединениям, которые были сформированы по идеально подходившему для них образцу столицы, было дано право исполнять законы под непосредственным наблюдением верховной власти. Все уроженцы Италии, от подножия Альп до оконечности Калабрии, были от рождения гражданами Рима. Различия между ними стерлись, и постепенно они стали одним большим народом, который имел общие язык, манеры и гражданские учреждения и был равен по значению могущественной империи. Республика была горда этой своей политикой, и часто приемные сыновья вознаграждали ее за великодушные своими достоинствами и службой. Если бы она всегда сохраняла имя римлян только за старинными семьями, жившими в пределах римских стен, это бессмертное имя лишилось бы некоторых из своих лучших украшений. Вергилий был родом из Мантуи; Гораций не знал, называть ему себя апулийцем или луканцем; историк, достойный того, чтобы описать величественный ряд побед Рима, был найден в Падуе. Патриотичная семья Катонов была из Тускулума, а маленький город Арпинум гордился двойной честью быть родиной Марии и Цицерона, из которых один заслужил имя третьего, после Ромула и Камилла, основателя Рима, а второй сначала спас свою страну от заговора Катилины, а затем сделал ее способной оспаривать у Афин первенство в красноречии.

Провинции и памятники

Провинции империи (как они были описаны в предыдущей главе) не имели никакого влияния в обществе и никаких конституционных свобод. В Этрурии, в Греции, в Галлии первой заботой сената было распустить те опасные конфедерации, которые показали человечеству, что поскольку римское оружие побеждало тех, кто разъединен, то, объединившись, противники могли бы сопротивляться ему. Тех правителей, которым римляне, проявляя напоказ благодарность или великодушие, позволяли еще какое-то время держать в руках качающийся скипетр, они лишали трона, как только эти властители заканчивали выполнять поставленную им задачу приучения побежденных народов к ярму. Свободные государства и города, вставшие на сторону Рима, формально получали в награду имя союзников и незаметно для себя постепенно падали все ниже, пока фактически не оказывались в рабстве. Власть повсюду осуществляли чиновники, подчиненные сенату и императорам, и эта власть была абсолютной и бесконтрольной. Но действие тех самых благодетельных принципов правления, которые обеспечивали мир и повиновение в Италии, было распространено на завоеванные земли, вплоть до самых дальних. Постепенно в провинциях возникла римская нация, которая была образована двумя путями – созданием колоний и предоставлением римских свобод наиболее верным и имеющим наибольшие заслуги провинциалам. «Где бы римляне ни завоевывали земли, они на этих землях селятся», – отметил Сенека, и это его очень верное наблюдение подтверждено историей и опытом. Уроженцы Италии, соблазненные удовольствиями или выгодой, спешили насладиться плодами победы; мы можем отметить, что примерно через сорок лет после покорения Азии восемьдесят тысяч римлян были убиты за один день по жестокому приказу Митридата. Эти добровольные изгнанники занимались по большей части торговлей, сельским хозяйством и откупам. Но после того как легионы по воле императоров сделались постоянными, провинции заселялись солдатами: ветераны, получив за свою службу вознаграждение землей или деньгами, обычно селились со своими семьями в той стране, где с почетом провели свою

молодость. Во всей империи, а в ее западной части особенно, самые плодородные округа и самые удобные места выделялись для вновь создававшихся колоний, из которых часть была гражданскими поселениями, а часть – военными. По нравам жителей и по внутренней политике колонии были точными подобиями своей великой метрополии, а поскольку они вскоре становились дороги местным жителям благодаря дружбе и смешанным бракам, то оказались эффективным средством для того, чтобы внушить им уважение к римскому имени и редко встречавшее отказ желание со временем тоже получить те почет и преимущества, которые доставались гражданам Рима. Муниципальные города понемногу сравнивались с колониями по рангу и великолепию, и в годы правления Адриана шли споры о том, положение каких общин лучше – тех, которые Рим выделил из себя, или тех, которые он в себя включил. Так называемое «право Лациума» давало получавшим его городам меньшие привилегии. Римское гражданство получали только должностные лица, когда кончался срок их полномочий, но поскольку эти должности предоставлялись на один год, то за несколько лет все члены знатнейших семей успевали пройти через них. Те из провинциалов, кому было разрешено служить в легионах, кто побывал на любой гражданской службе, одним словом, все, кто каким-то образом послужил государству или проявил какие-то личные дарования, получали подарок, стоимость которого постепенно уменьшалась по мере того, как увеличивалась щедрость императоров. Но даже в эпоху Антонинов, когда права римлян распространялись на большинство императорских подданных, гражданство еще давало очень большие преимущества. Основная масса народа вместе со званием римского гражданина получала преимущества, которые давало гражданам римское законодательство, особенно в интересных для каждого областях брака, завещания и наследства; гражданство открывало путь наверх тем, чьи притязания подкреплялись чьей-либо благосклонностью или собственными достоинствами. Внуки тех галлов, которые осаждали Юлия Цезаря в Алезии, командовали легионами, управляли провинциями и вошли в римский сенат. Их честолюбие, вместо того чтобы нарушать покой государства, было тесно связано с его безопасностью и величием.

Римляне хорошо сознавали, что язык народа влияет на его нравы, и очень заботились о том, чтобы вместе с продвижением своих войск распространять и латинский язык. В Италии ее древние диалекты – сабинский, этрусский и венецианский – были забыты; что же касается провинций, то восток не так покорно слушал своих победоносных наставников, как запад. Эта явная разница по-разному окрашивала две части империи. Процветание, как полуденное солнце, до некоторой степени скрывало своим блеском это различие; но по мере того как римский мир накрывала ночная тень, разница становилась все виднее. Западные страны цивилизовала та же самая рука, которая их покорила. Как только варвары смирялись с необходимостью подчиняться, им открывались новые знания и политика. Язык Вергилия и Цицерона, хотя и с некоторыми неизбежными примесями и искажениями, был воспринят в Африке, Испании, Галлии, Британии и Паннонии таким подавляющим большинством населения, что слабые следы пунийских и кельтских наречий сохранились лишь у горцев и крестьян. Воспитание и учеба постепенно наполняли души уроженцев этих стран чувствами римлян, и Италия диктовала своим латиноязычным провинциалам не только законы, но и моды. Они с большей страстью добивались прав гражданина и государственных почестей и легче их получали; они поддерживали честь нации в литературе и на войне и в конце концов произвели на свет в лице Траяна такого императора, которого Сципионы не отказались бы признать своим соотечественником. Положение греков было совершенно иным. В отличие от варваров они уже давно были цивилизованы и развращены, имели слишком хороший вкус, чтобы отказаться от своего языка, и слишком много тщеславия, чтобы принять какие бы то ни было привнесенные извне новшества. Продолжая сохранять предрассудки своих предков после того, как утратили

их добродетели, греки подчеркнуто презирали грубые манеры римских завоевателей, при этом поневоле уважая их за превосходство в мудрости и могуществе⁷.

К тому же влияние греческого языка не ограничивалось тесными пределами когда-то славной Греции. Империя греков благодаря колонизации и военным завоеваниям постепенно раздвинула свои границы от Адриатики до Евфрата и Нила. Азия была застроена греческими городами, а долгое правление царей-македонцев стало «тихой революцией» для Сирии и Египта. Эти правители в своей пышной придворной жизни соединили афинское изящество и восточную роскошь, а примеру двора подражали, следуя за ним на почтительном расстоянии, высшие слои подданных. Итак, наиболее общее деление Римской империи было на латиноязычную и грекоязычную части. К ним мы можем прибавить третью категорию, куда входила основная часть жителей Сирии и особенно Египта. Они говорили на своих старых наречиях, что замыкало их в собственных границах, отделяя от мировой торговли, и мешало этим варварам совершенствоваться. Лень и изнеженность первых вызывали у завоевателей презрение, а озлобленность и ярость вторых – отвращение. Эти народы подчинялись власти Рима, но редко бывало, чтобы кто-то из их числа желал получить или заслуживал римское гражданство; кто-то отметил, что лишь более чем через двести тридцать лет после падения рода Птолемеев первый египтянин был включен в состав римского сената.

Утверждение, что победоносный Рим сам был побежден греческим искусством, справедливо, хотя и стало избитой фразой. Те бессмертные писатели, которые и теперь вызывают восхищение у современной Европы, скоро стали любимыми темами изучения и образцами для подражания в Италии и западных провинциях. Но римляне не терпели, чтобы их изящные развлечения мешали проводить в жизнь простые и здравые принципы политики Рима. Признавая очарование греческого языка, они утверждали достоинство языка латинского и никогда не отступали от правила пользоваться только латынью в административных делах, как гражданских, так и военных. Эти два языка правили одновременно во всей империи, но каждый имел свою сферу влияния: греческий, естественно, стал языком науки, а латынь была официальным языком торговых сделок и делопроизводства. Те, кто занимался и литературой, и коммерцией, одинаково хорошо владели обоими, и в любой провинции было почти невозможно найти образованного человека, который не знал бы ни греческого, ни латыни.

Именно такие учреждения постепенно перемешали народы империи между собой, слив их в единый этнос, носивший имя римляне. Но внутри каждой провинции и каждой семьи все же оставалось несчастное сословие людей, которые несли на себе это общество как тяжелый груз и при этом не имели доли в его преимуществах. В свободных государствах Античности домашние рабы не имели никакой защиты от своеволия и суровости деспотизма. Эпохе идеальной устойчивости и уравновешенности Римской империи предшествовали времена насилия и грабежа. Масса рабов состояла по большей части из пленных варваров, которых захватывали тысячами во время удачных войн и продавали задешево. Привыкшие жить свободными, они нетерпеливо рвались сбросить свои цепи и отомстить за них. По отношению к таким внутренним врагам, чьи отчаянные восстания не раз ставили республику на край гибели, самые суровые законы и самое жестокое обращение, казалось, почти были оправданы великим законом самосохранения. Но когда основные народы Европы, Азии и Африки оказались объединены под сенью законов одного повелителя, другие страны стали далеко не таким щедрым источником получения рабов, и римлянам пришлось перейти к менее жестокому, но более скучному способу приращения их числа – размножению. В своих многочисленных семьях, особенно в своих сельских имениях, они поощряли браки своих рабов. Естественные чувства, привычки, привитые образованием, и обладание имуществом на особых правах зависимого собственника

---

⁷ По-моему, от Дионисия до Либания нет ни одного критика-грека, который бы упомянул Вергилия или Горация. Они как будто не знают, что у римлян был хотя бы один хороший писатель.

облегчали рабам тяжесть рабства. Жизнь раба стала цениться дороже, и, хотя его счастье по-прежнему зависело от нрава и обстоятельств жизни господина, человечность этого господина уже не сдерживалась страхом, а поощрялась пониманием собственных интересов. Этот прогресс нравов ускоряли добродетель или политический расчет императоров; в итоге Адриан и Антонины своими эдиктами распространили защищающую силу законов на эту самую отверженную часть человечества. Власть над жизнью и смертью рабов, которой долго обладали и часто злоупотребляли господа, была отнята у частных лиц и перешла к одним лишь судьям. Подземные тюрьмы были упразднены. Раб, получивший телесные повреждения или жестоко оскорбленный, мог подать жалобу на невыносимое обращение, и, если она оказывалась справедливой, получал либо свободу, либо менее жестокого господина.

Римским рабам была оставлена надежда, лучшая утешительница людей, когда их жизнь далека от идеала: если раб имел какую-то возможность стать полезным или приятным господину, он вполне мог надеяться, что несколько лет усердия и верности принесут ему в награду бесценный дар свободы. Но так часто великодушие в хозяине пробуждали более низкие чувства – тщеславие и скупость, что законодатели считали необходимым больше сдерживать, чем поощрять, расточительную и неразборчивую широту взглядов, которая могла перерасти в очень опасное злоупотребление правами. В античном праве считалось, что у раба нет никакой собственной родины, и, получив свободу, он становится членом того политического сообщества, в которое входит его господин. Соблюдение этого правила осквернило бы привилегии гражданина Рима: они были бы отданы на потребу разноплеменной толпе низкой черни. Поэтому из него своевременно сделали несколько исключений, и почетное право гражданства стали предоставлять только тем рабам, которые были отпущены на свободу торжественно и по закону, по справедливым основаниям и с одобрения местного должностного лица. Но даже эти избранные вольноотпущенники получали только права частного гражданина, к гражданским и военным должностям их не допускали; этот запрет был очень строгим. Их сыновья, независимо от своих заслуг и достоинств, считались недостойными заседать в сенате, и следы рабского происхождения полностью стирались лишь в третьем или четвертом поколении. Так далекая перспектива свободы и почестей, не уничтожавшая различия сословий, была открыта даже перед теми, кого гордость и предрассудки почти не позволяли причислить к роду человеческому.

Однажды было сделано предложение, чтобы рабы носили особую одежду, которая бы отличала их от свободных. Но на это последовало справедливое возражение, что таким образом рабам будет показано, как их много, а это может оказаться опасным. Не понимая с буквальной точностью щедро раздаваемые выражения «многие тысячи» и «десятки тысяч», мы все же рискуем предположить, что рабов, которые имели пену как собственность, было больше, чем слуг, а количество этих последних можно подсчитать лишь по их стоимости. Талантливых юношей рабов обучали искусствам и наукам, и их пена определялась количеством знаний и степенью одаренности. В хозяйстве состоятельного сенатора можно было найти людей почти всех гуманитарных и технических профессий. Тех, кто обеспечивал пышность церемоний или обслуживал чувственность господ, было больше, чем позволяют вообразить современные представления о роскоши. Купцам и владельцам мастерских было выгоднее покупать работников, чем платить им; а в сельской местности рабов использовали как самые дешевые и самые трудолюбивые сельскохозяйственные орудия. Чтобы подкрепить это общее наблюдение и продемонстрировать, как огромно было число рабов, мы можем привести ряд разнообразных частных примеров. По одному очень печальному поводу было обнаружено, что лишь в одном из дворцов Рима жило четыреста рабов. Столько же – четыреста – их было в имении, которое одна далеко не очень богатая вдова из Африки уступила своему сыну, оставив себе гораздо большую часть своего имущества. В правление Августа один вольноотпущенник, хотя его имущество сильно пострадало во время гражданских войн, оставил в наследство три

тысячи шестьсот упряжек быков, двести пятьдесят тысяч голов мелкого рогатого скота и, что было почти включено в описание скота, четыре тысячи сто шестнадцать рабов.

Число подданных Рима, признававших его законы, граждан, провинциалов и рабов невозможно установить так точно, как этого требует важность предмета изучения. До нас дошло сообщение, что, когда император Клавдий исполнял должность цензора, он насчитал шесть миллионов девятьсот сорок пять тысяч римских граждан. Если добавить женщин и детей, в сумме получается около двенадцати миллионов человек. Количество подданных, относившихся к более низким разрядам – величина огромная, но неясная и изменчивая. Однако если внимательно учесть все обстоятельства, которые могли повлиять на их численность, можно считать вероятным, что во времена Клавдия провинциалов было примерно вдвое больше, чем горожан, считая людей обоего пола и всех возрастов, и что рабов было самое меньшее столько же, сколько жителей римского мира. Суммарный результат этого неточного подсчета – примерно сто двадцать миллионов человек, возможно, больше, чем население современной Европы; это самое многочисленное общество, какое когда-либо покрывала единая система управления.

Естественными последствиями умеренной и полной понимания политики, которой следовали римляне, были мир внутри страны и ее единство. Если мы посмотрим на азиатские монархии, то увидим там деспотизм в центре и слабость на окраинах, присутствие армии как средства принуждения при сборе налогов, враждебно настроенных варваров в самом сердце страны, наследственных сатрапов, силой захватывающих власть над провинциями, и подданных, которые склонны к восстанию, хотя и не способны к свободе. Но в римском мире повиновение было всеобщим, добровольным и постоянным. Побежденные народности, слившиеся в один великий народ, отказались не только от надежды, но и от самого желания вернуть себе независимость и вряд ли представляли свою жизнь отдельно от жизни Рима. Новопровозглашенный император без всяких усилий брал под свою власть все огромное пространство своих владений, и эта власть осуществлялась на берегах Темзы или Нила так же легко, как на берегах Тибра. Легионы были предназначены для войны против врагов страны, а гражданский правитель редко нуждался в помощи войск. В такой обстановке всеобщей безопасности свободное время и богатство как правителя, так и народа были направлены на то, чтобы улучшать и украшать Римскую империю.

Памятники Рима

Среди бесчисленных архитектурных сооружений, созданных римлянами, так много не замеченных историками, так мало избежавших разрушительного действия времени и варварства! И все-таки даже величественные руины, до сих пор разбросанные по Италии и провинциям, служат достаточным доказательством того, что эти земли были когда-то местом, где существовала империя, сочетавшая могущество и утонченность. Они могли бы заслужить наше внимание одним своим огромным размером или одной красотой, но еще интереснее их делают два важных обстоятельства, которые связывают приятную историю искусств с более полезной историей человеческих нравов: многие из этих строений были сооружены за счет частных лип и почти все предназначались для всеобщей пользы.

Естественно предположить, что больше всего римских зданий, и при этом самые замечательные из них, были сооружены императорами, которые неограниченно распоряжались таким огромным количеством людей и денег. Август хвалился, что принял свою столицу кирпичной, а оставил мраморной. Строгая бережливость Веспасиана была источником созданного им великолепия. На монументах Траяна лежит отпечаток его гения. Памятники, которыми украсил имперские провинции Адриан, сооружались не только по его приказанию, но и под его непосредственным надзором. Он сам занимался искусствами и любил их, поскольку они слу-

жили прославлению монарха. Антонины покровительствовали искусствам, потому что искусства служили счастьем народа. Однако императоры были хотя и первыми, но не единственными творцами архитектурных построек в своих владениях. Их примеру повсюду следовали первые из подданных, которые не боялись объявить всему миру, что имеют достаточно ума, чтобы задумать самые благородные дела, и достаточно богатства, чтобы их осуществить. Почти сразу после того, как в Риме был торжественно открыт величественный Колизей, здания такой же конструкции и из тех же материалов, хотя, конечно, меньшие по размеру, были построены в Капуе и Вероне для горожан и за счет городской казны. Надпись на мосту в Алькантаре сообщает, что он был переброшен через реку Тагус стараниями нескольких лузитанских общин. Когда Плиний был назначен наместником Вифинии и Понта, вовсе не самых богатых и не самых значительных в империи, он обнаружил, что подчиненные ему города соперничают друг с другом во всех полезных и украшающих работах, которые могут заслуженно вызвать любопытство иноземцев или благодарность граждан. Долгом проконсула было поставлять им то, чего не хватало, направлять их вкусы, а иногда сдерживать жажду подражания. Состоятельные сенаторы Рима и провинций считали для себя честью и почти обязанностью украшать великолепием свое время и свою страну, и часто влияние моды восполняло недостаток вкуса или щедрости. Среди множества этих частных благотворителей можно выделить Герода Аттика, гражданина Афин, который жил во времена Антонинов. Какими бы ни были причины его дел, своим великолепием они достойны любого из величайших властителей.

Семья Герода числила – по крайней мере после того, как ей стала улыбаться судьба, – своими предками по разным линиям Кимона и Мильтиада, Тесея и Кекропа, Эака и Юпитера. Но потомки богов и героев впали в самую жалкую бедность. Дед Герода пострадал от правосудия, и отец благотворителя, Юлий Атик, закончил бы свою жизнь в бедности и презрении, если бы не нашел огромный клад под старым домом, последним, что осталось у него из наследственного имущества. Если строго следовать закону, император мог бы предъявить свои права на клад, и благоразумный Атик опередил возможных услужливых доносчиков, сообщив о находке сам. Но сидевший тогда на троне справедливый Нерва отказался вообще принять что-либо из этого клада и велел Атику, ничего не опасаясь, пользоваться подарком судьбы. Осторожный афинянин продолжал настаивать, что найденное сокровище слишком велико для подданного и он не знает, как его употребить. «Тогда злоупотребите им, – ответил с ворчливым добродушием монарх, – оно ваше». Многие посчитают, что он буквально исполнил последнее указание императора: Юлий Атик истратил большую часть своего состояния, которое еще и увеличил удачной женитьбой, на служение обществу. Он добился для своего сына Герода должности префекта вольных городов Азии; молодой чиновник, заметив, что городок Троя плохо снабжается водой, получил от Адриана необыкновенную милость – триста раз по десять тысяч, то есть три миллиона драхм (около ста тысяч фунтов) на строительство нового акведука. Но при выполнении работ затраты больше чем в два раза превысили эту предварительную оценку, чиновники казначейства стали проявлять недовольство, и в конце концов щедрый Атик заставил их прекратить жалобы тем, что попросил разрешения взять на себя все дополнительные издержки.

Самые умелые преподаватели Греции и Азии были с помощью высокой оплаты приглашены в наставники к молодому Героду. Их ученик вскоре стал знаменитым оратором, то есть прославился бесполезным красноречием тех дней, которое действовало только в стенах школ, презрительно отказываясь выходить на форум и в сенат. Рим почтил его должностью своего консула, но основную часть своей жизни Герод Атик провел в философском уединении в Афинах или на виллах возле Афин, постоянно окруженный софистами, которые без отвращения признавали превосходство богатого и щедрого соперника. Памятники, которые этот гениальный человек оставил после себя, не дожили до наших дней, и лишь громадные развалины нескольких из них поддерживают в наши дни славную память о его тонком вкусе и великой

щедрости. Современные путешественники измерили остатки стадиона, который был построен Геродом в Афинах. Этот стадион имел в длину шестьсот футов, был целиком построен из белого мрамора и мог вместить всех афинян сразу, а возведен был за четыре года, когда Герод был председателем Афинских игр. Памяти своей жены Региллы Герод посвятил театр, равный которому вряд ли можно было найти в империи: во всем его здании деревянные части были только из кедра, искусно украшенного необычной резьбой. Одеон, когда-то созданный Периклом для музыкальных представлений и репетиций новых трагедий, стал памятником победы искусств над варварским величием, поскольку дерево, использованное при его постройке, в основном было из мачт персидских кораблей. Хотя это старинное здание уже ремонтировалось по приказу одного из царей Каппадокии, оно вновь пришло в упадок. Герод восстановил его в древней красоте и великолепии. И щедрость этого знаменитого гражданина не была ограничена стенами Афин. Роскошнейшие украшения для храма Нептуна на Истме, театр в Коринфе, стадион в Дельфах, бани в Фермопилах и акведук в итальянском Канузии – всего этого не хватило, чтобы исчерпать богатство Герода Аттика. Его благосклонность узнали также жители Эпира, Фессалии, Эвбеи, Беотии и Пелопоннеса, и много надписей в различных городах Греции и Азии с благодарностью называют его своим покровителем и благодетелем.

В республиканских Афинах и Риме скромная простота частных домов говорила об одинаковой свободе всех их обитателей, а верховная власть народа выражалась великолепием общественных зданий; этот республиканский дух не исчез полностью с появлением богатства и монархии. Самые добродетельные среди императоров подчеркнуто проявляли свое величие именно в работах, предназначенных для чести и пользы народа. Золотой дворец Нерона вызвал справедливое негодование, но обширный участок земли, которую этот император не по праву захватил для своей себялюбивой роскоши, в последующие царствования был заполнен более благородно: там поднялись Колизей, бани Тита, галерея Клавдия и храмы, посвященные богине мира и гению Рима. Эти прославленные здания, собственность римского народа, были украшены самыми прекрасными работами греческих живописцев и скульпторов, а в храме богини Мира была открыта очень любопытная⁸ библиотека для удовлетворения любопытства образованных людей.

Недалеко от того места находится форум Траяна. Он был окружен высоким портиком, четыре триумфальные арки которого служили роскошно украшенным и просторным входом на четырехугольный внутренний двор. В центре двора возвышалась мраморная колонна; ее высота – сто десять футов – была равна высоте холма, который был срыт. Эта колонна, которая существует и сейчас и сохранила всю свою древнюю красоту, украшена точным изображением побед, которые одержал в Дакии воздвигший ее император. Солдат-ветеран глядел на нее и видел повесть о своих собственных походах, а мирный гражданин, легко поддаваясь иллюзии, порожденной национальным тщеславием, воображал, что и сам получает часть почестей триумфа. Все остальные кварталы столицы и все провинции империи были украшены с этой же щедростью, которая наделяла великолепием народ, наполнены амфитеатрами, театрами, храмами, портиками, триумфальными арками, банями и акведуками, которые все по-своему служили здоровью, благочестию и удовольствиям даже беднейшего гражданина. Последнее сооружение в этом перечне заслуживает нашего особого внимания. Дерзость предприятия, успех его результатов и нужды, которые обеспечивали акведуки, позволяют включить их в число самых благородных памятников римского гения и могущества. Первое место по праву занимают акведуки столицы, но любопытный путешественник, который, не будучи просвещен историей, будет осматривать акведуки в Сполето, Меце или Сеговии, вполне естественно придет к выводу, будто эти небольшие провинциальные города были в прошлом местом пребывания могущественного монарха. Безлюдные земли Азии и Африки были когда-то покрыты цветущими

⁸ Скорее всего, Гиббон написал или хотел написать не «curious» – «любопытная», а «copious» – «богатая».

щими городами, число жителей и даже самое существование которых зависели от такого непрерывного потока искусственно подаваемой свежей воды.

Мы подсчитали количество жителей Римской империи и взглянули на ее общественные сооружения. Сведения о количестве и размере ее городов помогут подтвердить ответ на вопрос о первом и увеличат для нас число вторых. Собрать вместе несколько разбросанных по разным местам свидетельств, относящихся к этой теме, может быть достаточно приятным делом, если, однако, при этом не забывать, что из-за тщеславия народов и бедности языка расплывчатое по значению название «город» применялось и к Риму, и к Лаврентуму.

I. Древняя Италия, как о ней сказано, имела тысячу сто девяносто семь городов; к какой бы из эпох Античности ни относилось это утверждение, нет никаких причин считать, что во времена Антонинов эта страна была населена меньше, чем в эпоху Ромула. Мелкие итальянские государства вошли в состав коренной части империи, которая притянула их к себе силой своего мощного влияния. Те области Италии, которые до этих пор увядали под ленивой тиранической властью жрецов и наместников, перенесли не самые тяжелые из испытаний войны, а первые признаки упадка, которые проявлялись у них, были с избытком компенсированы быстрым улучшением жизни в Цизальпинской Галлии. По остаткам древнего города в Вероне можно судить о его великолепии; при этом Верона была менее знаменита, чем Аквилея или Падуя, Милан или Равенна.

II. Желание совершенствовать жизнь проникло по другую сторону Альп и стало ощущаться даже в лесах Британии, которые постепенно расступились и дали место удобным красивым постройкам. Йорк был местом пребывания правительства, Лондон уже обогатился благодаря торговле, а Бат славился благотворным действием своих лечебных вод. Галлия могла похвалиться тысячью двумястами городов, и, хотя на севере многие из них, в том числе сам Париж, были не более чем грубо построенными неудобными поселками, южные провинции были подобны Италии по богатству и изяществу. Среди городов Галлии много было таких – Марсель, Арль, Ним, Нарбонна, Тулуза, Бордо, Отен, Вьенн, Лион, Лангр и Тревь, – чье положение в древности при сравнении окажется равным современному или даже лучше. Что касается Испании, то эта страна процветала, когда была провинцией, а будучи королевством, пришла в упадок. Гордость этой страны, которую истощили чрезмерное напряжение сил, Америка и суеверие, вероятно, была бы задета, если бы мы попросили оттуда такой же список из трехсот шестидесяти городов, как тот, что составил Плиний в правление Веспасиана.

III. Власть Карфагена в свое время признавали триста городов, и маловероятно, чтобы их число уменьшилось под управлением императоров; сам Карфаген поднялся из пепла в новом великолепии; эта столица, как Капуя и Коринф, вскоре вернула себе все преимущества, которые можно потерять вместе с независимостью.

IV. Восточные провинции теперь представляют собой контраст римского величия и турецкого варварства. Античные развалины, разбросанные среди невозделанных полей и принимаемые невежественными местными жителями за колдовские творения, служат укрытием для угнетенного крестьянина или бродячего араба. В правление цезарей только в Азии насчитывалось пятьсот городов с большим населением, обогащенных всеми дарами природы и украшенных всем изящным и утонченным, что только создает искусство. Одиннадцать городов оспаривали друг у друга честь посвятить храм Тиберию, и сенат сравнивал их достоинства. Четыре города были отвергнуты сразу же, как неспособные вынести бремя таких затрат; среди отвергнутых была Лаодикея, великолепие которой до сих пор заметно по ее развалинам. Лаодикея получала очень большой доход от своих овечьих стад, поскольку шерсть этих овец была знаменита своей тонкостью, и незадолго до этого «состязания» получила по завещанию одного щедрого гражданина в наследство более четырехсот тысяч фунтов. Если такова была «бедность» Лаодикеи, каким должно было быть богатство городов, чьи просьбы оказались предпочтенными, особенно Пергама, Смирны и Эфеса, которые перед этим оспаривали друг у друга

право называться главным городом Азии? Столицы Сирии и Египта и внутри империи были выше прочих городов; Антиохия и Александрия презрительно смотрели сверху вниз на множество зависимых городов и неохотно уступали в величии даже самому Риму.

Все эти города были связаны между собой и со столицей дорогами, которые, начинаясь от римского форума, пересекали Италию, проходили по провинциям и кончались лишь на границах империи. Если мы аккуратно подсчитаем расстояние от стены Антонина до Рима и от Рима до Иерусалима, станет видно, что эта великая сеть дорог, протянувшаяся от северо-восточного до юго-западного края империи, имела в длину четыре тысячи восемьдесят римских миль. Дороги были аккуратно размечены камнями или столбами через каждую милю и проложены по прямой от одного города к другому почти без оглядки на природные препятствия или право частной собственности. В горах были пробиты туннели, через самые широкие и быстрые реки смело переброшены арочные мосты. Средняя часть дороги была приподнята и выполнена в форме террасы, которая господствовала над окружающей местностью; терраса эта состояла из нескольких слоев песка, щебня и цемента и была вымощена крупными камнями, а в некоторых местах вблизи от столицы – гранитом. Такой была конструкция римских дорог, настолько прочных, что даже усилия пятнадцати веков не полностью уничтожили их. Эти дороги соединяли подданных империи, служа легким и привычным средством сообщения и связывая между собой жителей даже самых отдаленных провинций. Но главной их задачей было облегчать движение легионов, и ни одна страна не считалась полностью покоренной, пока каждый ее уголок не стал доступен для оружия и власти завоевателя. Преимущества, которые давала возможность очень рано узнавать о том, что произошло, и передавать свои приказы с большой скоростью, внушили императорам мысль установить на всей территории владений постоянную систему почтовых станций. Для этих станций повсюду были построены на расстоянии всего пять-шесть миль один от другого дома, при каждом из которых постоянно содержалось сорок лошадей; благодаря этой системе связи по римским дорогам можно было без труда проехать сто миль в день. Использовать почтовые станции было позволено лишь тем, кто требовал для себя их услуги по мандату имперских властей; хотя первоначально почтовая система предназначалась для тех, кто едет по общественной надобности, иногда в виде послабления частным гражданам позволялось пользоваться ею для своих дел или удобства. Морские пути Римской империи были так же свободны и открыты для людей, как сухопутные. Провинции располагались вдоль берегов Средиземного моря и полностью окружали его, и Италия одним из своих выступов – выдававшимся вперед огромным мысом – достигала самой середины этого огромного водоема. На берегах Италии практически нет безопасных гаваней, но изобретательность людей исправила недостатки природы; так, искусственный порт Остия, созданный императором Клавдием в устье Тибра, стал важным памятником римского величия. Из этого порта, от которого до столицы было всего шестнадцать миль, легкий попутный ветер часто доносил корабли за семь дней до Геркулесовых столпов, а за девять или десять – до египетской Александрии.

Усовершенствования в сельском хозяйстве

Какой бы вред ни приписывали разум или красноречие декламатора тому, что империя была слишком велика, власть Рима имела несколько благотворных последствий для человечества, и та же самая легкость передвижения, которая помогала распространению пороков общества, способствовала и распространению усовершенствований общественной жизни. В ранней Античности мир был поделен на две неравные части: на востоке с незапамятных времен были искусства и роскошь, на западе жили грубые и воинственные варвары, которые либо с презрением относились к сельскому хозяйству, либо были с ним совершенно незнакомы. Под защитой прочно установленной власти плоды более благоприятных климатов и изобретатель-

ности более цивилизованных народов постепенно были ввезены в западные области Европы, и открытая выгодная торговля стала побуждать местных жителей к умножению первых и совершенствованию вторых. Почти невозможно перечислить всех представителей животного и растительного царства, которые были успешно переселены в Европу из Азии и Египта, но для поддержания чести исторического сочинения и тем более ради того, чтобы оно было полезным, стоило бы слегка сказать здесь о нескольких основных переселенцах. 1. Почти все цветы, травы и плоды, которые растут в наших европейских садах, имеют иностранное происхождение, на что во многих случаях указывают даже их имена: яблоня в Италии – местная уроженка, и римляне, когда узнали более изысканный вкус абрикоса, персика, граната, лимона и апельсина, стали называть все эти новые плоды общим именем «яблоко», добавляя к нему, чтобы отличать друг от друга, название родины плода. 2. Виноград во времена Гомера рос в диком состоянии на Сицилии и, вероятнее всего, в ближайших к ней местностях на материке, но он не был усовершенствован человеческим искусством и не давал жидкости, которая была бы приятна на вкус диким жителям этих мест. Через тысячу лет Италия могла похвалиться тем, что из восьмидесяти самых тонких по вкусу и прославленных вин более чем две трети изготавливались на ее земле. Этот благословенный дар судьбы вскоре был передан и Нарбоннской Галлии, но к северу от Севенн климат был таким холодным, что во времена Страбона считалось невозможным, чтобы виноград вызревал в этой части Галлии. Однако эти трудности постепенно удалось преодолеть, и есть некоторые основания считать, что виноградники Бургундии возникли еще во времена Антонинов. 3. Олива шла по западным странам вслед за миром, символом которого считалась. Через два столетия после основания Рима ни Италия, ни Африка еще не были знакомы с этим полезным растением; она прижилась в этих странах и в конце концов поселилась в центре Испании и Галлии. Порожденные робостью ошибочные предположения древних, будто бы оливе нужен достаточно жаркий климат и будто она может хорошо расти лишь поблизости от моря, постепенно были опровергнуты изобретательностью и опытом. 4. Лен был принесен из Египта в Галлию, и его возделывание обогатило эту страну в целом, хотя, возможно, сделало беднее почву в тех местах, где его сеяли. 5. Выращивание кормовых трав стало привычным делом для крестьян и в Италии, и в провинциях; в особенности это касается люцерны, которая происходит из Мидии и там же получила свое имя. То, что теперь скоту зимой был обеспечен большой запас сытного корма, позволило увеличить количество овечьих отар и стад другого скота, а их увеличение повысило плодородность почвы. Ко всем этим усовершенствованиям можно добавить постоянное внимание к рудникам и рыбным промыслам, которые, давая работу множеству трудолюбивых рук, увеличивали удовольствие богатых и средства к существованию бедных. В изящном рассказе Колумеллы описан высокий уровень развития сельского хозяйства в Испании при Тиберии, и можно отметить, что голод, от которого так часто страдала республика, пока находилась в юном возрасте, возникал редко или даже не возникал никогда в огромной империи: если случайно в какой-либо одной провинции возникал недостаток продовольствия, этот недостаток немедленно восполнялся за счет множества ее более удачливых соседей.

Сельское хозяйство служит основой для ремесел, поскольку произведения природы являются материалом для искусств. Под властью Римской империи труд изобретательного и умелого народа постоянно и многими различными путями использовался на службе богатой части общества. Состоятельные любимцы судьбы в своей одежде, кушаньях, домах и мебели соединяли все утонченное и изысканное в области удобств, изящества и пышности, что только могло удовлетворить их гордость или чувственность. Такие изыски под ненавистным именем роскоши сурово порицали моралисты всех времен; возможно, человечество легче пришло бы к добродетели и счастью, если бы все имели необходимое для жизни и никто не имел лишнего. Но при нынешнем несовершенном состоянии общества роскошь, хотя бы и порожденная пороком или сумасбродством, видимо, является единственным способом исправлять неравное рас-

пределение собственности. Усердный механик и искусный артист, не получившие своей доли при разделе мира, собирают добровольный налог с тех, кто владеет землями, а этих владельцев имущественный интерес побуждает улучшать те имения, чья продукция позволит им приобрести больше удовольствий. Эта деятельность, конкретные результаты которой ощущаются в любом обществе, протекала и в римском мире, но разносила товары по земле с гораздо большей энергией. Провинции быстро исчерпали бы свои богатства, если бы изготовители и продавцы предметов роскоши не возвращали бы понемногу знаменитым подданным империи те деньги, которые отбирал у них Рим со своими оружием и властью. Если оборот товаров происходил внутри империи, он поднимал политический аппарат на новый уровень активности, и последствия этого, которые иногда были благотворными, никогда не могли стать губительными.

Но удержать роскошь в границах империи – нелегкая задача. Самые отдаленные страны мира были ограблены для того, чтобы были обеспечены пышность и изящество Рима. Леса Скифии поставляли некоторые ценные виды меха. По суше на Дунай доставляли с берегов Балтики янтарь, и варвары поражались тому, как дорого им платили за такой бесполезный товар. Существовал большой спрос на вавилонские ковры и другие тканые изделия Востока, но самой важной и самой непопулярной отраслью внешней торговли была торговля с Аравией и Индией. Каждый год примерно в дни летнего солнцестояния флот из ста двадцати судов отплывал из египетского порта Миосхормос на Красном море. Благодаря периодической помощи муссонов они пересекали океан примерно за сорок дней. Конечным пунктом этого плавания были обычно малабарское побережье или остров Цейлон; именно там на рынках ожидали их прибытия торговцы из самых дальних стран Азии. Возвращение этого египетского флота обычно приходилось на декабрь или январь; как только его богатый груз оказывался доставлен на верблюдах с Красного моря на Нил, а потом вниз по этой реке в Александрию, его безотлагательно переправляли в столицу империи. Восточные товары были роскошными безделушками: шелк, фунт которого стоил не меньше, чем фунт золота; драгоценные камни, из которых жемчуг был первым после алмаза⁹, и различные благовония, которые употреблялись во время религиозных обрядов и торжественных похорон.

Трудности и риск путешествия вознаграждались почти невероятной прибылью, но эту прибыль получали за счет римских подданных, и немногие обогащались за счет многих. Поскольку уроженцы Аравии и Индии довольствовались тем, что производилось в их родной стране, со стороны римлян главным, если не единственным объектом торговли было серебро. Ради приобретения женских украшений богатство государства отдают без возврата враждебным иностранцам – такая жалоба была признана достойной рассмотрения римским сенатом с его важностью манер. Один любознательный, но склонный осуждать других писатель подсчитал, что эти потери составляли более восьмисот тысяч фунтов стерлингов в год. Таково было недовольство людей, мрачневших при мысли о туманных перспективах бедности в будущем. И все же, если мы сравним два соотношения между золотом и серебром – то, которое было во времена Плиния, и то, которое зафиксировано при Константине, – мы обнаружим, что эта величина за указанное время очень сильно выросла. Нет причин предполагать, что золота стало меньше; следовательно, совершенно ясно, что серебра стало больше и что, как бы много его ни вывозили в Индию и Аравию, этот вывоз вовсе не истощил богатства римского мира, а продукция рудников с избытком удовлетворяла спрос торговли.

Несмотря на склонность человечества восторгаться прошлым и недооценивать настоящее, спокойствие и процветание империи глубоко чувствовали и честно признавали как провинциалы, так и жители Рима. «Они признавали, что верные основы общественной жизни,

---

⁹ Два главных места добычи жемчуга были те же, что сейчас, – Ормуз и мыс Коморин. Алмазы Рим получал, насколько мы можем сопоставить античную географию с современной, с рудника Джумелпур в Бенгалии, который описан в «Путешествиях де Тавернье».

законов, сельского хозяйства и культуры, которые первоначально были изобретены мудростью Афин, теперь прочно закреплены могуществом Рима, под благоприятным влиянием которого даже самые свирепые варвары были объединены общим одинаковым для всех правительством и общим языком. Они утверждают, что, когда совершенствуются искусства, человечество заметно увеличивается в числе. Они празднуют все возрастающее величие своих городов, красоту своей страны, которая так возделана и украшена, что представляет собой один огромный сад, и долгий праздник – мир, которым наслаждается столько народов, забывших свою прежнюю вражду и свободных от необходимости думать о будущих опасностях». Какие бы подозрения ни вызывали ораторский тон и декламаторская интонация, которые, похоже, преобладают в этом отрывке, содержание этих слов полностью соответствует исторической действительности.

Вряд ли глаза современников имели возможность разглядеть в этом народном счастье скрытые причины упадка и разложения. Тот самый длительный мир и одинаковое всюду правление римлян вливали в жизненно важные органы империи яд, действующий медленно и скрытно. Умы людей постепенно были сведены к одному и тому же уровню, пламя гениальности угасло, и даже воинский дух исчез. Уроженцы Европы были отважны и крепки телом. Испания, Галлия, Британия и Иллирия поставляли в легионы прекрасных солдат и были основой могущества империи. Личные доблести у этих людей сохранились, но больше не было того гражданского мужества, которое питается любовью к независимости, чувством национальной чести, наличием опасности и привычкой командовать. Они принимали те законы и тех наместников, которых желал им дать верховный правитель, а защищать себя доверяли армии наемников. Потомки их самых дерзких и бесстрашных предводителей были довольны положением граждан и подданных. Самые честолюбивые умы уезжали ко двору или под знамя императоров, а опустошенные провинции, лишившиеся политической силы и единства, постепенно погрузились в сонную и безразличную ко всему частную жизнь.

Любовь к литературе, почти неразлучная с миром и утонченностью, была в моде у подданных Адриана и Антонинов – императоров, которые и сами были образованными и любознательными людьми. Она распространилась по всей их империи: самые северные племена бриттов приобрели вкус к красноречию, сочинения Гомера и Вергилия переписывались и изучались на берегах Рейна и Дуная; даже самые слабые проблески литературного дара ожидало щедрейшее вознаграждение. Физику и астрономию успешно развивали греки; наблюдения Птолемея и труды Галена и теперь изучаются теми, кто уточнил их открытия и исправил ошибки. Но если не принимать в расчет несравненного Лукиана, эта эпоха праздной лени прошла, не породив ни одного сочинителя с оригинальным гением или отличавшегося изяществом стиля. Авторитет Платона и Аристотеля, Зенона и Эпикура по-прежнему царил в школах, и их системы со слепой почтительностью передавались от одного поколения учеников другому без малейшей попытки развивать силы человеческого ума или расширить его границы. Красоты речи поэтов и ораторов, вместо того чтобы разжечь пламя, подобное тому, которое жило в них, вызывали к жизни лишь холодные рабские подражания; если же кто-то рисковал отойти от этих образцов, то в то же время расставался со здравым смыслом и чистоплотностью. После возрождения литературы молодая сила воображения после долгого сна, подражательства в масштабах нации, перехода к новой религии и новым языкам опять призвала к себе гений Европы. Но римские провинциалы, получавшие повсеместно одинаковое искусственное чужеземное образование, были втянуты в совершенно неравное состязание с теми отважными древними авторами, выражавшими свои подлинные чувства на своем родном языке, которые уже занимали все почетные места. Имя Поэта было почти забыто; имя Оратора не по праву присвоили себе софисты. Рой критиков, компиляторов и комментаторов, словно облако, загораживал светило образования, и за ослаблением художественного гения вскоре последовало повреждение вкуса. Блистательный Лонгин, который в несколько более позднюю эпоху при дворе сирийской царицы сохра-

нял дух древних Афин, заметил и оплакивал то, как выродились его современники, которые уродовали добровольной низостью свои чувства, раздражением нервов лишали себя мужества и подавляли свои дарования. «Точно так же, как некоторые дети навсегда остаются карликами из-за того, что в младенчестве их конечности держали в слишком большой тесноте, – пишет он, – так и наши нежные умы, скованные предрассудками и привычками справедливого рабства, не способны ни покончить с этим, ни достичь того великого совершенства пропорций, что мы с восхищением наблюдаем у древних, которые, живя при народном правлении, писали так же свободно, как действовали»¹⁰.

Этот «карликовый рост человечества», если развить сравнение Лонгина, с каждым днем все уменьшался по сравнению с прошлым; римский мир был населен настоящими карликами, когда свирепые северные великаны ворвались в него и влили свежую кровь в эту мелкую породу. Они вернули туда мужество и любовь к свободе, и через десять веков круг замкнулся: свобода стала счастливой матерью вкуса и науки.

---

¹⁰ В этом случае мы можем сказать о Лонгине, что «все его правила подкрепляет его собственный пример». Вместо того чтобы прямо высказать свои утверждения, проявив достойную мужчины смелость, он вводит их в высшей степени осторожно: вкладывает в уста друга и, насколько можно понять из поврежденного текста, притворяется, будто сам опровергает их.

Глава 3

КОНСТИТУЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. ОСНОВНАЯ ИДЕЯ ИМПЕРСКОГО СТРОЯ

Кажется очевидным, что определение монархии звучит так: государство, в котором исполнение законов, управление доходами и командование армией доверены одному человеку, каким бы именем он ни назывался. Но если свободу народа не защищают бесстрашные и мужественные хранители, власть такого грозного должностного лица быстро вырождается в деспотизм. Влияние духовенства в эпоху суеверия может быть успешно использовано для обеспечения прав человечества, но трон и алтарь так тесно связаны, что знамя церкви редко можно видеть на стороне народа. Воинственное знатное сословие и упрямый простой народ, которые имеют оружие, крепко держатся за свою собственность, объединены в конституционные собрания и представляют собой единственный противовес, с помощью которого можно уберечь конституцию свободного общества от честолюбивого князя.

Огромное честолюбие диктатора сровняло с землей все препятствия, поставленные на его пути римской конституцией, жестокая рука триумвира вырвала с корнем все, что могло служить защитой от него. После победы при Акциуме судьба римского мира зависела от воли Октавиана, который получил имя Цезарь, когда был усыновлен своим дядей, а позже – имя Август от лстивого сената. Этот завоеватель возглавлял сорок четыре легиона, состоявшие из старослужащих солдат, которые чувствовали свою силу и слабость конституции, привыкли за двадцать лет гражданской войны ко всем родам кровопролития и насилия и были горячо преданы дому Цезаря, от которого одного уже получили и ожидали в будущем самые щедрые награды. Провинции, долго страдавшие от угнетения со стороны республиканских чиновников, мечтали о правлении одного человека, который был бы хозяином, а не сообщником этих мелких тиранов. Народ Рима, с тайным удовольствием смотревший на унижение аристократии, просил только хлеба и зрелищ и получил то и другое из щедрых рук Августа. Богатые и образованные италийцы, которые почти все были последователями философии Эпикура, наслаждались блаженными покоем и тишиной, которые дарило им настоящее, и вовсе не хотели, чтобы этот сладкий сон прерывали воспоминания о прежней беспокойной свободе. Сенат вместе с властью утратил и достоинство, из знатнейших семей многие угасли, не оставив потомства. Умные и одаренные республиканцы погибли на полях сражений или во время проскрипций, а зал заседаний сената сознательно заставили распахнуть свои двери перед пестрой по составу толпой более чем из тысячи человек, которые обесчестили свое звание, вместо того чтобы позаимствовать у него честь.

Реформа сената была одним из первых поступков Августа, когда он отказался быть тираном и провозгласил себя отцом своей страны. Его выбрали цензором, и совместно со своим верным Агриппой он просмотрел список сенаторов, исключил из сената нескольких его членов, чьи пороки или упрямство требовали наказать их, в качестве примера для народа, убедил еще примерно двести человек упредить постыдное исключение добровольной отставкой, повысил имущественный ценз для сенатора примерно до десяти тысяч фунтов, возвел достаточное количество семей в звание патрициев и сам принял почетное звание «принцепс сената», которое цензоры всегда давали тому из граждан, кто больше всех прославился почестями и заслугами перед страной. Но, восстановив достоинство сената, он уничтожил его независимость. Принципы конституции свободного общества перестают действовать, если носителей законодательной власти назначает власть исполнительная, и, пока сохраняется такое положение, восстановить эти принципы нельзя.

Перед тем как сенат был таким образом перекроен и приспособлен, Август произнес заученную речь, в которой выставил напоказ свой патриотизм и скрывал свое честолюбие. «Он сожалел о своем прежнем поведении, хотя и находил для него оправдание. Сыновняя почтительность требовала от него отомстить за убийство отца, присущая ему от природы человечность иногда отступала перед суровыми законами необходимости и перед вынужденным союзом с двумя недостойными товарищами по правлению. Республика не позволяла ему, пока был жив Антоний, оставить ее выродившемуся римлянину и варварской царице. Теперь же он может удовлетворить свое чувство долга и свои наклонности. Он торжественно возвращает сенату и народу все их древние права и желает лишь одного – слиться с толпой своих братьев-граждан и вместе с ними пользоваться теми благами, которые добыл для своей страны».

Нужно было бы перо Тацита (если бы Тацит присутствовал на этом заседании), чтобы описать множество разных чувств, которые испытывали сенаторы, – и тех, что они подавляли, и тех, что подчеркивали. Верить в искренность Августа было опасно, выглядеть не верящим в нее было еще опаснее. В отвлеченном споре между исследователями на тему о сравнительных преимуществах монархии и республики их мнения часто разделялись, а тогдашнее величие римского государства, упадок нравов и распущенность солдат предоставляли новые доводы в пользу монархии ее защитникам; эти общие для всего правительства взгляды у каждого еще по-разному видоизменялись под действием его собственных надежд и страхов. При этом смешении чувств сенат дал единогласный и решительный ответ: сенаторы отказались принять от Августа изъявления покорности и умоляли его не покидать республику, которую он спас. Пособившись для приличия, хитрый тиран подчинился приказу сената и согласился стать наместником всех провинций и верховным главнокомандующим римских армий, заняв известные народу должности проконсула и императора. Однако он желал получить эти права только на десять лет, так как надеялся, что еще до конца этого срока раны, нанесенные республике раздором между гражданами, полностью заживут и она, вернув себе первоначальное здоровье и силу, больше не будет нуждаться в опасном посредничестве должностного лица с такими чрезвычайными полномочиями. Память об этой комедии, которая повторялась несколько раз за время жизни Августа, сохранялась до последних лет империи в виде *особо* пышного праздника, которым постоянные монархи Рима всегда торжественно отмечали десятый год своего правления.

Командующий римской армией мог, нисколько не нарушая принципов конституции, получить и осуществлять почти деспотическую власть над солдатами, врагами и подданными республики. В том, что касается солдат, ревнивое оберегание свободы уже с первых лет существования Рима отступило перед надеждой на завоевание новых земель и верным чувством, что военным необходима дисциплина. Диктатор или консул имел право указывать молодым римлянам, как они должны служить, а упрямцев или трусов, не желавших повиноваться, наказывать самыми суровыми и позорными карами – вычеркнуть ослушника из списков граждан, конфисковать его имущество или продать в рабство. Самые священные свободы, подтвержденные Порциевым и Семпрониевым законами, переставали действовать на время военных действий. В своем лагере полководец был абсолютным владыкой жизни и смерти людей: его суд не был ограничен никакими формами судебного процесса или правилами принятия решений, а приговоры приводились в исполнение немедленно и не подлежали обжалованию. Решение о том, кто враг Рима, формально принимала законодательная власть. Важнейшие решения по поводу войны и мира серьезно обсуждались в сенате и торжественно утверждались народом. Но когда легионы с оружием в руках оказывались далеко от Италии, полководцы получали возможность по своей воле направлять их против любого народа и любым способом, который считали выгодным для общего дела. Триумфальных почестей они ожидали за успех, а не за справедливость своих дел. При использовании плодов победы, в особенности после того, как представители сената перестали их контролировать, полководцы вели себя как неограничен-

ные деспоты. Помпей, когда был командующим на Востоке, награждал своих солдат и союзников, лишал князей трона, делил на части царства, основывал колонии и раздавал сокровища Митридата. Вернувшись в Рим, он добился совместного постановления сената и народа, которое узаконило все его действия. Так велика была власть над солдатами и над врагами Рима, которую получали в дар или брали полководцы республики. Они одновременно были наместниками или скорее монархами завоеванных провинций, объединяли в своих руках гражданскую и военную власть, осуществляли правосудие, вели финансовые дела и осуществляли как законодательную, так и исполнительную власть государства.

Из того, что уже было отмечено в первой главе этой книги, можно составить некоторое представление об армиях и провинциях, которые были таким образом отданы под власть Августа. Но поскольку он не имел возможности лично командовать легионами на далеких границах, сенат сделал ему послабление – позволил Августу, как уже позволял Помпею, возложить исполнение его огромных должностных обязанностей на достаточное число заместителей. По рангу и власти эти помощники, казалось, были не ниже прежних проконсулов, но их положение было зависимым и непрочным. Они получили и имели свои должности по воле старшего, чьему благоприятному влиянию по закону приписывалось все хорошее в их деятельности. Они были представителями императора. Один император был полководцем республики, и его юрисдикция, как гражданская, так и военная, распространялась на все завоеванные Римом земли. Однако для сенаторов было некоторым утешением то, что император всегда передавал свою власть членам их сообщества: заместителями императора были сенаторы консульского или преторского звания, легионами командовали сенаторы, и единственным важным делом, которое было поручено римскому всаднику, была должность префекта Египта.

Меньше чем через шесть дней после того, как Августа заставили принять такой невольно щедрый дар, он принял решение удовлетворить гордость сенаторов легкой жертвой. Август доказал им, что они дали ему власти даже больше, чем требуют печальные обстоятельства, сложившиеся в данное время. Сенаторы не позволили ему отказаться от тяжелого труда по командованию армиями и пограничными землями, но он должен настаивать на том, чтобы ему позволили вернуть более мирные и безопасные провинции под менее суровую власть гражданских наместников. Разделяя таким образом провинции на две категории, Август и обеспечивал себе власть, и оберегал достоинство республики. Проконсулы сената, в особенности те, которые управляли Азией, Грецией и Африкой, получили больше почета, чем заместители императора, командовавшие в Галлии или Сирии. Первых сопровождали ликторы, вторых – солдаты. Был проведен закон о том, что всюду, где находится император, его чрезвычайные полномочия имеют приоритет перед обычными полномочиями наместника; был установлен обычай, что вновь завоеванные земли входят в императорскую часть государства, и вскоре все обнаружили, что власть принцепса (это был любимый титул Августа) одинаково велика во всех частях империи.

В обмен на мнимую уступку Август получил важную привилегию, которая сделала его хозяином Рима и Италии. Было сделано опасное исключение из древних правил: ему было разрешено сохранить за собой власть полководца и иметь для ее осуществления многочисленную стражу, даже в мирное время и внутри столицы. В общем-то эта власть была ограниченной: она распространялась лишь на граждан, которые находились на службе и приняли военную присягу. Но тяга римлян к рабству была так велика, что эту присягу добровольно принимали должностные лица, сенаторы и сословие всадников; и наконец, почет, оказываемый ради лести, незаметно превратился в ежегодное торжественное изъятие верности.

Хотя Август считал военную силу самой прочной основой власти, он мудро отказывался применять ее как орудие власти, считая это слишком отвратительным. Для него и как для человека, и как для политика было приятнее править, нося почитаемые звания древних должностных лиц и умело собрав в себе одном, как рассеянные лучи, все полномочия гражданской

власти. В соответствии со своими взглядами он позволил сенату дать ему пожизненно полномочия консула и трибуна, которые затем таким же образом присваивались всем его преемникам. Консулы были преемниками царей Рима и олицетворяли собой достоинство государства. Они руководили религиозными церемониями, набирали легионы и командовали ими, принимали послов других стран, председательствовали на заседаниях сената и народных собраниях. Им был поручен общий контроль за финансами, и, хотя у них редко оставалось время на то, чтобы лично отправлять правосудие, они считались верховными охранителями закона, справедливости и общественного спокойствия. Таковы были их обычные полномочия, но во всех случаях, когда сенат уполномочивал свое главное должностное лицо блюсти безопасность государства, глава-блюститель этим постановлением ставился выше закона и для защиты свободы временно осуществлял диктаторскую власть. Положение трибунов во всех отношениях отличалось от положения консулов. Трибуны внешне выглядели скромно, но были священны и неприкосновенны. Их сила подходила больше для противодействия, чем для действия. Они по должности были обязаны защищать угнетенных, прощать преступления, привлекать к суду врагов римского народа и имели право, когда считали возможным, остановить одним словом всю правительственную машину. Пока существовала республика, опасное влияние, которое обладатель должности мог приобрести благодаря своим полномочиям, и у консулов, и у трибунов ослаблялось несколькими важными ограничениями. Власть и тех и других кончалась в конце года, на который они были выбраны; консульские полномочия делились между двумя людьми, трибунские между десятью, а поскольку и личные, и общественные интересы этих людей противоречили друг другу, конфликты между консулами и трибунами в большинстве случаев служили укреплению, а не разрушению конституционного равновесия. Но когда консульские и трибунские полномочия были объединены и отданы в руки одного человека до конца его жизни, когда командующий армией сделался одновременно исполнителем постановлений сената и представителем римского народа, стало невозможно сопротивляться осуществлению им его императорских прав и трудно определить их границы.

К этим собранным в одни руки почетным должностям Август, осуществляя свою политику, вскоре добавил высокие и важные звания верховного понтифика и цензора. Первое из них дало ему возможность управлять религией, а второе – законным образом надзирать за нравами и богатством римского народа. Если границы полномочий, даваемых столькими различными независимыми одна от другой должностями, плохо совмещались друг с другом, уступчивый сенат был готов заполнить любой разрыв между ними с помощью даже самых больших и невиданных уступок. Как главные служители республики, императоры были освобождены от обязанностей и наказаний, предусмотренных многими неудобными для них законами: они имели право созывать сенат, на собраниях вносить несколько предложений в течение одного дня, рекомендовать кандидатов на государственные награды, расширять границы города Рима, использовать по своему усмотрению доход государства, заключать мир и объявлять войну, утверждать договоры; а еще одна статья закона, имевшая крайне широкий смысл, давала им полномочия делать все, что они считают выгодным для империи и приятным для величия дел, личных или общественных, человеческих или божественных.

Когда все эти разнообразные полномочия исполнительной власти были отданы императору, то есть чиновнику-повелителю, обычные государственные чиновники стали прозябать в безвестности, не имея силы и почти не имея дела. Названия должностей и формы прежней администрации Август сохранял с величайшей бережностью. Консулы, преторы и трибуны в обычном количестве каждый год получали знаки своих должностей и по-прежнему выполняли некоторые свои наименее важные обязанности. Эти почести по-прежнему привлекали тщеславных римлян, и сами императоры, хотя и имели пожизненно консульскую власть, часто выступали кандидатами на эту предоставлявшуюся на год должность, соглашаясь разделить ее с самыми знаменитыми из своих сограждан. При выборах этих должностных лиц народу

в правление Августа было разрешено терпеть все неудобства «дикой демократии». Этот умелый правитель, не проявляя ни малейших признаков нетерпения, послушно добивался голосов рядовых граждан для себя или своих друзей, строго выполнял все, что полагалось делать обычному кандидату. Но мы можем с некоторым риском приписать его советам первое дело следующего правления – перенос выборов в сенат. Народные собрания были навсегда отменены, и императоры освободились от опасной толпы, которая, не восстанавливая свободу, могла повредить, а возможно, и угрожать существующему правительству.

Марий и Цезарь, объявив себя защитниками народа, разрушили конституцию своей страны. Но как только сенат был унижен и разоружен, выяснилось, что состоящее из пятисот или шестисот человек собрание – гораздо легче управляемый и более полезный инструмент для осуществления власти. Именно на достоинстве сената Август и его преемники основали свою новую империю; при каждом удобном случае они подчеркнуто следовали нормам патрициев в языке и правилах поведения. Осуществляя принадлежавшую им власть, они часто спрашивали мнение этого великого совета представителей нации и делали вид, что передают ему для решения важнейшие вопросы войны и мира. Рим, Италия и внутренние провинции находились под непосредственным управлением сената. В гражданских делах он был высшим апелляционным судом, в уголовных – судом, которому было поручено рассмотрение всех нарушений закона, совершенных в каком-либо общественном месте или вредивших покою и величию римского народа. Осуществление судебной власти стало самым частым и серьезным делом сената, и важные дела, слушавшиеся в нем, стали последним убежищем для духа древнего красноречия. Как государственный совет и суд, сенат обладал очень большими правами, а в качестве законодательного органа считался представителем народа, и тут за ним признавалась верховная власть. Всякая власть имела своим источником авторитет сената, каждый закон утверждался сенатом. Его заседания проходили регулярно трижды в месяц – в календы, в ноны и в иды. Прения велись сдержанно, но с достаточной свободой, и сами императоры, гордившиеся своим сенаторским званием, сидели в зале, голосовали и принимали одну из сторон в споре, равные среди равных.

Основная идея имперского строя

Если дать в немногих словах определение имперской системе правления, которая была установлена Августом и сохранялась теми из правителей, кто понимал свои собственные интересы и интересы народа, то ее можно определить как абсолютную монархию, скрытую под формами республики. Хозяева римского мира окутывали свой трон мраком, скрывали свою неодолимую силу и скромно объявляли себя платными слугами сената, чьи высшие постановления диктовали и сами же им подчинялись.

Вид императорского двора соответствовал формам власти. Императоры, за исключением тех тиранов, которые в своем капризном сумасбродстве нарушали все законы природы и благопристойности, презирали пышность и церемониал, которые могли бы оскорбить их соотечественников, но ничего бы не прибавили к их подлинной власти. Во всех обязанностях повседневной жизни они подчеркнуто смешивались со своими подданными и поддерживали с ними общение на равных через визиты и развлечения. Их одежда, дворцы и стол были не богаче, чем у состоятельного сенатора. Их штат прислуги, какой бы она ни была многочисленной или роскошной, полностью состоял из домашних рабов и вольноотпущенников¹¹.

---

¹¹ Если правитель слаб, им всегда управляют его слуги. Власть рабов увеличила позор римлян: сенат льстил и угождал какому-нибудь Палласу или Нарциссу. В наше время есть вероятность, что фаворит будет дворянином.

Август или Траян покраснели бы от стыда при мысли о том, чтобы использовать даже ничтожных из римлян на тех лакейских должностях, которых самые гордые британские аристократы так горячо добиваются в хозяйстве и спальне ограниченного в правах монарха.

Обожествление императоров – единственный случай, когда они отступили от привычных им благоразумия и скромности. Первыми изобретателями этого раболепного и нечестивого способа почитания были азиатские греки, а первыми его объектами – наследники Александра. Он легко был перенесен с царей Азии на ее наместников, и чиновникам Рима нередко поклонялись как местным божествам, с пышным церемониалом, алтарями и храмами, праздниками и жертвоприношениями. Вполне естественно, что императоры не могли отказаться от того, что приняли проконсулы, и божеские почести, которые и те и другие получали в провинциях, говорили скорее о деспотизме Рима, чем о его рабстве. Но вскоре завоеватели стали подражать побежденным ими народам в искусстве лжи, и первый Цезарь с его властью и высокомерием слишком легко согласился занять при жизни место среди богов – хранителей Рима. Его более кроткий по натуре преемник отказался от столь опасной чести, которую после него возрождали лишь безумные Калигула и Домициан. Правда, Август разрешил некоторым провинциальным городам воздвигнуть храмы в его честь, но при условии, что там будут вместе с верховным правителем поклоняться и Риму; он терпел народное суеверие, предметом которого мог быть, но считал достаточным почет, который сенат и народ оказывали ему как человеку, и мудро оставлял своему преемнику заботы о своем официальном обожествлении. Было введено правило этикета, по которому после кончины каждого императора, который не жил тираном и не умер как тиран, сенат торжественным постановлением включал его в число богов и одновременно с обрядами похорон императора проводил обряд его обожествления. Это узаконенное и, кажется, неоправданное кощунство, столь отвратительное для нас с нашими более строгими принципами, беспечные последователи многобожия принимали всего лишь с очень легким ропотом, но как политическое, а не религиозное установление. Мы унизили бы добродетели Антонинов сравнением их с пороками Геркулеса или Юпитера. Даже характеры Цезаря и Августа были гораздо выше, чем у народных богов. Но они оба, к несчастью, жили в просвещенное время, и дела обоих были записаны слишком точно для того, чтобы вокруг них могла возникнуть та смесь легенды и тайны, которой требовала вера простого народа. Как только их божественность устанавливалась законом, о ней забывали, и она ничего не прибавила ни к их славе, ни к достоинству последующих правителей.

Описывая систему управления империей, мы, упоминая ее умелого основателя, часто называли его хорошо известным титулом Август, который был ему дан лишь тогда, когда он уже почти достроил свое здание. От своей семьи, происходившей из маленького городка Ариция, он получил малоизвестное имя Октавиан. Это имя было запятнано кровью во время проскрипций, и он хотел бы, будь это возможно, стереть всякую память о своей прежней жизни. Прославленное имя Цезарь он принял как приемный сын великого диктатора, но имел достаточно здравого смысла не надеяться, что его станут путать с этим выдающимся человеком, и не желать сравнения с ним. Октавиан предложил сенату, чтобы тот почтил исполнителя своих указов новым именем, и после очень серьезной дискуссии из нескольких было выбрано имя Август, поскольку оно лучше всех выражало идею покоя и святости, а то и другое было одинаково дорого императору. Итак, Август было личное имя, а Цезарь – семейное. По естественному ходу вещей первое должно было бы умереть вместе с правителем, которому было дано; что же касается второго, то Нерон был последним правителем, который мог претендовать на честь быть наследником семьи Юлиев, хотя линия наследования и была размыта усыновлениями и родством через браки женщин. Но ко времени его смерти эти имена уже целый век были неразрывно связаны с саном императора, и потом их принимало множество сменявших друг друга императоров – римлян, греков, франков и германцев – со времен падения республики до наших дней. Однако между именами вскоре появилась разница: священный титул «август»

всегда принадлежал лишь одному монарху, тогда как имя Цезарь свободнее присваивалось его родственникам, а со времени правления Адриана стало принадлежать второму человеку в государстве, предполагаемому наследнику империи.

Бережное и уважительное отношение Августа к конституции свободного Рима, которую он уничтожил, можно объяснить, только внимательнее рассмотрев характер этого «тихого тирана». Когда ему было девятнадцать лет, холодный ум, бесчувственное сердце и природная трусость научили его прикрываться лицемерием, как маской, и эту маску он уже не снимал никогда. Одной и той же рукой и, вероятно, в одинаковом настроении он подписал смертный приговор Цицерону и помилование Цинне. Его добродетели и даже его пороки были искусственными, и, в зависимости от своих менявшихся интересов, он вначале был врагом римского мира, а закончил свое правление как отец этого мира¹². Когда он строил каркас для сложной системы имперской власти, его умеренность была вызвана страхом. Он хотел обмануть людей видимостью их прежней свободы, а армии – видимостью гражданского правления.

I. Смерть Цезаря всегда была у Августа перед глазами. Он щедро осыпал своих сторонников богатством и почестями, но самые любимые друзья его дяди оказались в числе заговорщиков. Верность легионов могла защитить его власть против открытого восстания, но их бдительность не отвела бы от него удар полного решимости республиканца с кинжалом, и римляне, чтившие память Брута, рукоплескали бы подражателю их добродетельного героя. Цезарь навлек на себя смерть так же выставлением своей власти напоказ, как и самой этой властью. Как консул или трибун, он мог бы царствовать спокойно, но титул царя заставил римлян вооружиться против него и искать его смерти. Август хорошо осознавал, что человечеством правят имена, и не обманулся в своих надеждах, когда решил, что сенат и народ подчинятся рабству при условии, что их будут вежливо уверять, будто они по-прежнему наслаждаются своей древней свободой. Слабый сенат и обессиленный, утративший волю и мужество народ радостно отдавались во власть этой приятной иллюзии, пока ее поддерживала добродетель или хотя бы благоразумие преемников Августа. Желание спасти себя, а не идея свободы вооружили заговорщиков против Калигулы, Нерона и Домициана. Участники этих заговоров наносили удар по тирану, но не касались при этом власти императора.

Был, правда, всего один знаменательный случай, когда сенат после семидесяти лет терпения сделал безрезультатную попытку вернуть себе свои давно забытые права. Когда в результате убийства Калигулы трон освободился, консулы созвали заседание сената в Капитолии, проклинали память цезарей, дали пароль «свобода» тем немногим когортам, которые нерешительно встали под их знамя, и в течение сорока восьми часов действовали как независимые главы свободной республики. Но пока они рассуждали, преторианская гвардия уже приняла решение. Глупый Клавдий, брат Германика, уже находился в лагере преторианцев, одетый в императорский пурпур, и был готов поддержать силой оружия решение тех, кто его выбрал. Мечтам о свободе пришел конец; сенат очнулся и увидел перед собой все ужасы неизбежного рабства. Покинутое народом, это слабое собрание под угрозой применения военной силы было вынуждено утвердить выбор преторианцев и осознать всю пользу помилования, которое у Клавдия хватило благоразумия им предложить и великодушия – дать.

II. Наглое поведение армий тревожило Августа еще больше. Отчаяние граждан могло привести их лишь к попытке совершить то, что сила солдат позволяла им сделать в любой момент. До чего непрочной была его собственная власть над людьми, которых он научил нарушать любой общественный долг! Август когда-то слышал их буйный крик в часы мятежа и боялся тех более спокойных часов, когда они начинали думать. Один переворот был куплен

¹² «Когда Октавиан идет на пир цезарей, его цвет меняется, словно у хамелеона: сначала он бледен, потом красен, затем черен и под конец окрашивается в нежные тона Венеры и граций. Эта картина, использованная Юлианом в его искусном сочинении, справедлива и изящна. Но когда сочинитель считает эти изменения характера подлинными и приписывает их силе философии, он оказывает слишком много чести и философии, и Октавиану» (*Лукиан. Цезари*).

за огромные награды, но при втором перевороте могли понадобиться награды вдвое больше. Войска заявляли о своей глубочайшей преданности семейству Цезаря, но толпа капризна и непостоянна в своих привязанностях. И Август призвал себе на помощь все еще сохранявшиеся в этих свирепых умах остатки римских предрассудков, усилил строгость дисциплины, закрепив их законами, и, поставив великий сенат между императором и армией, дерзко требовал их верности как первый чиновник республики.

Долгие двести двадцать лет – от создания этой сложной системы до смерти Коммода – опасности, от природы присущие военному правлению, проявляли себя очень мало. Солдаты редко испытывали то губительное ощущение своей силы и слабости гражданских властей, которое до и после этого порождало такие ужасные потрясения. Калигула и Домициан были убиты в своем дворце своими собственными слугами, и волнения, которые, словно судороги, потрясли Рим после смерти первого из этих императоров, не выплеснулись за городские стены. Но Нерон своим падением затронул всю империю. За полтора года четыре принцепса погибли от меча, и римский мир зашатался под яростными ударами боровшихся одна с другой армий. За исключением этой единственной, короткой, хотя и мощной вспышки военного насилия, два века от Августа до Коммода прошли не запятанными кровью граждан и не потревоженными революциями. Император выбирался властью сената и при согласии солдат. Легионы уважали свою присягу, и нужно очень внимательно просмотреть римские летописи, чтобы обнаружить три мелких восстания; они все были подавлены за несколько месяцев, и для этого даже не понадобилось испытывать счастье в бою.

В тех государствах, где монарха выбирают, если трон пустует, это чревато опасностями и мятежом. Римские императоры, желая избавить свои легионы от таких периодов неопределенности и от искушения сделать незаконный выбор, давали своему предполагаемому преемнику уже во время наследования такую большую долю своей власти, которая могла бы позволить ему после кончины императора взять в свои руки и остальную власть так, что империя даже не заметила бы смены хозяина. Так, Август после того, как все более удачные кандидаты в наследники были похищены у него безвременной смертью, возложил свои последние надежды на своего приемного сына Тиберия, добился для него прав цензора и трибуна и провел закон, по которому будущий принцепс получал власть над провинциями и армией, равную его собственной. Так Веспасиан подчинил себе благородную душу своего старшего сына. Тита горячо любили восточные легионы, которые незадолго до этого завершили под его командованием завоевание Иудеи. Его власть внушала страх, а поскольку юношеская несдержанность не давала увидеть его добродетели, возникли подозрения насчет его намерений. Вместо того чтобы прислушиваться к таким недостойным подозрениям, благоразумный монарх сделал Тита своим соправителем, дав ему власть императора во всей ее полноте, и благодарный сын всегда поступал как скромный и верный исполнитель воли столь снисходительного отца.

Правду говоря, здравый смысл подсказал Веспасиану принять все меры, которые могли бы укрепить его на троне, который он занял недавно и на котором сидел нетвердо. Военная присяга и клятва на верность по обычаю, которому тогда было уже сто лет, давались имени и семье Цезарей; хотя эта семья фактически не существовала (ей не давал исчезнуть только обряд усыновления), в лице Нерона римляне по-прежнему чтили внука Германика и наследника Августа. Преторианцы не слишком охотно и с некоторыми угрызениями совести покинули этого тирана. Быстрое падение Гальбы, Отона и Вителлия научило армию смотреть на императоров как на создание их воли и орудие их разнузданных страстей. Веспасиан был низкого происхождения: дед его был рядовым солдатом, отец – мелким чиновником налогового ведомства. Собственные достоинства подняли его в пожилом возрасте на вершину императорской власти. Но эти достоинства были полезными, но не яркими, а на его добродетели ложилась пятном большая скупость, доходившая даже до такой степени, когда становилась жалкой и гадкой. Такой правитель действовал в своих собственных интересах, когда сделал соправителем

сына, который, имея в своем характере больше блеска и любезности, мог переключить внимание общества с простого происхождения семьи Флавиев на ее будущую славу. При мягком правлении Тита римский мир короткое время наслаждался счастьем, и любовь к его памяти больше пятнадцати лет защищала его порочного брата Домициана.

Нерва, едва принял пурпур от убийц Домициана, понял, что ему, слабому от груза прожитых лет, не хватит сил остановить народные волнения, всплески которых участились за время долгой тирании его предшественника и теперь слились в один поток. Добропорядочные римляне уважали его за мягкий нрав, но римлянам выродившимся был нужен человек с более сильным характером, который своим правосудием вселял бы страх в виновных. Хотя у Нервы было несколько родственников, он остановил выбор на том, кто не был ему родней. Он усыновил Траяна, которому в то время было около сорока лет, командующего сильной армией в нижней Германии, и немедленно постановлением сената объявил его своим соправителем и наследником императорской власти. Можно искренне пожалеть о том, что мы, имея об отвратительных преступлениях и безумствах Нерона столько рассказов, что устаем от них, сведения о делах Траяна вынуждены разыскивать, а потом изучать в слабом свете сокращенного рассказа или в искажающем их хвалебном сочинении. Остается, однако, одна похвала, так далеко отстоящая во времени, что ее нельзя заподозрить в лживости: примерно через двести пятьдесят лет после смерти Траяна сенат среди большого потока своих обычных приветствий новому императору по поводу его восшествия на престол пожелал, чтобы этот император смог стать счастливее Августа и добродетельнее Траяна.

Мы легко можем поверить, что этот «отец своей страны» не был уверен в том, следует ли ему доверить верховную власть своему родственнику Адриану, человеку с переменчивым нравом и сомнительной репутацией. В последний момент хитрая императрица Плотина то ли заставила решиться колеблющегося Траяна, то ли смело предложила ему прибегнуть к формальному усыновлению, законность которого оспаривать было бы небезопасно, и Адриан был спокойно признан законным наследником Траяна. В его правление, как уже было сказано, империя процветала в мире и богатстве. Он покровительствовал искусствам, реформировал законы, поддерживал дисциплину в войсках и сам побывал во всех своих провинциях. В гражданской политике его энергичный и гениальный ум был одинаково способен охватить самую широкую панораму одним взглядом и всмотреться в мельчайшие подробности. Но душой его руководили любопытство и тщеславие. Поскольку эти чувства, преобладавшие у него над всеми другими страстями, привлекал то один, то другой предмет, Адриан был то прекрасным правителем, то забавным софистом, то завистливым тираном. Основная линия его поведения – справедливость и умеренность – заслуживает похвалы. Но все же он в первые дни своего правления приговорил к смерти четырех сенаторов консульского достоинства, своих личных врагов, которых считали достойными императорской власти, а под конец тяжелая болезнь, отнимавшая у него силы и вызывавшая мучительные боли, сделала его раздражительным и жестоким. Сенат не знал, провозгласить его богом или тираном, и почести, оказанные его памяти, были возданы ему по просьбе благочестивого Антонина.

Капризный нрав Адриана повлиял на выбор наследника. Перебрав в уме нескольких людей с выдающимися достоинствами, которых он высоко ценил и ненавидел одновременно, он усыновил Элия Вера, веселого и сладострастного аристократа, который своей редкостной красотой обратил на себя внимание этого любовника Антиноя. Но пока Адриан поздравлял себя и радовался одобрительным крикам солдат, чье согласие было куплено огромными дарами, новый цезарь был похищен из его объятий безвременной смертью, оставив единственного сына. Адриан отдал этого мальчика под опеку Антонинов. Пий усыновил его, и при вступлении Марка Аврелия на престол он получил равные с ним права верховного правителя. Наряду со многими пороками младшего Вера у него была и одна добродетель – должное уважение к более мудрому соправителю, которому он охотно уступил грубую черновую часть трудов

по управлению империей. Император-философ делал вид, что не замечает его сумасбродных поступков, оплакивал его раннюю смерть и оберегал его память благопристойным молчанием о нем.

Как только Адриан удовлетворил свою страсть или разочаровался в ее предмете, он решил заслужить благодарность потомства возведением на римский трон человека самых высоких достоинств. Его острый взгляд легко нашел таких людей – сенатора примерно пятидесяти лет, безупречного во всех областях жизни, и юношу примерно семнадцати лет, имевшего прекрасные зачатки для того, чтобы в более зрелом возрасте соединить в себе все добродетели. Старший из них был объявлен сыном и преемником Адриана, но при условии, что сам немедленно усыновит младшего. Два Антонина (они и были теми, о ком мы сейчас говорим) правили римским миром сорок два года, и их правление неизменно было мудрым и добродетельным. Хотя Пий имел двоих собственных сыновей, он поставил благополучие Рима выше интересов своей семьи, выдал за молодого Марка замуж свою дочь Фаустину, получил от сената полномочия трибуна и проконсула и, благородно презрев зависть или, скорее, не чувствуя ее, сделал его своим товарищем во всех делах правления. Марк же со своей стороны чтит своего благодетеля, любил его как отца, подчинялся ему как своему государю, а когда того не стало, правил, руководствуясь примером и правилами своего предшественника. Их правления, взятые вместе, – это, возможно, единственный отрезок истории, когда счастье великого народа было единственной целью его правительства.

Тит Антонин, именуемый Пий, что значит «благочестивый», по праву был назван «вторым Нумой»; обоих правителей отличала любовь к религии, справедливости и миру. Но у Пия, правившего позже, было гораздо более широкое поле для проявления этих добродетелей. Нума мог лишь не давать жителям нескольких расположенных рядом деревень нападать друг на друга и силой захватывать соседский урожай, Антонин же поддерживал порядок и спокойствие в большей части известного мира. У его правления есть редкое преимущество – оно дало очень мало материала для истории (которая, если говорить правду, представляет собой немногим больше, чем список преступлений, безумств и несчастий человечества). В личной жизни Антонин Пий был дружелюбным и добрым. Прирожденная простота этого добродетельного человека делала его чуждым тщеславию и притворству. Он умеренно наслаждался жизненными удобствами, которые предоставляло ему богатство, и невинными радостями общения с людьми; его добродушие проявлялось в веселости и безмятежности.

Добродетель Марка Аврелия Антонина была более суровой и выработанной искусственно, тяжело доставшимся плодом многих бесед на ученые темы, долгого и терпеливого чтения книг и большой напряженной работы ума в полуночные часы. В двенадцать лет он стал сторонником сурового учения стоиков и научился у них подчинять свое тело уму, а свои страсти разуму, считать добродетель единственным благом, порок – единственным злом и равнодушно переносить все происходящее вне его души как нечто маловажное. Его «Размышления» написаны среди лагерной суеты, и все же это большое сочинение. Он даже снисходил до того, что давал уроки философии, и, возможно, делал это более публично, чем требовали скромность мудреца и достоинство императора. Но жизнь императора была лучшим комментарием к наставлениям Зенона. Он был суров к себе, снисходителен к несовершенству других, справедлив и благосклонен ко всему человечеству. Он сожалел, что Авидий Кассий, который поднял мятеж в Сирии, обманул его надежды – своим самоубийством лишил удовольствия превратить врага в друга, и доказал искренность этого чувства, смягчив суровость усердного сената по отношению к сторонникам этого предателя. К войне он чувствовал ненависть и отвращение, считая ее позором и бедствием для человеческой природы, но когда необходимость заставила его взяться за оружие ради справедливой обороны, он охотно решился выдержать восемь зимних кампаний на холодных берегах Дуная, и суровость тамошнего климата, подорвавшая хрупкое здоровье императора, в конце концов погубила его. Благодарное потомство чтит его

память, и больше чем через столетие после его смерти еще было много людей, которые хранили среди изображений богов – хранителей своего дома образ Марка Аврелия Антонина.

ВЫЗОВ СТАРОМУ ПОРЯДКУ

Глава 4 ПРАВЛЕНИЕ КОММОДА

Мягкость нрава, которую не смогла полностью вытравить строгая дисциплина стоиков, была одновременно самой приятной стороной и единственным недостатком в характере Марка Аврелия. Его все прекрасно понимавший ум часто оказывался обманут добрым и чуждым подозрений сердцем. Ловкие хитрецы из породы тех, кто изучает чувства правителя и скрывает свои чувства, приходили к нему, надев маску философской святости, и получали богатства и почести благодаря тому, что изображали подчеркнутое презрение к ним. Его огромная снисходительность к брату, жене и сыну вышла за пределы личной добродетели и стала вредна для общества из-за подаваемого ими примера и последствий их пороков.

Фаустина, дочь Пия и жена Марка Аврелия, была так же известна любовными похождениями, как и красотой. Серьезность и простота мужа-философа не подходили ни для того, чтобы увлечь ее, разгульную и ветреную, ни для того, чтобы обуздать ту страсть к переменам, которая часто заставляла ее обнаруживать достоинства в худших из людей. Купидон древних был, как правило, в очень большой степени богом чувственности, и увлечения императрицы, в которых от нее были нужны лишь самые простые любовные милости, редко позволяют предполагать большую тонкость чувств. Марк Аврелий был единственным человеком в империи, кто, казалось, не знал о распущенном поведении Фаустины или оставался к нему безразличен; а это, согласно предрассудкам любой эпохи, в какой-то степени бесчестит обманутого мужа. Нескольких из ее любовников он назначил на почетные и выгодные должности и в течение тридцати лет супружества неизменно оказывал жене самое сердечное доверие и уважение, которое не закончилось даже с ее смертью. В своих «Размышлениях» он благодарит богов, давших ему жену такую верную, такую ласковую и с такой восхитительной простотой манер¹³.

Послушный сенат по его убедительной просьбе объявил Фаустину богиней. В посвященных ей храмах она была изображена с атрибутами Юноны, Венеры и Цереры; был издан указ, что в годовщину свадьбы ее и Марка Аврелия молодежь обоих полов должна давать обеты перед алтарем своей непорочной покровительницы.

Чудовищные пороки сына бросили тень на незапятнанную добродетель отца. Марк Аврелия упрекнули, что он жертвует счастьем миллионов ради нежной привязанности к ни на что не годному мальчишке и выбрал себе преемника в собственной семье, а не в республике. Но и обеспокоенный отец, и добродетельные высокообразованные люди, которых он призвал себе на помощь, опробовали все возможное, чтобы расширить узкий умственный кругозор молодого Коммода, исправить его усиливавшиеся пороки и сделать достойным того трона, для которого он был предназначен. Но сила образования редко бывает очень действенной, если функционирует не в тех счастливых обстоятельствах, когда бывает почти излишней. Любой выслушанный с отвращением урок мудрого философа через минуту стирался из памяти нашептыванием распутного любимца, к тому же Марк Аврелий сам разрушил результат этого навязанного образования, когда допустил сына в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет к полному участию в управлении империей. После этого император прожил всего четыре года, но этого было достаточно, чтобы раскаяться в поспешном поступке, который поднял молодого

---

¹³ Мир смеялся над доверчивостью Марка Аврелия, но мадам Дасье уверяет нас (а даме мы можем верить), что муж всегда будет обманут, если жена снизойдет до того, чтобы притвориться.

наследника при его пылком и порывистом нраве выше всех ограничений, налагаемых разумом и властью.

Большинство преступлений, нарушающих покой внутри общества, порождаются ограничениями, которые необходимые, но неравные для всех законы о собственности налагают на вожеления людей, отдавая во владение немногим то, чего жаждут многие. Из всех наших страстей и вожелений властолюбие – самое мощное и больше всех скрываемое чувство, поскольку гордость одного человека требует покорности огромного множества. В сумятице гражданских беспорядков законы общества теряют силу, а законы человечности редко занимают их место. Разгоряченность боем, гордость победой, потеря надежды на успех, память о прежних обидах и страх перед будущими опасностями – все это воспламеняет ум и заставляет молчать жалость. Кровью сограждан, пролитой по этим причинам, запятнана почти каждая страница истории, но этими причинами нельзя объяснить ничем не вызванную жестокость Коммода: ему нечего было желать, и он имел все, чем можно наслаждаться. Любимый сын Марка Аврелия унаследовал власть своего отца под приветственные крики сената и армии; вступая на трон, этот молодой счастливчик не видел вокруг ни соперника, которого надо было бы устранить, ни врагов, которых надо было бы наказать. Казалось совершенно естественным, что в таком спокойном положении молодой император предпочтет любовь человечества, а не его ненависть, тихую славу своих пяти предшественников, а не позорную судьбу Нерона и Домициана.

При этом Коммод не был тигром, родившимся с ненасытной жадой человеческой крови и с раннего детства способным на самые бесчеловечные поступки, каким его изображают. Природа создала его скорее слабовольным, чем испорченным. Простодушные и робость сделали его рабом его приближенных, и те постепенно развратили его. Жестокость, которую он сначала проявлял по чужой подсказке, постепенно вошла в привычку и со временем стала главной страстью его души.

После смерти отца на Коммода легло бремя командования огромной армией и ведения трудной войны против квадов и маркоманов. Раблепные и развратные юноши, которых Марк Аврелий прогнал от сына, быстро вернули себе прежнее положение и влияние на нового императора. Они стали преувеличивать трудности и опасности военных действий в диких странах за Дунаем и убедили ленивого правителя, что ужаса, который внушает его имя, и оружия замещающих его военачальников будет достаточно, чтобы окончить завоевание напуганных варваров или навязать им такие условия, которые будут выгоднее любого завоевания. Умело играя на его любви к плотским удовольствиям, они сравнивали спокойствие, великолепие и утонченные удовольствия Рима с суетливым паннонским лагерем, где не будет ни отдыха, ни предметов роскоши. Коммод прислушивался к этому приятному для него мнению, но, пока он медлил, выбирая между собственными наклонностями и священным ужасом, который еще испытывал перед советниками отца, лето шло к концу, и его триумфальный въезд в столицу был отложен до осени. Приятная внешность Коммода, широко известное умение держать себя в обществе и мнимые добродетели привлекали к нему сердца народа; почетный для Рима мир, который он незадолго перед этим заключил с варварами, вызвал всеобщую радость; нетерпение, с которым он стремился вернуться в Рим, наивно приписывали любви к родине; а его беспутства в часы развлечений вызывали лишь очень слабое осуждение: правителю было всего девятнадцать лет.

В течение трех первых лет правления Коммода формы и даже дух старого порядка сохранялись: их поддерживали те верные советники Марка Аврелия, которым он поручил сына и которых Коммод все еще хоть неохотно, но уважал за мудрость и прямоту. Молодой государь со своими развратными любимцами упивался наслаждениями, позволяя себе все те вольности, на которые давала право абсолютная власть, но еще не запятнал свои руки кровью и даже проявлял великодушие, которое, возможно, могло бы развиться в зрелое чувство и стать устойчивой добродетелью. Но роковой случай определил направление этого шаткого характера.

Однажды вечером, когда император, возвращаясь во дворец, шел по темному узкому портику амфитеатра, убийца, ждавший его появления, бросился на него с обнаженным мечом, громко крича: «Это шлет тебе сенат!» Угроза помешала выполнению замысла: убийца был схвачен стражниками и тут же назвал организаторов покушения. Заговор возник не в государстве, а в стенах дворца: нетерпеливая сестра императора Луцилла, вдова Луция Вера, не желая быть на втором месте и завидуя царствующей императрице, подослала убийц к своему брату. Она не осмелилась сказать о своем зловещем замысле своему второму мужу, сенатору Клавдию Помпеяну, человеку в высшей степени достойному, чья верность императору была нерушимой. Но в толпе своих любовников (в своем поведении Луцилла подражала Фаустине) она нашла людей, отчаянно нуждавшихся в деньгах и с бешеным честолюбием; те приготовились послужить ее жестоким страстям, как раньше служили нежным. Заговорщики понесли суровую кару в соответствии с законом, а распутная Луцилла была наказана сначала изгнанием, а потом смертью.

Но слова убийцы глубоко проникли в душу Коммода и оставили в ней неизгладимый отпечаток – страх и ненависть по отношению ко всему сенату в целом. Тех, кого император боялся как навязчивых советников, теперь он начал подозревать как тайных врагов. Доносчики, которых при предыдущих государях почти не было, поскольку у этой породы людей отбили охоту к ее ремеслу, вновь стали грозной силой, когда увидели, что новый император желает найти недовольных и предателей в сенате. Это собрание, на которое Марк Аврелий всегда смотрел как на великий совет нации, состояло из римлян, *особо* выделявшихся своими достоинствами, и потому выделяться чем-либо из толпы вскоре стало преступлением. Богатство разжигало жадность осведомителей, строгая добродетель подразумевала молчаливое осуждение беззаконий Коммода, большие заслуги подразумевали опасное превосходство в достоинствах над императором, а дружба отца всегда вызывала нелюбовь у сына. Подозрение уже было доказательством, казнь каждого видного члена сената сопровождалась смертью всех, кто мог оплакивать его участь или отомстить за него, и Коммод, один раз попробовав человеческой крови, стал неспособен ни на жалость, ни на угрызения совести.

Из этих невинных жертв тирании никто в час смерти не был оплакан сильнее, чем два брата из рода Квинтилианов, Максим и Кондиан, чья любовь друг к другу спасла их имена от забвения и сделала их память дорогой для потомков. Изучаемые науки, занятия, стремления и удовольствия у них всегда были общие. Заняв высокое положение, они ни разу даже не подумали о том, чтобы один имел интересы, отличные от интересов другого. До сих пор сохранились отрывки трактата, который они сочинили вместе. Что бы братья ни делали, было видно, что в их двух телах живет одна душа. Антонины, которые высоко ценили их добродетели и восхищались их союзом, сделали их консулами в один и тот же год. Позже Марк Аврелий назначил их вместе на должность гражданских наместников Греции и высокие командные должности в войсках; в этом втором качестве братья одержали решающую победу над германцами. Но милосердная жестокость Коммода соединила их в смерти.

После того как тиран в своем гневe пролил благороднейшую кровь Рима, он в конце концов обрушил этот гнев на главное орудие своей жестокости. Пока Коммод купался в крови и роскоши, по его поручению дела империи вел Переннис, раболепный и честолюбивый советник, который получил свою должность, убив своего предшественника, но отличался большим мужеством и немалыми дарованиями. Путем вымогательства и получая конфискованные имения знатных людей, которых принес в жертву своей алчности, Переннис накопил огромное состояние. Преторианская гвардия находилась под его непосредственным командованием, а его сын, уже проявивший большой военный талант, командовал легионами в Иллирии. Переннис мечтал о троне империи или – что в глазах Коммода было одно и то же – мог бы мечтать, если бы его не упредили, схватили, застав врасплох, и казнили. Падение советника – обычнейшее событие во всей истории империи, но это падение было ускорено чрезвычайным

обстоятельством, которое показало, насколько тогда уже ослабла дисциплина. Легионы, расположенные в Британии, были недовольны управлением Перенниса; они составили депутацию из тысячи пятисот своих лучших представителей и дали им указание идти в Рим и принести жалобу императору. Эти солдаты-просители произвели впечатление своей решимостью, воодушевили отряды гвардии, преувеличив силу британской армии и пробудив в Коммодe его страхи, потребовали смерти советника как единственного возможного возмещения за свои обиды и получили то, чего просили. Эти огромные претензии находившейся далеко армии и то, что солдаты увидели, как слабо правительство, безошибочно предвещало самые ужасные катастрофы.

Вскоре после этого недостаток заботы об управлении страной проявил себя новыми беспорядками, которые начались с едва заметных мелочей. В войсках распространилось дезертирство, и беглые солдаты, вместо того чтобы искать спасения в бегстве или скрываться, стали грабить на больших дорогах. Матерн, рядовой солдат, который по дерзкой отваге был выше своего положения, объединил эти разбойничьи банды в маленькую армию, открыл двери тюрем, созвал к себе рабов, желавших добыть себе свободу, и стал безнаказанно разорять незащищенные города Галлии и Испании. Наместники провинций долгое время спокойно смотрели на его грабежи, а возможно, были и его соучастниками, но гневные приказы императора заставили их стряхнуть с себя сонную лень. Матерн увидел, что его окружают, и понял, что превосходящие силы противника победят его. Его последней надеждой стал мощный отчаянный рывок; он приказал своим подчиненным разойтись, затем маленькими группами, переодевшись по-разному, перебраться через Альпы и собраться в Риме во время разгульного и шумного праздника Кибелы. Убить Коммода и занять освободившийся трон – это был не замысел обычного разбойника. Приготовления Матерна были так хорошо скрыты, что его замаскированные войска смогли скрытно заполнить улицы Рима. Но зависть одного из сообщников помогла раскрыть и разрушить этот выдающийся в своем роде план, когда он был уже готов к осуществлению.

Подозрительные правители часто возвышают людей самого низкого звания из-за ошибочного убеждения, будто те, кто полностью зависит от их милости, будут привязаны только к своему благодетелю. Клеандр, преемник Перенниса, был родом фригиец, из народа упрямых, но раболепных людей, которых лишь побои могли заставить подчиниться. Его прислали с родины в Рим в качестве раба. Как раб он попал в императорский дворец, стал полезен для удовлетворения страстей своего господина и быстро поднялся до самого высокого положения, которое мог занять подданный. Он имел гораздо большее влияние на ум Коммода, чем его предшественник: Клеандр не имел никаких дарований или добродетелей, которые могли бы вызвать зависть или недоверие у императора. Преобладающей страстью его души и главным принципом его правления была скупость. Звания консула, патриция и сенатора были публично выставлены на продажу, и отказ купить эти пустые почести, отдав за них почти все свое состояние, рассматривался как недовольство властью. Что касается доходных провинциальных должностей, тут советник получал от наместника часть добычи, отнятой у народа. В правосудии царили продажность и произвол. Богатый преступник мог не только добиться отмены приговора, который был вынесен ему справедливо, но и добиться любого наказания, какого хотел, для своего обвинителя, свидетелей и судьи.

Этими способами Клеандр за три года накопил столько богатств, сколько до этого не было ни у одного вольноотпущенника. Коммод был вполне доволен великолепными подарками, которые этот ловкий придворный клал к его ногам в самые подходящие моменты. Чтобы не вызвать зависти в народе, Клеандр от имени императора строил для общего пользования бани, портики и здания для атлетических упражнений. Он льстил себя надеждой, что ослепленные его показной щедростью римляне, веселясь за его счет, меньше будут страдать из-за крови, проливавшейся каждый день, что они забудут смерть сенатора Бурра, за которого из-за его высочайших достоинств покойный император выдал замуж свою дочь, и простят смерть Аррия

Антонина, последнего носителя имени и обладателя добродетели Антонинов. Бурр, проявив больше решимости, чем благоразумия, попытался открыть своему шурину глаза насчет истинного характера Клеандра. Аррия погубил справедливый приговор, который он, когда был проконсулом Азии, вынес против одного ничтожного императорского любимца. После падения Перенниса Коммод короткое время совершал свои ужасные дела под видом возврата к добродетели. Он отменил самые ненавистные из своих постановлений, объявил, что заслуживает, чтобы общество прокляло его память, и приписал все ошибки своей неопытной юности пагубному влиянию этого порочного советника. Но покаяние продолжалось всего тридцать дней, и при тирании Клеандра люди часто с сожалением вспоминали о правлении Перенниса.

Мор и голод довели бедствия Рима до предела. Болезнь можно было объяснить лишь справедливым гневом богов, но непосредственной причиной голода считали монополию на зерно, которую поддерживал своим богатством и властью новый советник. Народное недовольство, которое долго проявлялось лишь в перешептываниях, наконец прорвалось в полном зритель цирке. Народ отказался от любимых развлечений ради более сладостного удовольствия – мести; зрители толпами бросились к одному из уединенных пригородных дворцов императора и гневным криком потребовали голову врага общества. Клеандр, командовавший преторианской гвардией, приказал конному отряду выйти из ворот и разогнать бунтующую толпу. Толпа бросилась бежать в сторону города, несколько человек были зарублены, еще больше – затоптаны насмерть. Но когда конники-преследователи въехали в город, их остановил град камней и дротиков, которые полетели с крыш и из окон домов. Пешие гвардейцы, которые давно завидовали преторианским конникам, привилегированным и высокомерным, встали на сторону народа. Уличное столкновение превратилось в настоящий бой и могло перерасти во всеобщую резню. В конце концов преторианцы отступили, побежденные численным превосходством противника, и новая волна народной ярости, вдвое сильнее прежней, ударила в ворота дворца, где лежал, нежась среди роскоши, Коммод – единственный, кто еще ничего не знал о начавшейся гражданской войне. Прийти к нему с неприятной новостью значило умереть. Он так бы и погиб, сонный и уверенный в своей безопасности, если бы две женщины – его старшая сестра Фадилла и Марция, самая любимая из его наложниц, – не рискнули ворваться к нему. Обливаясь слезами и распустив волосы, они бросились к его ногам и, пустив в ход всю настойчивость и красноречие, которыми наделяет человека страх, рассказали императору о преступлениях его любимца, о народной ярости и о том, что через несколько минут его дворец и он сам могут быть уничтожены. Коммод, видевший сны о наслаждениях и мгновенно разбуженный страхом, приказал бросить народу голову Клеандра. Желанное зрелище мгновенно заставило утихнуть мятеж, и в тот момент сын Марка Аврелия мог бы еще вернуть себе привязанность и доверие подданных.

Но в душе Коммода угасли все следы добродетели и человечности. Отдав бразды правления в руки своих недостойных любимцев, он ценил в верховной власти лишь одно – неограниченную возможность удовлетворять свою разнузданную жажду чувственных удовольствий. Все свое время он проводил в гареме из трехсот красивых женщин и стольких же мальчиков, набранных из всех сословий и из всех провинций; а если искусство обольщения не давало нужного результата, этот грубый развратник применял силу. Древние историки подробно описывают разнузданные сцены оргий, которые попирают все границы, проведенные природой и скромностью, но их слишком точные описания было бы трудно изложить на современном языке, не нарушая правил приличия. Время, не занятое похотью, было заполнено самыми низменными развлечениями. Ни влияние эпохи, когда были в ходу хорошие манеры и утонченность, ни занятия под руководством заботливых преподавателей не смогли оставить в примитивном и грубом уме Коммода даже самый слабый отпечаток учености; он был первым римским императором, который не имел совершенно никакого влечения к умственным удовольствиям. Даже Нерон делал большие успехи (хоть и преувеличивал их) в изящных искус-

ствах – музыке и поэзии, и эти его стремления мы не стали бы презирать, если бы он не превратил приятное занятие, которым заполнял часы досуга, в серьезное дело и главную гордость своей жизни. Но Коммод с самого раннего детства проявил отвращение ко всем точным и изящным наукам и большую привязанность к развлечениям черни – выступлениям атлетов в пирке и амфитеатре, боям гладиаторов и охоте на диких зверей. Преподаватели всех наук, которых Марк Аврелий назначил в учителя к сыну, видели, что тот слушал их невнимательно и с отвращением, а мавры и парфяне, учившие его метать дротик и стрелять из лука, нашли в Коммодe ученика, который занимался прилежно и с наслаждением и вскоре сравнялся с самыми искусными из своих наставников в верности глаза и меткости руки.

Раболепная толпа тех, чье счастье зависело от пороков их господина, рукоплесканиями приветствовала эти постыдные увлечения. Коварный голос льстецов напоминал ему, что такими же подвигами – победой над немейским львом и убийством эриманфского вепря – грек Геркулес приобрел себе место среди богов и бессмертную память среди людей. Они лишь забывали напомнить, что на самой ранней ступени развития человеческого общества, когда животные, более свирепые, чем люди, часто спорят с человеком за обладание незаселенными землями, успешная война против диких зверей является одним из самых безобидных и полезных подвигов для героя. В цивилизованной Римской империи дикие звери к тому времени уже давно ушли далеко от человека и от многолюдных городов. Подстерегать зверей в их уединенных убежищах и привозить в Рим, чтобы они были торжественно зарезаны рукой императора, было в равной мере смешным занятием для государя и тяжелым гнетом для народа¹⁴.

Не зная об этой разнице, Коммод охотно поверил в это славное сходство и стал называть себя Римским Геркулесом (это и сейчас можно прочесть на выпущенных по его указанию медалях). Дубина и львиная шкура заняли место рядом с троном среди символов верховной власти, и были воздвигнуты статуи, изображавшие Коммодa с атрибутами бога, чьей доблести и меткости удара он стремился подражать в своих ежедневных жестоких и диких развлечениях.

Воодушевленный этими похвалами, которые постепенно заглушили врожденное чувство стыда, Коммод решил давать представления перед римским народом – показать всем те упражнения, которые раньше, соблюдая приличия, проделывал лишь в стенах своего дворца и в присутствии немногих любимцев. В назначенный день различные причины – лесть, страх или любопытство – привлекали в амфитеатр бесчисленное множество зрителей, и выступавший на арене император в какой-то степени действительно заслуживал их аплодисменты своим необычным мастерством. Целился ли он в голову или в сердце зверя, рана оказывалась одинаково точной и смертельной. Стрелами, имевшими острие в форме полумесяца, Коммод часто перерезал длинную шею страуса, обрывая его быстрый бег. На арену была выпущена пантера; Коммод-лучник дождался, пока она прыгнет на дрожащего от страха преступника; в тот же момент вылетела стрела, зверь упал мертвым, а человек остался невредим. Из клеток амфитеатра были выпущены одновременно сто львов, и сто дротиков, посланных безошибочной рукой Коммодa, уложили их мертвыми, пока они в ярости бегали по арене. Ни огромный размер слона, ни чешуйчатая кожа носорога не спасали их от его удара. Эфиопия и Индия поставляли для игр самые необычные творения своей природы, и в амфитеатре было убито несколько таких животных, которых раньше знали только по произведениям искусства и которые вполне могли быть вымыслом¹⁵.

¹⁴ Африканские львы, гонимые голодом, разоряли ничем не огражденные деревни и возделанные земли, и делали это безнаказанно: лев, царь зверей, был предназначен для развлечения императора и столицы и находился под охраной. Несчастный крестьянин, который убил бы одного из этих хищников даже при самозащите, понес бы очень суровое наказание. Этот закон об играх был смягчен Гонорием и в конце концов отменен Юстинианом.

¹⁵ Коммод убил камелеопарда, иначе жирафа, – самое высокое, самое доброе и самое бесполезное из крупных четвероногих. Это уникальное животное, которое водится лишь в центральных областях Африки, никто не видел в Европе со времен Возрождения. Господин де Бюффон (см. его «Естественную историю», том XIII) постарался описать жирафа, но не рискнул нарисовать его.

Во время всех этих представлений принимались сильнейшие меры безопасности для того, чтобы защитить особу Римского Геркулеса от отчаянного прыжка какого-нибудь дикого зверя, который мог бы не принять во внимание достоинство императора и святость бога.

Но и последние среди черни почувствовали стыд и негодование, когда увидели, что их верховный владыка записался в списки гладиаторов, что он с гордостью и наслаждением занимается этим ремеслом, которое и законы, и нравы римлян вполне справедливо отметили клеймом позора. Коммод выбрал одежду и вооружение секутора – бойца с мечом, бой которого с ретиарием, бойцом-сетеносцем, был одним из самых ярких номеров среди кровавых представлений, дававшихся в амфитеатрах. Вооружение секутора состояло из шлема, меча и небольшого круглого щита. Его противник-сетеносец выступал совершенно без доспехов и имел лишь большую сеть и трезубец. Сетью он старался опутать врага, трезубцем – заколоть его. Если ретиарий при первом броске промахивался, он должен был убегать от гнавшегося за ним секутора, пока не подготовит сеть ко второй попытке. В роли секутора император сражался семьсот тридцать пять раз. Эти славные деяния были старательно зафиксированы в официальных документах; Коммод получал из общего фонда гладиаторов такое огромное жалованье, что оно стало новым постыднейшим налогом для римского народа. Можно легко предположить, что в этих схватках хозяин мира всегда выходил победителем. В амфитеатре его победы не часто были кровавыми, но когда Коммод упражнялся в своем искусстве у себя во дворце или в гладиаторской школе, его несчастные противники часто удостаивались смертельной раны от руки императора и расписывались в своей лести собственной кровью. Теперь император презирал Геркулеса. Имя Павел – так звали знаменитого секутора – было единственным, которое ласкало его слух. Оно было высечено на огромных статуях Коммода и повторялось, звуча все громче, в восклицаниях мрачного, но неизменно рукоплещущего сената. Единственным сенатором, поддержавшим честь своего звания, был Клавдий Помпеян, добродетельный муж Луциллы. Как отец, он позволил своим сыновьям ради их безопасности присутствовать в амфитеатре; как римлянин – заявил, что его жизнь в руках императора, но он никогда не станет смотреть, как сын Марка Аврелия позорит себя и свое достоинство. Несмотря на свою мужественную решимость, Помпеян избежал кары тирана, и ему посчастливилось сохранить вместе с честью жизнь.

После этого Коммод достиг высшей степени порока и бесславия. Слушая приветственные крики льстивых придворных, он не мог скрыть от себя, что заслужил презрение и ненависть каждого мыслящего и добродетельного человека в империи. Осознание этой ненависти, зависть к обладателям любых достоинств и заслуг, обоснованное чувство опасности и привычка убивать, приобретенная в ежедневных развлечениях, воспаляли его жестокую душу. История сохранила длинный список сенаторов консульского звания, ставших жертвами его беспричинной подозрительности, которая была нацелена больше всего на тех несчастных, кто был хотя бы отдаленно связан с семьей Антонинов, и не щадила даже тех, кто служил орудием для его преступлений или удовольствий. В конце концов жестокость Коммода погубила его самого. Он безнаказанно пролил благороднейшую кровь Рима и погиб, как только стал внушать страх своим домашним. Его любимая наложница Марция, камердинер Элект и префект претория Летус, встревоженные судьбой своих сотоварищей и предшественников, решились заранее отвести от себя ежечасно угрожавшую им гибель либо от каприза обезумевшего тирана, либо из-за внезапной вспышки народного гнева. Марция нашла случай подать своему любовнику отравленного вина, когда тот устал после охоты на диких зверей. Коммод ушел спать, и, пока он был скован ядом и опьянением, один молодой силач, борец по профессии, вошел в его спальню и задушил императора, не встретив никакого сопротивления. Тело тайно вынесли из дворца раньше, чем в городе или при дворе возникло хотя бы малейшее подозрение о смерти Коммода. Такова была судьба сына Марка Аврелия, и так легко было уничтожить ненавистного тирана, с помощью искусственной власти правительства тринадцать лет угнетав-

шего миллионы подданных, из которых любой был равен своему повелителю по физической силе и личным способностям.

В своем рассказе о Коммод Гиббон опирается на сплетни консерваторов, которые были оскорблены и разгневаны поведением императора. Коммод смотрел на мир не по-римски и бросал вызов традиционным представлениям о свободе. Он пытался лишить Рим положения центра всей империи. Назвавшись Римским Геркулесом и Восходящим Солнцем, он выходил за пределы прежних национальных культов и объединял эти культы, чем проложил путь семейству Северов. Его убийцы представляли реакционные силы. Эти заговорщики предложили сан принцепса Пертинаксу, пожилому консервативному сенатору. После нескольких попыток провести реформы Пертинакс был убит преторианцами. Его правление продолжалось восемьдесят шесть дней.

УСИЛЕНИЕ ВОЕННОЙ АВТОКРАТИИ И НАЧАЛО ОРИЕНТАЛИЗМА

Глава 5

ПРОДАЖА ИМПЕРИИ ПРЕТОРИАНЦАМИ. ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ СЕПТИМИЯ СЕВЕРА

Власть меча больше ощущается в обширной империи, чем в маленьком сообществе. Самые одаренные политики вычислили, что ни одно государство не может держать более сотой части своего населения вооруженной и праздной, иначе это государство быстро исчерпает свои силы. Но хотя это соотношение может быть одинаково повсюду, влияние армии на остальную часть общества бывает разным, в зависимости от ее реальной силы. Преимущества военной науки и дисциплины невозможно использовать, если нет достаточного количества солдат, которые действуют как одно тело, направляемое одной душой. Если такой союз объединяет горстку людей, он не дает результата; если бы он объединил огромную толпу, его невозможно было бы применить на деле. Так машина одинаковым образом теряет свою мощь и при очень малом размере, и при слишком большом весе своих пружин. Чтобы проиллюстрировать это наблюдение примером, нам нужно лишь подумать о том, что никакое превосходство в природной силе, оружии или приобретенном мастерстве не бывает так велико, чтобы оно позволило одному человеку постоянно держать в подчинении сто подобных себе людей. Тиран, правящий одним небольшим городом или маленьким округом, скоро обнаружил бы, что сто вооруженных сторонников – слабая защита против десяти тысяч крестьян или граждан. Но сто тысяч дисциплинированных солдат могут деспотически командовать десятью миллионами подданных, а десять или пятнадцать тысяч гвардейцев способны наводить ужас на самую большую массу простого народа, какая когда-либо толпилась на улицах огромной столицы.

Преторианские банды, разгул которых был первым признаком и причиной упадка Римской империи, по численности едва достигали последней из перечисленных выше цифр. Основал их Август. Он, хитрый тиран, чувствовавший, что законы могут окрасить в нужный цвет его взятую силой власть, но опорой для нее может быть лишь оружие, постепенно сформировал эту гвардию – мощные охранные войска, постоянно готовые защитить его, внушить почтительный ужас сенату и предупредить или раздавить любое восстание в самом зародыше. Но поскольку своим грозным видом они бы одновременно тревожили и раздражали римский народ, только три когорты этих войск были размещены в столице, а остальные преторианцы разведены на квартиры по ближайшим к Риму городам Италии. Однако через пятьдесят лет мира и рабства Тиберий рискнул пойти на решительную меру, которая навсегда скрепила оковы его страны, как заклепка – цепи узника. Под лживым предлогом, будто бы он освобождает Италию от тяжелого бремени иметь на постое военных и усиливает дисциплину среди гвардейцев, он собрал их в Риме в постоянном лагере, который был умело и старательно укреплен и размещался так, что господствовал над окружающей местностью.

Такие грозные слуги всегда нужны возле трона деспотов, но часто приносят гибель этому трону. Вводя таким образом преторианских гвардейцев во дворец и в сенат, императоры научили их чувствовать собственную силу и слабость гражданского правительства, смотреть с привычкой и презрением на пороки своих повелителей и отбрасывать в сторону тот почтительный страх перед властью, который могут поддерживать только расстояние и таинственность, если власть эта мнимая. Ощущение своей неодолимой силы при роскошной и праздной жизни

в богатом городе питало гордость преторианцев. Невозможно было скрыть от них и то, что верховный правитель, власть сената, общественная казна и главный город империи находятся у них в руках. Чтобы отвлечь преторианские когорты от этих опасных мыслей, самые решительные и авторитетные правители были должны сочетать с приказами лстивые просьбы и с наказаниями – награды, лстить гордости своих гвардейцев, снисходительно терпеть их развлечения, смотреть сквозь пальцы на их распушенное поведение и покупать их ненадежную верность щедрыми подарками, которые, начиная с Клавдия, делались при восшествии на престол каждого нового императора и были, по сути дела, узаконены.

Сторонники гвардии старались обосновать логически ту власть, которую она приобрела силой оружия, и уверяли, что если следовать принципам конституции во всей их чистоте, то именно ее согласие прежде всего необходимо для провозглашения императора. Право выбора консулов, военачальников и должностных лиц, хотя с недавних пор и было незаконно присвоено сенатом, с древних времен неоспоримо принадлежит римскому народу. Но где следует искать римский народ? Конечно, не в пестрой толпе рабов и чужеземцев, которая заполняет улицы Рима, не среди этой раболепной черни, у которой так же нет силы духа, как и имущества. Защитники государства, выбранные среди цвета италийской молодежи, обученные владеть оружием и быть добродетельными, – вот истинные представители народа, которые имеют больше всего прав выбирать военного вождя республики. Эти утверждения, при всей ошибочности их логики, становились неопровержимыми, когда свирепые преторианцы придавали им больше веса, бросая, как когда-то варвар-завоеватель Рима, на весы свои мечи.

Зверски убив Пертинакса, преторианцы надругались над святостью трона; своим последующим поведением они оскорбили его величие. Лагерь не имел тогда главы; даже префект Летус, поднявший всю эту бурю, благоразумно отказался навлечь на себя гнев общества. Сульпициан, тесть императора и наместник Рима, посланный к преторианцам в лагерь при первых признаках мятежа, посреди буйства и беспорядка старался усмирить ярость толпы, но тут его заставил замолчать вид убийц, которые с шумом и криками возвращались назад, неся на копье голову Пертинакса. Хотя история приучила нас видеть, как любой принцип и любая страсть отступают перед властными велениями честолюбия, вряд ли можно поверить, что в эти ужасные минуты Сульпициан мог иметь желание занять престол, залитый кровью такого близкого родственника и прекрасного правителя. Однако он стал использовать единственный аргумент, способный подействовать, то есть торговался с преторианцами об императорском сане. Но когда он уже начал переговоры, самые осмотрительные из преторианцев сообразили, что при таком соглашении без конкуренции они не получают достаточную цену за такую дорогую услугу, и громко объявили, что римский мир будет отдан с публичных торгов тому, кто предложит за него самую высокую цену.

Это постыдное предложение, самое наглое проявление произвола армии, вызвало во всем городе горе, стыд и негодование. В конце концов оно достигло слуха Дидия Юлиана, богатого сенатора, который, не обращая внимания на превратности политики, наслаждался роскошной жизнью. Его жена, дочь, вольноотпущенники и нахлебники убедили его, что он достоин трона, и стали горячо умолять его не упускать такую счастливую возможность. Старый честолюбец поспешил в лагерь преторианцев, где Сульпициан все еще торговался с гвардейцами, и начал набавлять цену, расположившись у подножия крепостной стены. Предложения во время этого недостойного торга передавали надежные посланцы, ходившие от одного претендента к другому и знакомившие каждого из них с предложениями соперника. Сульпициан уже пообещал дать каждому солдату по пять тысяч драхм (более ста шестидесяти фунтов), но тут Юлиан, жаждавший получить приз, поднял цену сразу до шести тысяч двухсот пятидесяти драхм, что составляет больше двухсот фунтов стерлингов. Ворота лагеря тут же открылись перед покупателем. Он был объявлен императором и принял от солдат клятву в верности; им хватило чело-вечности потребовать от Юлиана, чтобы тот простил и забыл соперничество Сульпициана.

Теперь преторианцы были обязаны выполнить условия продажи. Они поставили своего нового повелителя, которому служили, но при этом презирали, в центр своих рядов, загородили его со всех сторон щитами и в тесном боевом строю провели по обезлюдевшим улицам города. Был созван сенат, и те, кто был близкими друзьями Пертинакса или личными врагами Юлиана, посчитали нужным подчеркнуто выразить свое особое удовлетворение по случаю такого удачного переворота. Заполнив зал заседаний сената вооруженными солдатами, Юлиан долго разглагольствовал о том, что пришел к власти в результате свободных выборов, о своих высоких добродетелях и о том, что он полностью уверен в симпатии к себе сената. Рабочее собрание поздравило с таким счастьем себя и народ и дало обещание хранить верность Юлиану, вручив ему все ветви имперской власти. Из сената та же военная процессия повела Юлиана вступать во владение дворцом. Первое, на что упал там его взгляд, было всеми позабытое безголовое туловище Пертинакса и скудный ужин, приготовленный для него. На труп он посмотрел с безразличием, на еду с презрением. По его приказу был устроен великолепный праздник, и до глубокой ночи он развлекался, играя в кости и любуясь выступлением знаменитого танцора Пилада. Однако было замечено, что после того, как толпа льстецов разошлась и оставила Юлиана в темноте наедине с ужасами, заполнявшими его мысли, он провел ночь без сна. Вероятнее всего, он вновь и вновь обдумывал свое поспешное безумное решение, судьбу своего добродетельного предшественника и то, как сомнительна и опасна его власть над империей, которую он не приобрел благодаря своим достоинствам, а купил за деньги.

У Юлиана были причины для страха. Оказавшись на троне владык всего мира, он не имел ни одного друга, даже ни одного сторонника. Сами гвардейцы и те стыдились правителя, которого убедила принять их жадность. А среди граждан не было ни одного, кто бы не смотрел на его воцарение с отвращением, как на глубочайшее из всех возможных оскорбление имени римлянина. Знатные люди, которые, находясь на виду и обладая большим имуществом, должны были проявлять крайнюю осторожность, на подчеркнутую вежливость императора отвечали снисходительными улыбками и торжественными обещаниями исполнять свой долг; но простые люди, которых укрывала от опасности многочисленность и безвестность, давали полную волю своим чувствам. На улицах и в общественных местах Рима воздух звенел от криков и проклятий. Разъяренная толпа оскорбляла Юлиана, отвергала его щедрость и, сознавая, что ее собственное негодование бессильно, громко призывала пограничные легионы вновь укрепить оскорбленное величие Римской империи.

Легионы, расквартированные в Паннонии, объявили императором Септимия Севера; перейдя через Альпы, он был признан сенатом. Юлиан был казнен. После этого Север разгромил соперничавших с ним претендентов на власть, наместника Сирии Песценния Нигера и наместника Британии Альбина.

Септимий Север

Истинные интересы абсолютного монарха совпадают с интересами его народа. Многочисленность и богатство подданных, порядок среди них и их безопасность – лучшая и единственная основа его подлинного величия; даже если он совершенно лишен добродетели, благоразумие вместо нее может подсказать ему и потребует от него тех же, что и она, правил поведения. Север смотрел на Римскую империю как на свою собственность и закрепил свое право на владение ею лишь после того, как начал заботиться об уходе за столь ценным имуществом и о его улучшении. Благодетельные законы, которые исполнялись с непоколебимой твердостью, быстро исправили большинство тех злоупотреблений, которыми после смерти Марка были заражены все органы правительства. Верша правосудие, новый император в своих решениях был внимателен, проникателен и беспристрастен. Если же он уклонялся с пути полного

беспристрастия, то, как правило, в пользу людей бедных и угнетенных – правда, не столько из побуждений человечности, сколько из-за естественной склонности деспота унижать гордость того, кто велик, и опускать всех своих подданных на один и тот же уровень зависимости – абсолютный. Его дорогостоящая страсть к строительству и роскошным представлениям и прежде всего постоянная щедрая раздача народу хлеба и другой еды были наилучшим способом завоевать любовь римского народа. Несчастья, которые принесла гражданская смута, были устранены. Для провинций вновь настало спокойное время мира и процветания, и многие города, восстановленные благодаря необыкновенной щедрости Севера, назвали его колониями и отметили памятниками свои благодарность и счастье. Славу римского оружия этот воинственный и удачливый император тоже возродил. Он по праву хвалился тем, что принял империю, страдавшую под тяжестью внутренних и внешних войн, а оставил ее в состоянии прочного, всеобщего и почетного мира.

Хотя внешне раны гражданской войны казались полностью излеченными, ее смертоносный яд по-прежнему таился в жизненно важных частях организма империи. У Севера было много силы и большие дарования, но даже всей отваги первого Цезаря и всего глубокого политического ума Августа едва хватало на то, чтобы смирить дерзость победоносных легионов. Благодарность, неверный политический расчет и мнимая необходимость заставили Севера ослабить узду дисциплины. Чтобы польстить тщеславию солдат, им разрешили носить золотые кольца; чтобы облегчить их существование, потворствуя их желаниям, им позволили селиться в казармах вместе с женами и вести праздную жизнь. Север повысил им плату до неслыханного ранее размера и приучил их ожидать, а позже и требовать дополнительных даров при каждой опасности для общества и при каждом общественном празднике.

Воодушевленные успехом, ослабленные роскошью и поднятые выше уровня подданных своими опасными привилегиями, они скоро стали неспособными к утомительным трудам войны, обременительными для страны и раздражительными, когда от них обоснованно требовали подчинения старшему по званию. Их офицеры поддерживали свое более высокое положение большой пышностью и роскошью. Сохранилось письмо Севера, где он жалуется на распущенное поведение в армии и приказывает одному из своих полководцев начать необходимые реформы с самих трибунов, поскольку, как он справедливо замечает, офицер, потерявший право на уважение своих солдат, никогда не добьется от них послушания. Додумай император эту мысль до конца, он обнаружил бы, что исходной причиной всеобщей испорченности может быть и не личный пример главнокомандующего, но его пагубная снисходительность.

Преторианцы, которые убили своего императора и продали империю, понесли справедливое наказание за свое предательство. Но гвардия, необходимая, хотя и опасная, вскоре была создана Севером заново по иному образцу и стала в четыре раза многочисленнее, чем прежде. Ранее эти войска набирались из уроженцев Италии, но, поскольку ближайшие к Риму провинции постепенно переняли изнеженные нравы римлян, гвардейцев стали набирать в более дальних областях – в Македонии, Норики и Испании. Север постановил, что вместо прежних нарядных войск, более подходящих для придворных торжеств, чем для войны, время от времени из всех пограничных легионов солдаты, особо выделяющиеся силой, доблестью и верностью, будут в знак почета и в качестве награды переводиться с повышением на более желанную службу в гвардии. Из-за этого нового порядка службы итальянская молодежь потеряла интерес к тому, чтобы учиться владеть оружием, а столицу стала пугать своим необычным видом и странным поведением толпа варваров. Но Север льстил себя надеждой, что легионы будут смотреть на этих избранных из их числа преторианцев как на своих представителей и быстро помогая пятидесяти тысяч человек, лучше вооруженных и лучше умеющих сражаться, чем любая сила, которую кто-либо мог вывести на поле боя против них, навсегда положит конец любым надеждам на успешное восстание, закрепив империю за ним и его потомками.

Место командира этих грозных войск стало главной должностью в империи. По мере того как власть, вырождаясь, становилась военной и деспотической, префект претория, который первоначально был всего лишь начальником охраны, был не только поставлен во главе армии, но стал управлять финансами и даже правосудием. Он был представителем императора и осуществлял его власть во всех областях управления. Первым префектом, который имел эту огромную власть и злоупотреблял ею, был Плавтиан, любимый советник Севера. Его правление продолжалось более десяти лет до тех пор, пока свадьба его дочери со старшим сыном императора, которая, казалось, делала его положение прочным, на самом деле стала поводом для его гибели¹⁶.

Враждебные отношения внутри дворца возбуждали честолюбие Плавтиана, будили его страхи и из-за этого создавали угрозу мятежа, что и заставило императора, который по-прежнему его любил, против собственного желания послать его на смерть. После падения Плавтиана на многостороннюю должность префекта претория был назначен знаменитый человек – выдающийся адвокат Папиниан.

До правления Севера добродетель и здравомыслие императоров проявлялись в подлинном или внешнем почтении к сенату и в бережном сохранении того изящного, точного и хорошо отлаженного механизма внутренней политики, который был создан Августом. Но Север провел юность и приобрел все свои знания в военных лагерях, где повиновение старшему считалось само собой разумеющимся, а зрелые годы провел на командных должностях в армии, где любой начальник был деспотом. Высокомерный и негибкий духом, он не мог увидеть или не желал признать той выгоды, которую давало сохранение промежуточной, хотя бы и мнимой власти императора над армией. Север не желал унижаться до того, чтобы называть себя слугой собрания, которое ненавидело его и дрожало от страха, стоило ему только нахмуриться. И он отдавал приказы в случаях, когда для получения того же результата хватило бы и его просьбы, вел себя как монарх и завоеватель, носил соответствующие титулы и открыто осуществлял полную законодательную и исполнительную власть.

Победа над сенатом была легкой и бескровной. Все взгляды и все чувства были обращены к «верховному чиновнику», который владел военной силой и казной страны; а сенат, не выбираемый народом, не охраняемый военной силой и не воодушевленный гражданским чувством, основывал свой падающий авторитет только на таком хрупком и рассыпающемся фундаменте, как древняя традиция. Красивый теоретический идеал республики постепенно исчез, уступив место более естественным и земным монархическим настроениям. По мере того как свободы и почести Рима распространялись на провинции, где республиканское правление либо было неизвестно, либо о нем вспоминали с отвращением, традиционные республиканские правила постепенно стирались из памяти людей. Греческие историки, жившие в эпоху Антонинов, с лукавым удовольствием замечают, что, хотя правитель Рима, верный устаревшему предрасудку, и не принял имя царь, он обладал всей властью царя. В правление Севера сенат был наполнен вежливыми и красноречивыми рабами из восточных провинций, которые оправдывали свою личную лезть отвлеченными рассуждениями о принципах рабства. Когда эти новые защитники исключительного императорского права внушали слушателям, что долг подданного – покорно повиноваться, и долго разглагольствовали о бедах, которые неизбежно несет свобода, двор слушал их с удовольствием, а народ – терпеливо. Адвокаты и историки, перебывая друг друга, говорили ученикам, что власть императоров основана не на поручении, которое дал сенат, а на покорности сената, а покорность нельзя отменить, что император свободен от ограничений, налагаемых законами, может по своему желанию как угодно распоряжаться жиз-

---

¹⁶ Одним из самых дерзких и своенравных проявлений его власти было оскпление ста свободных римлян, среди которых были женатые люди и даже отцы семейств, только для того, чтобы его дочь после свадьбы с молодым императором могла иметь свиту из евнухов, достойную восточной царицы.

нью и имуществом своих подданных и мог бы распоряжаться империей как своим личным имуществом. Самые выдающиеся адвокаты по гражданским делам – Папиниан, Павел и Ульпиан – процветали под властью семейства Северов, и считается, что римское право именно тогда, тесно связав себя с монархической системой правления, достигло полной зрелости и совершенства.

Современники Севера, наслаждаясь миром и славой в его правление, прощали ему жестокости, которые помогли ему взойти на престол. Потомки, которые испытали на себе губительное действие его правил и его примера, по праву считали его одним из главных виновников упадка Римской империи.

Глава 6

ДИНАСТИЯ СЕВЕРОВ. КАРАКАЛЛА И ГЕТА. ЭЛАГАБАЛ. АЛЕКСАНДР СЕВЕР. РОСТ ВЛИЯНИЯ ЖЕНЩИН ПРИ ДВОРЕ

Восхождение на вершину величия, каким бы крутым и опасным ни был путь, может научить деятельный ум сознать и применять свои силы, но обладание тронном еще ни разу не смогло надолго удовлетворить честолюбивую душу. Север почувствовал и признал эту печальную правду. Удача и заслуги вознесли его из бедности и незнатности на первое место среди людей. Он говорил, что «побывал всем и все недорого стоит». Императора огорчала необходимость заботиться о том, чтобы не приобрести, а удержать империю, угнетали старость и болезни, слава была ему безразлична, властью он насытился, так что не имел для себя никаких видов на будущее. Стремление продлить величие своей семьи было единственным желанием, которое осталось у этого честолюбивого человека и любящего отца.

Как большинство африканцев, Север страстно увлекался изучением магии и гадания, был большим мастером в толковании снов и знамений и прекрасно знал судебную астрологию, которая почти во все эпохи, кроме нашей, имела власть над умами людей. Он потерял свою первую жену, когда был наместником Лионской Галлии. Выбирая вторую, Север хотел лишь одного – соединить свою жизнь с какой-нибудь любимицей судьбы. И как только он узнал, что у одной молодой госпожи из города Эмеса в Сирии гороскоп такой же, как у царей, он попросил ее руки и получил согласие. Юлия Домна (так звали его новую жену) заслуживала всего, что могли обещать ей звезды. Даже в пожилом возрасте она оставалась красивой и сочетала с большой силой воображения редкие среди женщин твердость ума и остроту суждений. Эти ее прекрасные качества не производили большого впечатления на угрюмого и завистливого мужа, но в правление сына она руководила важнейшими делами империи, проявив при этом благоразумие, поддерживавшее его авторитет, и умеренность, которая иногда исправляла вред, нанесенный его дикими причудами. Юлия пробовала свои силы в литературе и философии, где достигла некоторых успехов и приобрела громкую славу. Она покровительствовала всем искусствам и всем гениальным людям своего времени. Ученые мужи, благодарно льстя ей, прославляли ее добродетели, но, если мы можем верить скандальной хронике древности, целомудрие было далеко не самой заметной добродетелью императрицы Юлии.

От этого брака родились два сына – Каракалла и Гета, которым было предназначено унаследовать империю. Отец и весь римский мир, которые напрасно надеялись на этих молодых людей, вскоре были разочарованы: честолюбивые юноши вели себя нагло и самоуверенно, как сыновья наследственного монарха, и считали, будто счастливая случайность может заменить природные достоинства и усердный труд. Они никогда не соперничали друг с другом ни в добродетелях, ни в одаренности, но при этом едва ли не с младенческих лет чувствовали постоянную непримиримую вражду друг к другу.

Их взаимная неприязнь, которая крепла с годами и которую раздували своими хитростями их извлекавшие из нее выгоду любимцы, прорывалась сначала в детском, а потом в более серьезном соперничестве и в конце концов разделила театр, цирк и двор на две партии, каждую из которых надежды и страхи ее главы побуждали перейти к действиям. Император благоразумно старался всеми средствами убеждения и власти прекратить эту растущую вражду. Это некстати возникшее несогласие между сыновьями ставило под сомнение все его планы и грозило опрокинуть трон, который он воздвиг с таким трудом, укрепил такой большой кровью и охранял всеми возможными способами с помощью оружия и денег. Беспристрастный отец распределял свои милости между сыновьями ровно поровну; он дал обоим титул августа

и почитаемое имя Антонин, и впервые римский мир получил фактически трех императоров сразу. Но даже это одинаковое отношение к обоим лишь усилило соперничество: более пылкий и грубый Каракалла стал заявлять, что его право наследования больше, поскольку он старший сын, а более мягкий по характеру Гета – угождать солдатам и народу, чтобы добиться их любви. В порыве горя мучившийся из-за крушения своих отцовских надежд Север предсказал, что более слабый из его сыновей станет жертвой более сильного, а тот погубит себя собственными пороками.

В этих обстоятельствах император был доволен, когда получил известие о начале войны в Британии, где северные варвары вторглись в римскую провинцию. Хотя его бдительные помощники и сами могли бы отразить нападение врага, Септимий Север решил использовать эту войну как уважительный предлог для того, чтобы удалить сыновей из Рима, роскошь которого раздражала их умы и возбуждала страсти, и приучить их к тяжелым трудам войны и правления. Несмотря на свой преклонный возраст (ему было более шестидесяти лет) и подагру, из-за которой император должен был передвигаться в носилках, он лично приехал на далекий остров вместе с обоими сыновьями, двором и грозной армией. Север немедленно перешел за стену Адриана и Антонина и вступил на территорию противника, намереваясь довести до конца давно продолжавшиеся попытки завоевать Британию. Он дошел до северной оконечности острова, не встретив врага, но хорошо замаскированные засады каледонцев, которые, оставаясь невидимыми для римлян, следовали за их армией на близком расстоянии сзади и с боков, холодный климат и тяжелые условия похода зимой по шотландским горам и болотам, как написано, заставили римлян потерять около пятидесяти тысяч человек. В конце концов каледонцы отступили перед мощным и непрерывным напором нападавших, попросили мира, сложили оружие и уступили значительную часть своих земель. Но их видимая покорность продолжалась недолго. Как только римские легионы ушли, каледонцы вернулись к прежней независимости и вражде с Римом. Своим беспокойным нравом они заставили Севера послать в Каледонию новую армию с самыми жестокими поручениями – не покорить, а уничтожить туземцев. Каледонцев спасла лишь смерть их высокомерного врага.

Эта каледонская война, в которой не было решающих событий и которая не привела ни к каким важным последствиям, вряд ли заслужила бы наше внимание, но есть предположение – и вероятность его достаточно велика, – что вторжение Севера связано с самой блестящей эпохой истории или сказаний бриттов. По словам сказителей, Фингал, чью славу вместе со славой его героев и его бардов воскресила на нашем языке недавно изданная книга, командовал каледонцами в той памятной схватке; он ускользнул из-под власти Севера и одержал решающую победу на берегах Каруна, откуда сын «повелителя всего мира» Каракул бежал от его оружия по полям, где он ранее гордился победой. Истинность этой распространенной в горной Шотландии легенды по-прежнему не вполне подтверждена, однако даже самые хитроумные изыскания современных критиков не смогли полностью опровергнуть их. И если мы можем без особого риска позволить себе приятное предположение, что Фингал действительно жил и Оссиан действительно пел, яркий контраст между положением и нравами боровшихся друг с другом народов мог бы занять ум философа. Сопоставление было бы не в пользу более цивилизованной нации. Достаточно сравнить безжалостную и неугасающую мстительность Севера с щедрым милосердием Фингала, трусливую и грубую жестокость Каракаллы с отвагой, мягкосердечием и изящным поэтическим гением Оссиана, вождей-наемников, которые из страха или ради выгоды служили под знаменем империи, и свободнорожденных воинов, которые брались за оружие по призыву короля Морвены... Одним словом, достаточно взглянуть на неученых каледонцев, блистающих природными добродетелями сердца, и выродившихся римлян, запятнанных низкими пороками богатства и рабства.

Каракалла и Гета

Упадок здоровья и предсмертная болезнь Септимия Севера побудили в душе Каракаллы бешеное честолюбие и темные страсти. Не желая больше ждать смерти императора или раздела империи, он несколько раз пытался сократить тот недолгий срок, который оставалось жить его отцу, и пытался, но безуспешно, поднять мятеж в войсках. Старый император часто осуждал Марка Аврелия за то, что он проявил милосердие не к тому, к кому следовало, а мог бы одним указом избавить римлян от тирании своего ничтожного сына. Оказавшись в том же положении, он почувствовал, как легко строгость судьи исчезает под действием родительской нежности. Он раздумывал, угрожал, но не мог наказать, и этот его последний и единственный милосердный поступок оказался губительнее для империи, чем длинный ряд его жестоких дел. Беспорядок в душе усиливал страдания тела, он нетерпеливо желал смерти и своим нетерпением приближал ее. Умер Север в Йорке, на шестьдесят пятом году жизни и на восемнадцатом году славного и успешного правления. В последние минуты жизни он дал своим сыновьям совет жить в согласии, а армии посоветовал признать их власть. Спасительный совет отца не проник ни в сердца, ни даже в умы его пылких молодых сыновей, но войска были послушнее: помня о клятве верности и авторитетном мнении своего покойного повелителя, они ответили отказом на настойчивые требования Каракаллы и провозгласили императорами Рима обоих братьев. Вскоре новые правители оставили каледонцев в покое, вернулись в столицу, похоронили своего отца с божескими почестями и были радостно признаны в качестве законных государей сенатом, народом и провинциями. Похоже, что старший брат имел немного более высокий сан, чем младший, но оба управляли империей равноправно и независимо друг от друга.

Такое разделение власти стало бы причиной разногласий и для самых любящих братьев. Оно никак не могло долго просуществовать, когда власть поделили между двумя неумолимыми врагами, которые не желали примирения и не могли в него поверить. Было ясно, что править может только один, а другой должен пасть; и каждый из них, судя о планах соперника по собственным планам, самым бдительным образом охранял свою жизнь от не раз случавшихся попыток оборвать ее ядом или мечом. Их быстрый проезд через Галлию и Италию, когда за время пути они ни разу не ели за одним столом и не спали в одном доме, выставил на обозрение перед жителями провинций отвратительную вражду между братьями. Прибыв в Рим, они немедленно разделили между собой огромный императорский дворец. Между их покоями не было допущено никакого сообщения; двери и переходы были старательно укреплены, караулы расставлялись по постам и сменялись так же строго, как в осажденном городе. Императоры встречались лишь на людях и в присутствии своей страдающей матери, при этом каждого окружала большая свита из вооруженных сторонников. И даже в этих церемониальных случаях притворная вежливость едва скрывала злобу, наполнявшую их сердца.

Эта скрытая гражданская война уже поставила в тупик все правительство, но тут был предложен план, который казался выгодным для обоих братьев-врагов. Было предложено, чтобы они, поскольку не могут примириться между собой, отделили себе каждый свою долю общего имущества, то есть поделили империю между собой. Условия договора были уже составлены, причем достаточно четко. Каракалла, как старший брат, сохранял за собой Европу и Западную Африку, а Гете отдавал власть над Азией и Египтом, и тот мог поселиться в Александрии или Антиохии, которые по богатству и величию стояли лишь немного ниже Рима. Многочисленные армии должны были постоянно стоять лагерем по обе стороны Фракийского Боспора и охранять границу между соперничающими монархиями. Сенаторы европейского происхождения должны были признать власть правителя Рима, а уроженцы Азии последовать за императором Востока. Слезы императрицы Юлии прервали эти переговоры, первые известия о которых уже наполнили душу каждого римлянина изумлением и негодованием. Время

и политика так тесно объединили завоеванные страны, что расколоть эту громаду на части можно было лишь с помощью самого грубого насилия. У римлян были основания опасаться, что разрозненные части вскоре снова окажутся под властью одного хозяина в результате гражданской войны; но если бы две половины империи отделились друг от друга навсегда, разделение провинций обязательно кончилось бы распадом империи, чье единство до сих пор было нерушимым.

Будь этот договор выполнен, повелитель Европы скоро мог бы стать завоевателем Азии. Но Каракалла добился победы более легким, хотя и более преступным путем. Он притворился, что послушался уговоров матери, и согласился встретиться с братом в ее покоях при условии, что между ними будут мир и согласие. Посреди их разговора несколько центурионов, которые ухитрились спрятаться поблизости, бросились с обнаженными мечами на несчастного Гету. Обезумевшая мать попыталась укрыть его в своих объятиях, но в неравной борьбе она была ранена в руку и залита кровью младшего сына, и при этом видела, как старший сын разжигает ярость убийц и сам помогает им. Как только дело было закончено, Каракалла поспешно и с выражением испуга на лице прибежал в лагерь преторианцев, свое единственное убежище, и бросился на землю перед статуями богов-охранителей. Солдаты попытались поднять и успокоить его. В отрывистых и беспорядочных словах он сообщил им, что ему грозила опасность, она была близка, но он чудом сумел спастись, и, намеками давая понять, что предупредил намерения своего врага, объявил, что решил жить и умереть вместе со своими верными войсками. Гета был любимцем солдат, но жаловаться было бесполезно, мстить опасно, и они все еще уважали сына Севера. Недовольство армии вылилось в бесплодный ропот и на том угасло, а Каракалла быстро убедил их в правоте своего дела тем, что щедро раздарил за один раз все сокровища, которые его отец накопил за время всего своего правления. Подлинные чувства солдат, а не чувствительность их сердец было единственным, от чего зависели его власть и безопасность. Их волеизъявление в пользу Каракаллы стало командой для сената покорно (и притворно) принять его: это раболепное собрание всегда было готово утвердить решение судьбы. Но поскольку Каракалла желал заглушить первый гнев публики, имя Геты было упомянуто пристойным образом, и прах убитого был похоронен с почестями, положенными римскому императору. Потомки, из сочувствия к его несчастью, стали умалчивать о его пороках. Мы считаем этого молодого правителя невинной жертвой честолюбия брата, забывая о том, что ему не хватило лишь силы, но не желания, чтобы довести до конца такие же попытки мести и убийства.

Преступление не осталось безнаказанным. Ни дела, ни удовольствия, ни лесть не могли защитить Каракаллу от угрызений нечистой совести, и он в минуты мучительной душевной боли признавался, что большое воображение часто представляет ему разгневанного брата и отца, которые, восстав из мертвых, угрожают ему и осыпают его упреками. Такое сознание своего преступления должно было бы побудить его добродетельным правлением убедить человечество, что кровавая расправа была невольным следствием роковой необходимости. Но раскаяние лишь заставило Каракаллу стереть с лица земли все, что могло напомнить ему о его вине или вызвать в памяти образ убитого брата. Вернувшись из сената во дворец, он застал свою мать в обществе нескольких знатных матрон, оплакивающих безвременную смерть ее младшего сына. Завистливый император пригрозил им мгновенной смертью, и этот приговор был выполнен над Фадиллой, последней остававшейся в живых дочерью императора Марка Аврелия. Даже Юлия в своем горе была вынуждена прекратить свои жалобы, подавить вздохи и принять убийцу с радостной одобрительной улыбкой. Было подсчитано, что более двадцати тысяч человек обоего пола, туманно названные «друзьями Геты», были убиты по приказу Каракаллы. Его охранники и вольноотпущенники, исполнители приказов и товарищи по развлечениям, те, кто благодаря его влиянию был назначен на какую-либо должность в армии или в провинциях, и те, кто был связан с ними длинной цепочкой зависимости, – все попали в

проскрипционные списки, куда старались внести каждого, кто хотя бы в самой малой степени поддерживал какие-то отношения с Гетой, оплакивал его смерть или просто упоминал его имя. Гельвий Пертинакс, сын государя, носившего то же имя, лишился жизни из-за несвоевременной шутки. Единственным преступлением Тразеи Приска было то, что он происходил из семьи, в которой любовь к свободе, казалось, была наследственной. В конце концов все конкретные причины для клеветы и подозрений исчерпали свои возможности, и, когда какого-нибудь сенатора обвиняли в том, что он тайный враг правительства, императору хватало того, чтобы было доказано более важное утверждение: что сенатор человек богатый и добродетельный. Из этого хорошо обоснованного правила он часто делал самые кровавые выводы.

Казнь стольких ни в чем не виновных граждан была оплакана лишь пролитыми втайне слезами их родных и семей. Смерть Папиниана, префекта претория, оплакивали как бедствие для общества. В последние семь лет правления Севера Папиниан занимал важнейшие государственные должности и своим благотворным влиянием направлял императора по пути справедливости и умеренности. Север, полностью уверенный в его добродетели и дарованиях, на смертном одре просил его следить за процветанием и единством императорской семьи. Искренние старания Папиниана в этом отношении только разжигали ту ненависть, которую Каракалла уже чувствовал к советнику своего отца. После убийства Геты префекту было приказано проявить свое мастерство юриста и красноречие, составив хорошо продуманную речь в защиту этого зверского поступка. Философ Сенека снизошел до того, что сочинил такого рода письмо к сенату для сына и убийцы Агриппины. «Убийство матери легче совершить, чем оправдать» – таким был великолепный и прославившийся в истории ответ Папиниана, человека, который без колебаний предпочел потерять жизнь, чем лишиться чести. Эта бесстрашная добродетель, оставшаяся чистой и незапятнанной рядом с придворными интригами, деловыми привычками и профессиональными адвокатскими уловками, придает памяти Папиниана больше блеска, чем все его высокие служебные обязанности, многочисленные сочинения и слава величайшего адвоката, которая сохранялась за ним на всех этапах истории римского правосудия.

До этих пор большой удачей для римлян и их утешением в самые худшие времена было то, что их добродетельные императоры были деятельными, а порочные – ленивыми. Август, Траян, Адриан и Марк Аврелий лично объезжали свои обширные владения, отмечая свой путь мудрыми делами и благодеяниями. Тирания Тиберия, Нерона и Домициана, которые почти все время жили в Риме или на виллах близ Рима, обрушивалась только на сословия сенаторов и всадников. Но Каракалла был врагом для всего народа. Через год после убийства Геты он покинул столицу (и никогда в нее не вернулся). То время, которое ему оставалось править, он провел в нескольких провинциях империи, более всего в восточных, и каждая из них по очереди испытала его грабеж и жестокость. Сенаторы, которых страх заставлял следовать за ним в его переездах, были обязаны каждый день за огромные деньги устраивать развлечения, которые он с презрением предоставлял своим охранникам, и строить в каждом городе великолепные дворцы и театры, которые император либо считал ниже своего достоинства посетить, либо приказывал немедленно разрушить. Самые богатые семьи были разорены тяжелыми налогами и конфискациями; многие из подданных находились под гнетом умело задуманных и затем увеличенных налогов. В мирной обстановке по самому незначительному поводу Каракалла в египетской Александрии отдал приказ перерезать всех жителей. С безопасного места в храме Сераписа он смотрел на эту бойню и руководил уничтожением многих тысяч граждан и иностранцев, невзирая ни на количество, ни на вину страдальцев, поскольку, как император холодно заявил сенату, все александрийцы, и погибшие и уцелевшие, были одинаково виновны.

Мудрые наставления Севера никогда не действовали подолгу на ум его сына, который, хотя и не был лишен воображения и красноречия, не имел ни способности здраво судить о вещах, ни человечности. Каракалла запомнил лишь одно отцовское правило, опасное и достой-

ное тирана, и злоупотреблял им. Это правило: «Обеспечивай себе любовь армии, а все остальные подданные не имеют значения». Но щедрость отца ограничивало благоразумие, а его снисходительность к войскам сдерживали твердый характер и авторитет. Беспечная расточительность сына была надежной политикой и неизбежно должна была погубить и армию, и империю. Сила солдат, вместо того чтобы укрепляться суровой лагерной дисциплиной, уменьшалась среди городской роскоши. Огромное повышение сумм их платы и подарков истощили государство и обогатили военное сословие, чья скромность в мирное время и хорошая служба в дни войны лучше всего обеспечиваются достойной бедностью. Каракалла держался высокомерно и гордо, но среди войск он забывал даже о достоинстве, соответствующем его званию, поощрял наглую фамильярность солдат и, пренебрегая необходимыми и крайне важными обязанностями полководца, подражал в одежде и манерах последним рядовым.

При таком поведении и характере Каракалла, конечно, не мог никому внушить ни любви, ни уважения, но пока его пороки были выгодны для армии, он мог не опасаться восстания. Тирана погубил тайный заговор, толчком к которому послужила его собственная зависть. Должность префекта претория была поделена между двумя советниками. Военные обязанности были поручены Адвенту, военному, у которого опыта было больше, чем способностей; гражданские обязанности исполнял Опилий Макрин, который благодаря своей умелости в коммерческих делах поднялся на эту высокую должность, не запятнав свое честное имя. Но изменчивая удача Макрина зависела от каприза императора, и он мог лишиться жизни из-за малейшего подозрения или любой случайности. Злоба или фанатизм подсказали одному африканцу, большому мастеру в искусстве узнавать будущее, очень опасное предсказание о том, что Макрину и его сыну предназначено править империей. Эта новость вскоре распространилась по всей провинции; гадателя, заковав в цепи, отправили в Рим, и там он в присутствии префекта города продолжал утверждать истинность своего пророчества. Этот чиновник, который имел самые строгие указания собирать сведения о преемниках Каракаллы, тут же сообщил результат опроса африканца императорскому двору, а двор тогда находился в Сирии. Но хотя императорские гонцы старательно выполняли свое дело, один из друзей Макрина нашел способ оповестить его о приближающейся опасности. Император получил письма из Рима, но в это время он руководил гонками колесниц и, поскольку был занят, отдал письма нераспечатанными префекту претория, приказав, чтобы тот обычными делами распорядился сам, а о более важных делах, про которые там может быть написано, доложил ему. Макрин прочел свой смертный приговор и решил нанести удар первым. Он разжег недовольство нескольких младших офицеров, а исполнителем сделал Марциала, отчаянного солдата, которому отказали в назначении на должность центуриона. Набожность Каракаллы подсказала ему решение отправиться в паломничество из Эдессы в прославленный храм Луны в Карре. Его сопровождал отряд конницы, но, когда он остановился у дороги по какой-то необходимости и его охранники держались на почтительном расстоянии, Марциал подошел к нему под предлогом какого-то служебного дела и заколол его кинжалом. Дерзкий убийца был тут же застрелен скифским лучником из императорской охраны. Так закончил свою жизнь правитель-чудовище, чья жизнь была позором для человеческой природы, а правление – временем, когда римляне позорили себя своим терпением. Благодарные солдаты, забыв о его пороках и помня лишь о его пристрастной щедрости, заставили сенат унизить собственное достоинство и достоинство религии, дав ему место среди богов. Единственным героем, которого этот «бог», живя на земле, считал достойным своего восхищения, был Александр Великий. Каракалла стал носить имя и символы Александра, составил из своих охранников македонскую фалангу, преследовал учеников Аристотеля и с мальчишеским увлечением отдавался этому чувству, единственному, в котором он проявил какой-либо интерес к добродетели или славе. Мы можем легко представить себе, что Карл XII после Нарвской битвы и завоевания Польши мог хвалиться тем, что соперничает в доблести и величии души с сыном Филиппа (хотя шведскому королю не хватало для подобия

этому образцу более благородных подвигов Александра). Но Каракалла за всю свою жизнь не был даже немного похож на македонского героя ни в одном поступке, если не считать убийства многих друзей своих и своего отца.

После этого преторианцы провозгласили императором Макрина. Его попытки реформировать армию сделали его непопулярным. Невестка Септимия Севера Юлия Меца объявила, что ее внук – сын Каракаллы. Он был объявлен императором и принял имя Антонин. Макрин был побежден и убит; Антонин и его придворные выехали в Рим.

Элагабал

Поскольку внимание нового императора отвлекали самые пустые забавы, он зря потратил много лишних месяцев на роскошное путешествие из Сирии в Италию, первую зиму после своей победы провел в Никомедии и отложил до лета того же года свой торжественный въезд в столицу. Однако его очень похожий портрет, который был привезен туда до его прибытия и по его собственному приказу возложен на стоявший в здании сената алтарь Виктории, позволил римлянам в точности увидеть недостойный облик этого человека. Новый император был изображен в вышитой золотом шелковой жреческой одежде покроя, принятого у мидийцев и финикийцев, то есть просторной и спадающей до пола складками. На голове у него была высокая тиара, кроме того, он носил множество ожерелий и браслетов, украшенных драгоценными камнями, стоимость которых невозможно было подсчитать. Его брови были подведены черной краской, а щеки – набелены и нарумянены. Серьезные сенаторы со вздохом признали, что Рим после того, как долго терпел беспощадную тиранию их земляков, в конце концов склонил голову перед изнеженным и роскошно наряженным восточным деспотом.

В Эмесе поклонялись богу солнца под именем Элагабал и чтили его в облике черного камня конической формы, который, как все верили, упал в это священное место с небес. Антонин верил, что именно этот бог-защитник возвел его на трон, и его единственным серьезным делом за все время правления стало выражение суеверной благодарности. Добиться триумфальной победы бога Эмесы над всеми религиями мира – вот к какой главной цели он направил свое усердие и свое честолюбие; почетное прозвище Элагабал (как первосвященник и любимец своего бога, император осмелился принять это священное имя) было ему дороже всех императорских титулов. Когда торжественное шествие везло по улицам Рима священный черный камень, путь перед ним был посыпан золотой пылью; святыня, одетая в оправу из драгоценных камней, ехала на колеснице, которую везли четыре молочно-белые лошади в богатой сбруе. Благочестивый император сам держал поводья и, поддерживаемый советниками, медленно шел спиной вперед, чтобы иметь возможность всегда наслаждаться счастьем, которое дарит присутствие бога. В великолепном храме, построенном на Палатинском холме, богу Элагабалу были торжественно принесены дорогие жертвы. Вина наилучших сортов, самые необычные жертвенные животные и самые редкостные благовония в изобилии возложили на его алтарь. Вокруг алтаря сирийские танцовщицы исполняли свои сладострастные танцы под звуки варварской музыки, при этом самые солидные люди из высших чинов государства и армии, одевшись в длинные финикийские туники, участвовали в служении на самых низших ролях, внешне проявляя усердие, но внутренне негодуя.

В этот храм, желая сделать его центром всех религиозных культов сразу, фанатичный император попытался перенести Анцилию, Палладиум и все священные залогов веры Нумы. Целая толпа низших богов стала прислуживать богу Эмесы в разных качествах, утверждая его величие. Но его двор не был полон, пока высокопоставленная невеста не взойшла на его супружеское ложе. В супруги сначала была выбрана Пал-лада, но возникли опасения, что эта грозная и воинственная богиня может испугать нежного, мягкосердечного сирийского бога, и более подходящей спутницей жизни для Солнца посчитали Луну, которую африканцы чтили

как богиню под именем Астарта. Изображение Астарты, вместе с богатыми дарами от ее храма в качестве приданого, торжественно перевезли в Рим из Карфагена, и день этой мистической свадьбы был отмечен всеобщим праздником в столице и империи.

Рассудочный по характеру любитель наслаждений неизменно отдаст должное тем земным удовольствиям, которые доставляет нам природа; улучшая эти дары чувств, он совершенствует их обществом людей и любовью к своим близким, окрашивает их в мягкие цвета вкуса и воображения. Но Элагабал (я имею в виду императора, носившего это имя), испорченный своей молодостью, родиной и судьбой, с необузданной страстью предавался самым грубым удовольствиям и вскоре начал чувствовать пресыщение и отвращение от своих радостей. На помощь были призваны возбуждающие возможности искусства: множество беспорядочно меняющихся женщин, вин и кушаний при умелом чередовании поз или соусов оживляли его притупившийся аппетит. Новые изобретения в этих искусствах, единственных, в которых упражнялся и которым покровительствовал этот монарх¹⁷, стали характерными чертами его правления и сделали его имя бесславленным в потомстве.

Недостаток вкуса и изящества восполнялся капризной расточительностью; когда Элагабал проматывал сокровища своего народа на самые безумные причуды, он сам и его льстецы прославляли это как проявления живости ума и великолепия, которых не имели его скучные предшественники. Перемешивать все времена года и все климаты, забавляться страстями и предрассудками своих подданных и нарушать все законы природы и скромности было одним из его самых сладких развлечений.

Большой свиты наложниц и быстро меняемых жен, среди которых была девственная весталка, похищенная силой из ее священного убежища, было недостаточно, чтобы удовлетворить его бессильные страсти. Повелитель римского мира подчеркнуто подражал женщинам в одежде и манерах, предпочитал прялку скипетру и позорил высшие почести империи тем, что раздавал их своим многочисленным любовникам; одному из них были публично даны титул и полномочия «мужа императора» – или, как он сам именовал себя, «мужа императрицы».

Может показаться вероятным, что пороки и безумства Элагабала были приукрашены фантазией и очернены предрассудками. Но даже если ограничиться лишь тем, что делалось публично, на глазах римского народа и засвидетельствовано историками, жившими в то время, эти пороки и безумства своим неописуемым бесславием превзошли все, что обесчестило когда-либо другие времена и другие страны. Разврат восточного монарха скрыт от взгляда любопытных неприступными стенами его сераля. Чувство чести и изящная любезность манер ввели в придворную жизнь современной Европы утонченность удовольствий, необходимость оглядываться на приличия и уважение мнения общества. Но испорченные и весьма состоятельные знатные люди Рима потворствовали каждому пороку, который могли найти в огромном сплаве народов и нравов. Уверенные в своей безнаказанности и не обращавшие внимания на осуждение, они жили среди своих терпеливых и смиренных рабов и прихлебателей, и не было ничего, что сдерживало бы их. В свою очередь император, смотревший на своих подданных любого звания с одинаково презрительным безразличием, бесконтрольно пользовался своим правом верховного владыки на похоть и роскошь.

Даже самые ничтожные из людей не боятся осуждать в других те самые вольности, которые позволяют себе, и всегда готовы найти какую-нибудь разницу в возрасте, характере или общественном положении, которая очень мило позволит им оправдать такое пристрастное поведение. Те развратные солдаты, которые возвели на трон распутного «сына» Каракаллы, теперь краснели за свой постыдный выбор; они с отвращением отвернулись от этого чудо-

¹⁷ Однажды за составление нового соуса была назначена щедрая награда. Но поскольку он не пришелся по вкусу императору, изобретателю велели питаться только собственным изобретением до тех пор, пока он не придумает что-нибудь более приятное для услаждения Элагабала.

вища и обратили свой взгляд на его двоюродного брата Александра, сына Мамеи, добродетели которого уже становились заметны. Хитрая Меза, чувствуя, что ее внук Элагабал неизбежно погубит себя собственными пороками, нашла для своей семьи другую, более надежную опору. Выбрав благоприятную минуту нежности и религиозного чувства, она убедила молодого императора усыновить Александра и дать приемному сыну титул цезаря, чтобы самому не отрываться от благочестивых дел ради земных забот. На этом посту любезный и добросердечный правитель вскоре заслужил любовь общества, чем возбудил зависть в тиране, и тот решил положить конец опасному соперничеству, либо изменив нрав соперника к худшему, либо отняв у него жизнь. Но уловки Элагабала были безуспешны: планы, которые он напрасно строил, все время либо становились известны из-за его собственной безрассудной болтливости, либо оказывались разрушены добродетельными и верными слугами, которыми осмотрительная Мамея окружила своего сына. В порыве страстей Элагабал принял поспешное решение силой выполнить то, чего не мог сделать обманом, и своим указом лишил двоюродного брата титула цезаря и положенных при нем почестей. Послание об этом было принято в сенате молча, а в армейском лагере гневно. Преторианцы поклялись защитить Александра и отомстить за опозоренное величие трона. Слезы и обещания дрожавшего Элагабала, который умолял их только пощадить его жизнь и оставить ему любимого Гиерокла, ослабили их справедливое негодование, и они ограничились тем, что поручили своим префектам следить, чтобы Александр был в безопасности, и надзирать за поведением императора.

Мир, заключенный таким образом, не мог продержаться долго, и даже Элагабал при всей низости своей души не мог править империей на условиях такой унижительной зависимости. Вскоре он попытался рискованным опытом проверить, каковы настроения солдат. Сообщение о смерти Александра и естественное подозрение, что он убит, так разъярили их, что поднявшуюся в лагере бурю удалось успокоить лишь благодаря появлению перед ними молодого любимца войск. Император, раздраженный этим новым проявлением любви солдат к его двоюродному брату и презрения к нему самому, рискнул наказать нескольких руководителей мятежа. Эта его несвоевременная суровость сразу же погубила его любимчиков, его мать и самого тирана. Разгневанные преторианцы зарезали Элагабала, протащили его изуродованное тело по улицам города и выбросили в Тибр. Сенат заклеил его память вечным позором, потомство подтвердило справедливость сенатского постановления.

Вступление на престол Александра Севера

В комнате Элагабала преторианцы возвели на трон его двоюродного брата Александра. Его родство с семьей Севера, чье имя он принял, было такое же, как у предшественника; его добродетели и грозившая ему опасность уже привлекли к нему сердца римлян, а охотно проявивший щедрость сенат за один день передал ему все титулы и полномочия императора. Но поскольку Александр был скромным и послушным долгу юношей, которому исполнилось всего семнадцать лет, бразды правления оказались в руках двух женщин – его матери Мамеи и его бабки Мезы. По смерти Мезы, которая недолго прожила после возведения на престол Александра, Мамея осталась единственной правительницей империи от имени сына.

Во все времена более мудрый или по меньшей мере более сильный из двух полов силой присваивал себе право на власть в государстве, а противоположному полу оставлял заботы и удовольствия домашней жизни. Однако в наследственных монархиях, особенно в нынешней Европе, рыцарственность и законы о престолонаследовании приучили нас делать из этого правила необычное исключение: женщину часто признают абсолютной монархиней огромного королевства, в котором ее посчитали бы неспособной исполнять даже самую низшую должность, как гражданскую, так и военную. Но поскольку римские императоры продолжали считаться полководцами и должностными лицами республики, их жены и матери, хотя и были

выделены из прочих почетным именем Августа, никогда не разделяли с императором почести, предназначенные лично ему; и воцарение женщины показалось бы невероятным кощунством тем ранним римлянам, которые женились без любви, а любили без тонкости чувств и уважения. Правда, горделивая Агриппина надеялась разделить с сыном императорскую власть, которую сама отдала в его руки; но ее безумно честолюбивые замыслы, ненавистные всем гражданам, небезразличным к достоинству Рима, были разрушены ловкости и стойкости Сенеки и Бурра. Здравомыслие или безразличие последующих правителей удержали их от того, чтобы оскорблять подданных, идя наперекор их предрассудкам, так что лишь развратный Элагабал первым обесчестил постановления сената, поместив на них рядом с именами консулов имя своей матери Соэмиды, которая подписывала акты законодательного собрания как его постоянный член. Ее более благоразумная сестра Мамея отказалась от этой бесполезной и ненавистной людям привилегии; был издан закон, в торжественных словах навсегда исключавший женщин из сената и посвящавший подземным богам того несчастного, кто нарушит этот запрет. Непомерное честолюбие Мамеи заставляло ее добиваться подлинной власти, а не показного блеска. Она полностью и прочно владела душой сына и в своей материнской привязанности не терпела для себя соперников. Александр с ее согласия женился на дочери одного патриция, но его уважение к тестю и любовь к императрице оказались несовместимы с нежной любовью или интересами Мамеи. Патриций был казнен по готовому рецепту – обвинен в предательстве, а жена Александра – с позором изгнана из дворца и сослана в Африку.

Несмотря ни на это проявление жестокости и ревности, ни на несколько случаев, когда Мамею можно обвинить в скупости, основная линия ее правления была на пользу и ее сыну, и империи. С одобрения сената она выбрала среди сенаторов шестнадцать самых мудрых и добродетельных и составила из них постоянный государственный совет, в присутствии которого обсуждались и решались все текущие государственные дела. Во главе этих сенаторов стоял прославленный Ульпиан, в равной мере известный знанием законов Рима и уважением к этим законам. Очистив город от иноземных суеверий и роскоши, оставшихся после капризной тирании Элагабала, они направили свое внимание на то, чтобы убрать его ничтожных ставленников из всех областей управления и заменить их людьми добродетельными и даровитыми. Ученость и любовь к справедливости стали единственными рекомендациями для получения гражданской должности, доблесть и любовь к дисциплине – для должности военной.

Но главной заботой Мамеи и ее мудрых советников было формирование характера молодого императора, от личных качеств которого в конечном счете зависело, будет римский мир счастлив или несчастен. Душа Александра оказалась благодатной почвой для тех, кто бросал в нее семена: она не только легко давала себя возделывать, но даже приносила урожай раньше, чем ее касалась рука. Благодаря своему прекрасному уму Александр быстро убедился в том, какие преимущества дает добро, какое удовольствие доставляет человеку знание и как необходимо трудиться. Естественная мягкость души и умеренность чувств хранили его от вспышек страстей и соблазнов порока. Его неизменная привязанность к матери и уважение к мудрому Ульпиану сохранили его неопытную юность от яда лести.

Простой перечень его ежедневных занятий рисует перед нами приятный облик полностью сформировавшегося императора и мог бы, с некоторыми поправками на различие нравов, служить современным государям примером для подражания. Александр вставал рано; первые минуты дня он проводил в одиночестве за религиозными обрядами, и его домашняя часовня была уставлена изображениями тех героев, которые заслужили почитание благодарного потомства тем, что преобразовали или улучшили жизнь людей. Но поскольку он считал, что самый приемлемый способ почитать богов – служение человечеству, основную часть утра он проводил в совете, где обсуждал общественные дела и выносил решения по частным вопросам, проявляя не свойственные юноше терпение и сдержанность. После деловых занятий его душа согревалась прелестями литературы; Александр всегда выделял время для изучения любимых

им поэзии, истории и философии. Сочинения Вергилия и Горация, труды Платона и Цицерона о государстве сформировали его вкус, расширили кругозор и привили ему самые благородные представления о человеке и правительстве. За упражнениями ума следовали упражнения тела, и Александр, который был высок, подвижен и крепок, превосходил в гимнастике большинство равных себе. Приняв ванну и подкрепившись легким обедом, он со свежими силами вновь брался за дневные дела и до часа ужина – а это было главное время еды у римлян – был окружен своими секретарями, вместе с которыми читал множество писем, памятных записок, прошений, которые посылались повелителю большей части мира, и отвечал на них. Стол у него накрывался простой и скудный; всегда, когда император имел такую возможность, его общество состояло из немногих избранных друзей, причем среди приглашенных постоянно был Ульпиан. Их разговор был нецеремонным и поучительным, а перерывы в нем заполнялись чтением вслух каких-нибудь приятных сочинений, занимавших место танцоров, комедиантов и даже гладиаторов, которых часто вызывали выступить перед застольным обществом в дома богато и роскошно живших римлян. Одевался Александр просто и скромно, манеры имел вежливые и мягкие. В определенные часы его дворец был открыт для всех подданных, но при этом глашатай выкрикивал благотворный совет, что звучал во время элевсинских мистерий: «Пусть никто не входит внутрь этих святых стен, если не чувствует, что его душа чиста и невинна».

Такое ровное и спокойное течение жизни, не оставлявшее места для пороков или безумств, доказывает мудрость и справедливость Александра как правителя лучше, чем все мелкие подробности, сохраненные Лампридием в его компиляции. Начиная с воцарения Коммода римский мир в течение сорока лет без перерыва терпел различные пороки четырех тиранов. После смерти Элагабала он тринадцать лет наслаждался благодатным покоем. Провинции, освобожденные от обременительных налогов, изобретенных Каракаллой и его приемным сыном, процветали в мире и достатке под управлением наместников, убедившихся на собственном опыте, что у них есть лишь один способ добиться расположения государя – заслужить любовь подданных. Было введено несколько нестрогих ограничений на предметы безвредной роскоши римского народа, но при этом цены на пищевые продукты и процентные ставки стали ниже благодаря отеческой заботливости Александра, который в щедрости был благоразумен: удовлетворял желания черни и развлекал ее, но при этом не доводил до нищеты усердных тружеников.

Имя Антонин, облагороженное добродетелями Пия и Марка Аврелия, перешло по закону усыновления к распутному Веру и по наследству – к жестокому Коммоду. Потом оно стало почетным прозвищем сыновей Севера, было присвоено молодому Диадумениану и в конце концов обесчещено бесславным верховным жрецом из Эмесы. Александр, несмотря на умело составленные и, может быть, искренние настойчивые просьбы сената, благородно отказался украсить себя чужим блеском заимствованного имени, но все его поступки были направлены на то, чтобы возродить славу и счастье эпохи подлинных Антонинов.

Хотя Александр Север в этом своем традиционном портрете идеализирован, насколько знал Гиббон, это был умеренный и добросовестный правитель. Но реформы, проведенные Александром, сделали его непопулярным, а когда обстановка на персидском и германском фронтах начала становиться угрожающей, он утратил всякую власть над армией. Гиббон завершает главу 6 отступлением на тему финансов империи.

РАСКОЛ ИМПЕРИИ

Глава 7

ИМПЕРАТОР-ВАРВАР. ГОРДИАНЫ. ФИЛИПП АРАБ

Из различных форм правления, которые в разные времена преобладали в мире, наследственная монархия, кажется, дает больше всего поводов для насмешек. Можно ли без возмущения и улыбки рассказывать о том, как после смерти отца целый народ, принадлежащий ему, передается по наследству, как упряжка быков, его младенцу-сыну, который пока не известен ни человечеству, ни себе самому, а самые бесстрашные воины и самые мудрые государственные мужи отказываются от своего естественного права на власть, подходят к колыбельке короля, преклоняют перед ним колени и клянутся в неизменной верности? Сатирик или красноречивый оратор мог бы изложить эту очевидную мысль в самых ярких красках, но мы, рассуждающие более серьезно, будем независимо от человеческих страстей уважать полезный предрассудок, устанавливающий порядок наследования, и радостно приветствовать любое средство, избавляющее толпу от опасной и, по сути дела, мнимой власти – права ставить над собой хозяйина.

В прохладной тени своего уединенного уголка мы легко можем вообразить себе формы правления, при которых скипетр постоянно будет отдаваться самому достойному соискателю руками всего общества путем свободного и неискаженного голосования. Опыт разрушает эти воздушные замки и учит нас, что в большом обществе право выбирать монарха никогда не будет принадлежать ни самой мудрой, ни самой большой части населения. Армия – единственный слой общества, в котором люди настолько едины, что могут действовать совместно, испытывая одно и то же чувство, и достаточно сильны, чтобы навязать эти чувства остальным своим согражданам. Доблесть вызывает у этих людей уважение, а щедрость позволяет купить их голоса; но первое из этих достоинств – чувство, которое часто живет в самых диких сердцах, второе же можно проявить только за счет общества, и оба их может обратить в своем честолюбии против обладателя трона его дерзкий соперник.

Преимущество по праву рождения, если оно подтверждено временем и мнением народа, – самое простое и вызывающее меньше всего зависти неравенство между людьми. Признание этого права гасит надежды на успех интриги, а сознание собственной безопасности умиротворяет монарха, не давая ему быть жестоким. Прочное укоренение этой мысли в умах обеспечивает мирный переход власти по наследству и мягкий режим правления в европейских монархиях. Недостаточное ее понимание можно считать причиной частых гражданских войн, которыми любой восточный деспот вынужден прокладывать себе путь к трону своих отцов. Но даже на Востоке круг соперников обычно ограничивается принцами царствующего дома, и наиболее удачливый из них после того, как устранил мечом или удавкой своих родичей, не вызывает зависти у менее знатных подданных. Римская же империя после того, как сенат из авторитетного стал презируемым, была огромной сценой, на которой царили беспорядок и неразбериха. Царские и даже просто знатные семьи провинций уже много лет назад были проведены как пленники перед триумфальными колесницами республиканцев. Старинные семейства Рима одно за другим погибли от тирании цезарей; а пока сами владыки Рима были связаны в своих действиях республиканскими формами правления и их неудачливые потомки раз за разом обманывали их надежды, мысль о передаче власти по наследству ни в каком виде не могла укорениться в умах их подданных. Право на трон, который никто не мог потребовать себе по рождению, получал любой благодаря своим достоинствам. С дерзких честолюбив-

вых надежд были сняты спасительные ограничения закона и предрассудков, и даже последний среди людей мог, не теряя рассудка, надеяться, что доблесть и удача помогут ему подняться на высокое место в армии, а там всего одно преступление – и он вырвет скипетр мира из рук своего слабого и не любимого народом повелителя. После смерти Александра Севера и вступления на престол Максимиана ни один император не мог чувствовать себя безопасно на троне, а каждый крестьянин-варвар с границы мог мечтать о высочайшем, но опасном императорском сане.

Примерно за тридцать два года до этих событий император Септимий Север, возвращаясь из похода на восток, сделал остановку во Фракии, чтобы отпраздновать состязаниями солдат день рождения своего младшего сына Геты. Жители страны толпами сходились и съезжались на эти игры, чтобы посмотреть на своего верховного владыку, и один молодой варвар гигантского роста убежденно заявил на своем грубом наречии, что может состязаться за приз в борьбе. Поскольку армейская дисциплина была бы опозорена, если бы римский солдат был побежден фракийским крестьянином, против просителя выставили самых крепких мужчин из гражданского люда, кормившегося при лагере, но он уложил на землю одного за другим шестнадцать из них. Победитель получил в награду несколько мелких подарков и разрешение вступить в войска. На следующий день счастливец-варвара заметили среди толпы новобранцев, в которой он был выше всех. Он танцевал, выражая свое ликование по обычаю своей страны. Заметив, что привлек внимание императора, победитель тут же подбежал к его коню, помчался рядом с ним пешком и так бежал долго и быстро, не проявляя ни малейших признаков усталости. «Фракиец, согласишься ли ты бороться после своего бега?» – спросил изумленный Север. «С величайшим удовольствием, государь», – ответил неутомимый юноша и после этого почти мгновенно победил в борьбе семь сильнейших солдат армии. За эти несравненные доблесть и быстроту он получил в награду золотое ожерелье и тут же был принят в конную охрану, которая всегда сопровождала императора.

Максимин – так звали этого человека, – хотя и родился во владениях империи, был смешанного варварского происхождения: отец его был готом, а мать из народа аланов. При каждом подходящем случае он проявлял свою доблесть, которая была равна его силе, а знание жизни вскоре смягчило его природную свирепость или же научило Максимиана ее скрывать. В правление Севера и его сына Максимин был произведен в центурионы и заслужил благосклонность и уважение обоих этих правителей, из которых первый прекрасно умел оценить достоинства человека. Благодарность не позволила Максиминому служить под началом у того, кто убил Каракаллу. Чувство чести заставило его ответить отказом на оскорбительные предложения женственного Элагабала. После вступления на престол Александра Максимин вернулся ко двору, и этот правитель поставил его на должность, полезную для войска и почетную для него самого. Четвертый легион, в который Максимин был назначен трибуном, вскоре его стараниями стал самым дисциплинированным во всей армии. При всеобщем одобрении солдат, которые называли своего любимого героя Аяксом и Геркулесом, он постепенно поднялся до должности главнокомандующего всеми войсками империи, и, если бы в Максимиане не осталось слишком много следов его варварского происхождения, император, возможно, выдал бы замуж за его сына собственную сестру.

Эти почести, вместо того чтобы укрепить верность Максимиана, лишь воспламеняли честолюбие фракийского крестьянина, который уже считал, что, пока он должен признавать над собой старшего, его положение не равно его достоинствам. Чуждый настоящей мудрости, Максимин тем не менее не был лишен эгоистичной и хитрой сообразительности, которая позволила ему увидеть, что император утратил любовь армии, и подсказала, что он может выгодно для себя использовать неладу между ними. Вражда партий и клевета легко находят повод облить своим ядом действия даже самых лучших правителей и обвинять даже добродетельных владык в порочности, искусно приписывая им дурные наклонности, с которыми у тех нет ничего общего. В войсках с удовольствием слушали посланцев Максимиана. Солдаты краснели

при мысли о том позорном терпении, с которым они тринадцать лет переносили унижительную дисциплину, что навязал им сирийский неженка, трусливый раб своей матери и сената. Они кричали, что настало время сбросить эту бесполезную тень гражданского правителя и поставить у власти полководца и настоящего солдата, который вырос в лагерях и обучен военному делу, который укрепит славу империи и поделится со своими товарищами ее сокровищами. В это время на берегах Рейна находилась большая армия, и ею командовал сам император, который почти сразу после возвращения с Персидской войны был должен выступить в поход против германских варваров. Максимино было доверено важное дело – обучение и проверка выучки недавно набранных пехотинцев. Однажды, когда он выехал на плац, солдаты, то ли в случайном порыве чувств, то ли в результате сознательного заговора, приветствовали его, назвав императором, своими громкими криками заставили его замолчать, когда он упорно пытался откаться от этого сана, и поспешили довести свой мятеж до конца, убив Александра Севера.

Его смерть описывают по-разному. Те историки, которые предполагают, что Александр умер, не зная о неблагодарности и честолюбивых намерениях Максимиана, утверждают, что император, съев перед строем своих войск скромную закуску, ушел спать, и примерно в седьмом часу утра некоторые из его собственных охранников ворвались в его палатку и убили ничего не подозревавшего добродетельного правителя, нанеся ему множество ран. Если же мы поверим другому, более правдоподобному рассказу, большой отряд войск надел на Максимиана императорский пурпур; это произошло на расстоянии нескольких миль от главной ставки, и полководец в своих расчетах на успех надеялся на тайные желания, а не на открытое заявление основной армии. У Александра было достаточно времени, чтобы пробудить какой-то намек на верность в его войсках, но их неохотно данные клятвы были быстро забыты, когда перед ними появился Максимин и объявил себя другом и защитником воинского сословия. Легионы рукоплескали полководцу и единогласно провозгласили его императором римлян. Сын Мамеи, преданный и покинутый, ушел в свою палатку, желая, чтобы его приближающийся конец был хотя бы скрыт от толпы и обошелся без ее оскорблений. Вскоре за ним туда же вошли один трибун и несколько центурионов, которым было поручено исполнить смертный приговор; но Александр, вместо того чтобы с решимостью настоящего мужчины принять неизбежный удар, опозорил последние минуты своей жизни бесполезными криками и мольбами, чем обратил в презрение ту долю оправданной жалости, которую мог вызвать своей невиновностью и своим несчастьем. Его мать Мамея, чьи гордость и скупость он громко называл причинами своей гибели, погибла вместе с сыном. Самые верные друзья Александра пали жертвами первой ярости солдат, остальные были оставлены для более осознанной мести захватчика престола, а те, с кем обошлись мягче всего, были лишены своих должностей и с позором изгнаны от двора и из армии.

Прежние тираны – Калигула и Нерон, Коммод и Каракалла – были развратными и неопытными юношами, которые выросли в императорском пурпуре; их испортили гордыня, порожденная императорской властью, роскошь Рима и коварные голоса льстецов. Жестокость Максимиана имела иную причину – боязнь презрения. Хотя он зависел от привязанности солдат, которые любили его за те добродетели, которые имели сами, он понимал, что его низкое и варварское происхождение, внешность дикаря и совершенное незнание искусств и правил хорошего тона составляют невыгодную для него противоположность с воспитанностью несчастного Александра. Он помнил, как прежде, в скромной доле, часто ждал своей очереди у дверей высокомерных знатных римлян и бывал не допущен в дом их наглыми рабами. Он помнил и дружбу тех немногих, кто облегчал ему тяготы бедности и помогал осуществить разраставшие надежды. Но и те, кто гнал фракийца, и те, кто его защищал, были виновны в одном и том же преступлении – они знали, из каких безвестных низов он родом. За это преступление многие лишились жизни, и, казнив нескольких своих благодетелей, Максимин несмываемыми кровавыми буквами расписался в своей низости и неблагодарности.

Мрачная и кровожадная душа этого тирана была открыта для любого подозрения в отношении тех его подданных, кто выделялся знатностью рождения или заслугами. Каждый раз, когда его слух тревожило слово «предательство», жестокость императора была безграничной и беспощадной. Однажды был то ли раскрыт, то ли выдуман заговор с целью его убить; главным заговорщиком был назван Магн, сенатор и бывший консул. Магн и четыре тысячи его предполагаемых сообщников были казнены без выслушивания свидетелей, без суда и без возможности защититься. Италию и всю империю заполнило бесчисленное количество шпионов и доносчиков. При малейшем обвинении первых людей среди римской знати – те, кто в прошлом управлял провинциями, командовал армиями и был торжественно украшен знаками консула и триумфатора, – этих людей приковывали цепями к государственным повозкам и быстро увозили к императору. Конфискация имущества, ссылка или простая смерть у него считались необычным милосердием. Некоторых из этих несчастных страдальцев он приказал казнить, зашив в шкуры зарезанных животных, других – отдать на растерзание диким зверям, третьих – забить насмерть дубинами. За три года своего правления Максимин ни разу не снизошел до того, чтобы побывать в Риме или в Италии. Его военный лагерь, находившийся то на берегах Рейна, то на берегах Дуная, стал центром суровой деспотической власти, которая попирала все принципы законности и правосудия по праву, которое признавали все, – праву военной силы. Максимин не терпел возле себя ни одного человека, имевшего благородное происхождение, делавшего успехи в изящных искусствах или умевшего держаться в хорошем обществе, так что двор римского императора напоминал окружение кого-нибудь из тех древних предводителей рабов и гладиаторов, чья дикая власть оставила после себя надолго сохранившиеся ужас и отвращение к себе.

Пока жестокость Максимиана проявлялась только по отношению к знаменитым сенаторам, пока от нее страдали дерзкие придворные и армейские авантюристы, которые сами отдают себя во власть капризной судьбы, основная часть народа смотрела на эти страдания с безразличием, а возможно, даже с удовольствием. Но скупой тиран, подстрекаемый ненасытной жадностью солдат, в конце концов затронул имущество народа. Каждый город империи имел такие доходы, которыми распоряжался самостоятельно. Они шли на закупку зерна для народа, устройство игр и прочих развлечений. Все эти богатства одним распоряжением императора были отняты у городов и переданы в имперскую казну. У храмов забрали самые ценные золотые и серебряные вещи, принесенные им в дар; эти статуи богов, героев и императоров были расплавлены, и из них отчеканили монеты. Выполнение таких кощунственных приказов не могло обойтись без бунтов и кровопролития, поскольку жители многих городов предпочли умереть, защищая свои алтари, чем смотреть на то, как их город в мирное время терпит грабеж и жестокость, словно во время войны. Даже солдаты, среди которых была разделена эта свято-татственно захваченная добыча, краснели, принимая ее: как бы они ни были в силу привычки нечувствительны к насилию, все же эти люди боялись справедливых упреков своих друзей и родных. По всему римскому миру раздавался общий негодующий крик, в котором звучала мольба, чтобы Максимиана, общего врага всего человечества, настигла месть; в конце концов Максимин довел мирную и безоружную провинцию до того, что она восстала против него.

Тогдашний прокуратор Африки был достойным слугой своего господина, то есть считал поборы с богатых людей и конфискацию их имущества одной из самых доходных статей имперского бюджета. Против нескольких состоятельных молодых жителей этой провинции был произнесен чудовищно несправедливый приговор, выполнение которого лишило бы их большей части имущества. В такой крайности отчаяние подсказало этим юношам решение, которое должно было либо довершить их гибель, либо предотвратить ее. С трудом получив у алчного казначея отсрочку на три дня, они использовали это время для того, чтобы привести из своих имений большое количество рабов и крестьян, слепо преданных своим господам и вооруженных по-сельски – дубинами и топорами. Руководители заговора, когда их допустили

на прием к прокуратору, закололи его кинжалами, которые прятали под одеждой, затем с помощью своей беспокойной свиты захватили маленький город Фисдрус и подняли там знамя восстания против владыки римского мира. Они надеялись на ненависть народа к Максимину и обоснованно решили противопоставить этому ненавистному тирану императора, который уже заслужил любовь и уважение римлян мягкостью нрава и добродетелями и имел бы в провинциях авторитет, который придал бы вес и надежность их плану. Их проконсул Гордиан, которого они выбрали, непритворно отказался от этой опасной чести и со слезами просил, чтобы они дали ему мирно окончить его долгую беспорочную жизнь и не заставляли пятнать годы его слабой старости кровью сограждан. Угрозы заговорщиков вынудили его принять императорский пурпур. Правду говоря, это было для него единственным спасением от жестокости ревниво оберегавшего свою власть Максимиана, ведь по логике тиранов тот, кого посчитали достойным трона, уже заслуживает смерти, а тот, кто думает, уже мятежник.

Гордианы

Семья Гордианов была одной из самых знаменитых в римском сенате. Со стороны отца предками Гордиана были Гракхи, а со стороны матери – император Траян. Огромное состояние давало ему возможность поддерживать честь имени, и в использовании этого богатства Гордиан проявил тонкий вкус и готовность облагодетельствовать других. Несколько поколений семьи Гордианов владели в Риме дворцом, в котором когда-то жил великий Помпей. Это здание было отмечено трофеями давних морских побед и украшено работами современных Гордиану живописцев. Вилла Гордиана на Пренестинской дороге была знаменита необычной красотой и большим размером своих бань, тремя величественными залами, из которых каждый имел в длину сто футов, и великолепным портиком, который поддерживали двести колонн из четырех самых интересных и дорогих сортов мрамора. На общедоступные зрелища, которые он устраивал за свой счет и во время которых народ развлекали многие сотни диких зверей и гладиаторов, он, казалось, тратил слишком много. У других должностных лиц пределом их щедрости были несколько торжественных праздников в Риме, а великолепные празднества Гордиана в том году, когда он был эдилом, повторялись каждый месяц, а когда он стал консулом, были устроены и в главных городах Италии. На эту вторую должность его назначали дважды – один раз Каракалла, второй – Александр: у Гордиана был редкий дар вызывать к себе уважение добродетельных правителей, не возбуждая при этом ревнивой зависти тиранов. Свою долгую жизнь он провел в покое, изучая литературу и принимая мирные почести от Рима. Известно, что Гордиан до того, как был назначен проконсулом Африки по решению сената и с одобрения Александра, благоразумно отказывался командовать армиями и управлять провинциями. Пока был жив император Александр, Африка была счастлива под управлением Гордиана, его достойного представителя. Когда трон захватил по-дикарски грубый и жестокий Максимиан, Гордиан уменьшал несчастья, которых не мог предотвратить. Когда он неохотно надел пурпур, ему было уже более восьмидесяти лет; Гордиан был последним драгоценным осколком счастливого времени Антонинов, добродетели которых он оживлял в памяти людей своим поведением и прославил в изящной поэме из тридцати частей. Вместе с почтенным проконсулом в императоры был возведен и его сын, тоже Гордиан, приехавший с отцом в Африку в качестве заместителя. Нравы сына были менее чистыми, чем у отца, но он был таким же любезным и добродушным. У него было двадцать две признанных наложницы и библиотека из шестидесяти тысяч книг, что свидетельствует о его любви к разнообразию; судя по тому, какие плоды его трудов остались после него, и женщинами, и книгами он пользовался, а не держал их лишь для того, чтобы хвалиться ими перед людьми. Римский народ находил в чертах его лица сходство с лицом Сципиона Африканского, с удовольствием вспоминал, что его мать была внуч-

кой Антонина Пия и возлагал свои надежды на скрытые добродетели, которые, как римляне наивно думали, пока были не видны за роскошной праздностью его частной жизни.

Как только Гордианы успокоили те шумные волнения, которыми всегда сопровождаются народные выборы, они перенесли свой двор в Карфаген. Африканцы, которые чтили их за добродетели и после приезда в Африку Адриана еще ни разу не видели римского императора во всем его величии, встретили их приветственными криками. Но эти пустые звуки не укрепляли и не подтверждали верховную власть Гордианов. Их славили криками по установившемуся правилу и ради выгоды, чтобы добиться одобрения у сената. Немедленно депутация из знатнейших людей провинции была послана в Рим, чтобы рассказать о поступке своих земляков, которые долго и терпеливо страдали, но в конце концов решились применить силу, и оправдать их поведение. В своих письмах новые государи обращались к сенату скромно и почтительно, извинялись за то, что необходимость заставила их принять императорский титул, и писали, что предоставляют сенату как высшему суду принять решение относительно их избрания и их судьбы.

Сенаторы не сомневались и были единодушны в том, кого предпочесть. Высокое происхождение и родство со знатными семьями через браки тесно связывали Гордианов с самыми прославленными семействами Рима. Благодаря их богатству многие сенаторы зависели от них, а своими достоинствами Гордианы приобрели себе много друзей. Их мягкие методы правления открывали приятную перспективу восстановить не только гражданские права, но даже республику. Ужасы военного насилия, вначале заставившие сенат забыть об убийстве Александра и утвердить избрание крестьянина-варвара, теперь действовали противоположным образом: побудили сенаторов вступить за поправленные права свободы и человечности. Ненависть Максимиана к сенату была открытой и непримиримой; самая смиренная покорность не угасила бы его ярости, самое осторожное избегание всего, что можно было бы посчитать виной, не устранило бы его подозрений, так что даже забота о собственной безопасности и та подталкивала их к тому, чтобы связать свою судьбу с судьбой восстания, первыми жертвами которого они точно стали бы (в случае его неудачи). Эти соображения и, возможно, другие, более личные, были обсуждены на предварительном совещании консулов и должностных лиц. Как только решение было принято, они собрались в храме Кастора согласно старинному правилу секретности. Это было сделано с тем расчетом, чтобы обострить внимание сенаторов и скрыть содержание их постановлений. «Отцы и братья по службе, к которой мы призваны, – заговорил консул Силан, – два Гордиана, отец и сын, оба консульского достоинства, один ваш проконсул, другой ваш уполномоченный, объявлены императорами по единогласному решению жителей Африки. Ответим же на это благодарностью молодежи Фисдруса, – отважно продолжал он, – ответим благодарностью верному народу Карфагена, нашему великодушному освободителю от ужасного чудовища. Почему вы слушаете меня так холодно, так робко? Почему вы бросаете друг на друга эти тревожные взгляды? Почему колеблетесь? Максимин – враг общества! Пусть же его вражда скорее умрет вместе с ним и пусть мы будем долго наслаждаться осмотрительностью и удачей Гордиана-отца, доблестью и постоянством Гордиана-сына!» Консул своим благородным пылом вдохнул жизнь в вялые души сенаторов. Они единогласно приняли постановление, которым утвердили избрание Гордианов, объявили, что Максимин, его сын и его сторонники – враги своей страны, и предложили щедрое вознаграждение любому, у кого хватит смелости и удачи уничтожить этих врагов.

В Риме во время отсутствия императора оставался отряд преторианской гвардии, который должен был защищать столицу, а вернее – командовать столицей. Префект Виталиан доказал свою преданность Максимиану тем рвением, с которым исполнял жестокие приказы тирана, иногда даже опережая их. Его смерть одна могла спасти авторитет сената и жизнь сенаторов от опасности и прекратить тревожное ожидание. Раньше, чем намерения сенаторов стали известны, один из квесторов и несколько трибунов получили поручение лишить жизни вер-

ного префекта. Они выполнили этот приказ с успехом, равным их отваге, и, держа в руках окровавленные кинжалы, пробежали по улицам города, сообщая народу и солдатам новость об удачном перевороте. Воодушевление, вызванное мыслью о свободе, подкреплялось обещанием щедрых даров в виде земли и денег. Статуи Максимиана были сброшены с пьедесталов, столица империи с восторгом признала власть двух Гордианов и сената, и примеру Рима последовала остальная Италия.

В сенате, чьим долгим терпением до этого оскорбительно злоупотребляли развратные деспоты и распущенная военщина, было теперь совсем иное настроение, чем прежде. Это собрание взяло дела правления в свои руки и с бесстрашным спокойствием стало готовиться к тому, чтобы отомстить за свободу силой оружия. Среди тех сенаторов консульского достоинства, к которым император Александр благоволил за их достоинства и заслуги, было легко выбрать двадцать человек, имевших способности к командованию армией и ведению войны. Им была поручена оборона Италии, причем каждый был назначен в свой собственный округ, был наделен правом набирать солдат среди итальянской молодежи, обучать их, получил указание укрепить порты и дороги против неизбежного будущего вторжения Максимиана. Посланцы, выбранные среди самых прославленных патрициев и всадников, были отправлены к наместникам сразу нескольких провинций с поручением горячо и убедительно просить их поспешить на помощь своей стране и напомнить народам своих провинций об их старинных узах дружбы с сенатом и народом Рима. Всеобщее уважение, с которым были приняты эти посланцы, и то, с каким жаром и усердием Италия и провинции стали помогать сенату, служит достаточным доказательством, что подданные Максимиана были доведены до того крайнего отчаяния, при котором для основной массы народа угнетение страшнее сопротивления. Сознание этой печальной истины приводит к яростному упорству, редкому во время тех гражданских войн, которые поддерживаются искусственно ради выгоды нескольких партий и руководителей-интриганов.

Но когда дело Гордианов получило такую горячую поддержку, самих Гордианов уже не существовало. Слабый карфагенский двор был встревожен приближением Капеллиана, наместника Мавретании, который во главе небольшого отряда ветеранов и целого полчища свирепых варваров напал на верную, но невоинственную провинцию. Младший Гордиан вышел ему навстречу во главе малочисленного войска и большой недисциплинированной толпы выросших среди мирной роскоши жителей Карфагена. Эта бесполезная отвага принесла ему лишь достойную смерть на поле боя. Его престарелый отец, чье правление продолжалось не более тридцати шести дней, покончил с собой, как только узнал о поражении. Оставшийся без защиты Карфаген открыл ворота захватчику, и Африка стала жертвой разбоя и жестокости раба, который был обязан удовлетворить своего беспощадного хозяина большим количеством крови и сокровищ.

Сенат, который теперь был вынужден сопротивляться Максимиану, выбрал двух совместно правящих императоров – Пупиена (в тексте Гиббона – Максим) и Бальбина. Максимиан готовился войти в Италию способом, который предвосхищал будущие вторжения варваров.

Пока в Риме и Африке перевороты следовали один за другим с поразительной быстротой, в душе Максимиана бушевала самая неукротимая ярость. Пишут, что известие о восстании Гордианов и сенатском постановлении против него самого он принял не с человеческим гневом, а с бешенством дикого зверя; поскольку его бешеная ярость не могла найти себе выход, обрушившись на сенат, который был слишком далеко, она стала опасной для жизни его собственного сына, его друзей и всех, кто осмеливался приблизиться к нему. Вслед за приятной новостью о смерти Гордианов скоро пришло сообщение о том, что сенаторы, оставившие всякую надежду на прощение или примирение, выбрали императорами вместо умерших двух людей, о чьих

достоинствах он не мог не знать. Максимино осталось лишь одно утешение – месть, и осуществить эту месть он мог лишь силой оружия. Александр собрал в легионы солдат со всех концов империи. Три успешных войны против германцев и сарматов прославили этих легионеров, укрепили их дисциплину и даже увеличили их число, поскольку ряды легионов пополнились лучшими из варварской молодежи. Максимин провел всю жизнь на войне; правдивая и суровая история не может не признать за ним солдатскую доблесть и даже полководческое дарование опытного военачальника. Естественным было бы ожидать, что правитель с таким характером не будет откладывать поход, дожидаясь, пока обстановка в лагере восставших окончательно определится, а немедленно поведет войска с берегов Дуная на берега Тибра, и его победоносная армия, воодушевленная презрением к сенату и жаждущая захватить добычу в Италии, будет рваться в бой, чтобы довести до конца легкое и обещавшее большую прибыль завоевание. Однако, насколько можно верить неточной хронологии этого периода, военные действия против какого-то внешнего неприятеля заставили Максимино отложить поход на Италию до следующей весны. По этому его благоразумному поведению мы можем судить, что дикие стороны его характера преувеличены авторами, принадлежавшими к враждебной партии, что его страсти, какими бы пылкими они ни были, подчинялись разуму и что у него, варвара, было что-то от благородства Суллы, который сначала покорил врагов Рима и лишь потом стал мстить за оскорбления, нанесенные лично ему.

Когда войска Максимино в полном боевом порядке подошли к подножию Юлиевых Альп, их устроили тишина и разорение, царившие на границах Италии. Деревни и неукрепленные малые города при их приближении пустели, покинутые жителями; оказалось, что скот угнан прочь, продовольствие увезено или уничтожено, мосты разобраны, и не осталось ничего, что могло бы стать кровом или пищей для захватчика. Таковы были мудрые приказы полководцев сената, желавших затянуть войну, медленно погубить армию Максимино голодом и заставить его израсходовать силы на осаду главных городов Италии, а эти города они хорошо обеспечили людьми и продовольствием, собранными из опустошенной сельской местности. Первый удар захватчиков приняла на себя и выдержала Аквилея. Малые реки, истоки которых находятся на побережье верхней части Адриатического залива, разлились из-за таяния зимних снегов и стали неожиданным препятствием для армии Максимино. В конце концов он перевел свои войска на противоположный берег по необычному мосту, который был с немалым мастерством и трудом построен из больших бочек, вырубил с корнем прекрасные виноградники по соседству с Аквилеей, разрушил пригороды, дерево из сломанных зданий использовал для постройки осадных машин и башен и с их помощью атаковал город со всех сторон. Стены, которые обветшали за долгие годы мира и безопасности, были поспешно укреплены при этой внезапной угрозе; но самым прочным укреплением Аквилеи была твердость духа ее жителей. Горожане всех сословий, находясь в крайней опасности и зная о беспощадности тирана, вместо испуга ощутили в себе боевой дух. Их мужество поддерживали и направляли Криспин и Менофил, двое из двенадцати уполномоченных сената, которые с небольшим отрядом регулярных войск бросились им на помощь и вошли в осажденный город. Атаки армии Максимино много раз были отбиты, осадные машины уничтожены – их забросали огненным зельем, и благородное воодушевление аквилейцев было поднято до уверенности в победе мнением, что Белен, их бог-покровитель, сам сражается с врагами в рядах своих терпящих бедствие почитателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.